Некрасов Д. В.

Соотношение политики и морали в войне

Монография

Д. В. Некрасов

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИКИ И МОРАЛИ В ВОЙНЕ

Монография

Электронное текстовое издание

Санкт-Петербург
Наукоемкие технологии
2026

© Некрасов Д. В., 2026
ISBN 978-5-00271-118-5

УДК 172.4
ББК 87.6
Н48

Рецензенты:

Петр Владимирович Петрий – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ, член-корреспондент Российской академии образования;
Максим Витальевич Барановский – доктор социологических наук, начальник кафедры психологии Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ

Н48 Некрасов Д. В. Соотношение политики и морали в войне [Электронный ресурс]: монография / Д. В. Некрасов. – СПб.: Наукоемкие технологии, 2026. – 128 с. – URL: https://publishing.intelgr.com/archive/Sootnoshenie-politiki-i-morali-v-voine.pdf.

ISBN 978-5-00271-118-5

В монографии исследуется проблема соотношения политики и морали в контексте современных вооруженных конфликтов. На основе социально-философского анализа автор обращается к западной и отечественной философским традициям, выявляя ключевые подходы к взаимосвязи политических решений и нравственных норм в условиях войны. В работе показано, что западная мысль, начиная с Нового времени, преимущественно подчиняет мораль политическому и экономическому интересу, тогда как российская философская традиция рассматривает оба фактора как равнозначимые, а в особых обстоятельствах – отдает приоритет морали.

В монографии обосновывается, что политика является определяющим фактором динамики и урегулирования современных вооруженных конфликтов, однако моральные принципы (соразмерность, различие, гуманное отношение к пленным и мирному населению) существенно влияют на их ход и возможность мирного разрешения. Работа адресована философам, политологам, специалистам в области военно-политической работы, а также всем интересующимся этическими аспектами современных войн.

Монография отражает личную научную точку зрения автора.

УДК 172.4
ББК 87.6

ISBN 978-5-00271-118-5 © Некрасов Д. В., 2026

Научное издание

Некрасов Дмитрий Владимирович

Соотношение политики и морали в войне

Монография

Электронное текстовое издание

Публикуется из оригинал-макета, подготовленного автором

Главный редактор *В. М. Коровин*

Подписано к использованию 10.04.2026.
Объем издания – 4,7 Мб.

Издательство «Наукоемкие технологии»
ООО «Корпорация «Интел Групп»
https://publishing.intelgr.com
E-mail: publishing@intelgr.com
Тел.: +7 (812) 945-50-63
Интернет-магазин издательства
https://shop.intelgr.com/

ISBN 978-5-00271-118-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие……..……. 5
Глава 1. Теоретико-методологические основы анализа соотношения политики и морали в вооруженных конфликтах……... 9
§ 1. Западная философская традиция анализа соотношения политики и морали в вооруженных конфликтах……..…… 9
§ 2. Отечественная философская мысль о соотношении политики и морали в вооруженных конфликтах…… 40
Глава 2. Политико-моральные аспекты современных вооруженных конфликтов……. 68
§ 1. Политика и мораль как детерминанты возникновения вооруженных конфликтов XXI века…….…… 68
§ 2. Влияние политики и морали на динамику и урегулирование современных вооруженных конфликтов……. 89
Заключение……. 114
Список литературы…… 117

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя монография посвящена одной из древнейших и одновременно острейших проблем социально-философской мысли – соотношению политики и морали в вооруженных конфликтах. На протяжении всей истории человечества война остается не только трагической реальностью, но и своеобразным «тестом» на подлинность нравственных устоев общества, на способность политической власти сохранять человеческое в человеке, даже когда речь идет о применении силы. В XXI веке, несмотря на развитие международного права, гуманитарных институтов и глобальной дипломатии, вооруженные конфликты не только не исчезли, но и приобрели новые, более сложные формы. По состоянию на 2025 год только в текущем столетии зафиксировано более шестидесяти вооруженных конфликтов, многие из которых продолжаются до сих пор. Специальные военные операции, вооруженные конфликты, терроризм, «гибридные войны», гуманитарные интервенции, информационно-психологические операции – все это создает беспрецедентные вызовы для привычных этических и политических категорий.

Актуальность темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, применение военной силы для решения политических, экономических и социальных задач стало распространенным явлением в реалиях нашего века. Во-вторых, современные конфликты все чаще сопровождаются размыванием границ между добром и злом, справедливым и несправедливым, моральным и аморальным. Убийство мирного населения, ложь, вероломство, чрезмерная жестокость – эти явления, осуждаемые международным гуманитарным правом, на практике нередко становятся следствием циничного прагматизма. В-третьих, происходящие сегодня события – от Ближнего Востока и Северной Африки до постсоветского пространства – требуют глубокого философского осмысления через призму взаимодействия политических решений и нравственных норм. Особенно остро эта проблема проявляется в контексте специальной военной операции на Украине, а также конфликтов в Нагорном Карабахе, Сирии, Ливии и других горячих точках.

Степень разработанности проблемы и ее теоретические источники весьма обширны. Тема соотношения политики и морали в войне в том или ином виде привлекала внимание мыслителей от Античности до наших дней. Можно выделить несколько крупных групп источников. Первая – труды западных философов: Гераклит, Платон, Аристотель, Цицерон, Августин Блаженный, Фома Аквинский, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Г. Гроций, И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс, Ф. Ницше и многие другие[1]. Вторая – отечественная

[1] См.: *Гераклит.* О природе: с комментариями и иллюстрациями / Гераклит; составление, перевод, предисловие и комментарии А.В. Маркова. М., 2022; *Платон.* Политика: наука об управлении государством / Платон, Аристотель. М.; СПб., 2003; *Аристотель*. Политика. М., 2018; *Цицерон.* Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974; *Медиоланский А.* О покаянии: о надежде воскресения.

философская традиция (Иларион Киевский, Владимир Мономах, Иосиф Волоцкий, Максим Грек, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк и др.) [1]. Третья – советский период, в котором преобладал марксистско-ленинский подход (А.И. Анцышкин, А.С. Бевз, С.А. Клепиков, П.И. Трифоненков и др.) [2]. Наконец, четвертая – работы современных военных философов, имеющих непосредственный опыт службы

М., 1999; *Аврелий А.* О граде Божием. Кн. XIV-XXII // Августин Аврелий. Творения. Т. 4. СПб.; Киев, 1998. XIX. 7; *Макиавелли Н.* Государь. О военном искусстве. М., 2016; *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1994; *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2001; *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Дж. Локк. Соч. Т. 1; ред. К.Д. Кацюба. М., 2018; *Смит А.* Теория нравственных чувств / перевод с англ. П. Бибикова. М., 2022; *Спиноза Б.* Политический трактат. М., 2018; *Кант И.* Критика чистого разума; Критика практического разума; Критика способности суждения: [перевод с немецкого]. М., 2018; *Гегель Г.* Философия права. М., 1990; *Маркс К.* Капитал. М., 2019; *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1988; *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2016; *Шелер М.* Мысли о политике и морали. М., 2020; *Зомбарт В.* Торгаши и герои. Раздумья патриота // В. Зомбарт. Собр. Соч.: в 3 т. Т. 2. СПб., 2005 и др.

[1] См.: *Митрополит Иларион.* Слово о Законе и Благодати // Русская цивилизация. М., 2011; *Мономах В.* Поучение. М., 2010; *Малиновский В.Ф.* Рассуждение о мире и войне. СПб, 1803; *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). М., 1996; *Достоевский Ф.М.* Признание славянофила / Русские философы о войне. М., 2005; *Соловьев В.С.* Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1988; *Бердяев Н.А.* Мысли о природе войны // Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальностей. М., 1918; *Ильин И.А.* Основное нравственное противоречие войны // И.А. Ильин. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 5. М., 1999; *Франк С.Л.* Этика нигилизма // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1991; *Дугин А.Г.* Теория многополярного Мира. Плюриверсум. М., 2015; *Кашников Б.Н.* Критика современного дискурса справедливой войны // Военно-юридический журнал. 2012. № 11. С. 22-29; *Руженцев С.Е.* Проблема морали и политики в социокультурных процессах России: автореф. дис. …д-ра филос. наук. Иваново, 2020; *Куманьков А.Д.* Война, или В плену насилия. СПб., 2019; *Скворцов А.А.* Концептуализация представлений о войне в западной моральной философии и русской этической мысли XVII–XIX вв. // Электронное научное издание. Альманах «Пространство и Время». 2015. Т. 8. Вып. 2. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr_e-ast8-2.2015.42 и др.

[2] См.: *Анцышкин А.И.* Критика современных военно-этических концепций милитаризма США: автореф. дис. …канд. филос. наук. М., 1977; *Бевз А.С.* Роль коммунистической партии Советского Союза в формировании коммунистической морали в СССР: автореф. дис. …канд. филос. наук. М., 1953; *Брычков А.С.* Место и роль политики и морали в социальном развитии советского воина: автореф. дис. …канд. филос. наук. М., 1978; *Клепиков С.А.* Марксизм-ленинизм о возникновении и развитии коммунистической морали: автореф. дис. …канд. филос. наук. М., 1955; *Родин А.И.* Марксистско-ленинская оценка политического содержания войн современной эпохи: автореф. дис. …канд. филос. наук. М., 1973; *Рыбкин Е.И.* Марксизм-ленинизм о соотношении войны и политики: автореф. дис. …канд. филос. наук. М., 1956; *Сукач С.Л.* Партия Ленина-Сталина – организатор и воспитатель высокого морального духа Советской Армии в Отечественной войне: автореф. дис. …канд. филос. наук. М., 1948; *Трифоненков П.И.* Марксизм-ленинизм о моральном факторе в современных войнах: автореф. дис. …канд. философ. наук. Ленинград, 1952; *Шпиндлер В.А.* Значение морального потенциала в современной войне: автореф. дис. …канд. филос. наук. М., 1951 и др.

или участия в боевых действиях (А.И. Горячев, В.В. Кафтан, В.Н. Ксенофонтов, А.Д. Куманьков, С.Е. Руженцев и др.) [1]. Несмотря на обилие исследований, необходимо констатировать, что в прямой постановке – на уровне диссертационных или монографических работ – соотношение политики и морали именно в современных вооруженных конфликтах, с учетом новых способов ведения войны, стагнации международного права и трансформации гражданского общества, разработано недостаточно. Данная монография призвана восполнить этот пробел.

Практическая значимость определяется возможностью использования положений и выводов работы при разработке лекционных курсов по социальной и политической философии, этике, политологии, военной психологии, а также в системе военно-политической работы для нравственного воспитания военнослужащих и формирования их как военных интеллигентов. Результаты могут быть применены в деятельности военно-политических органов, при проведении информационно-пропагандистских мероприятий, в том числе в зоне проведения специальной военной операции.

Структура монографии соответствует логике исследования и включает введение, две главы, заключение и список литературы. Первая глава – «Теоретико-методологические основы анализа соотношения политики и морали в вооруженных конфликтах» – состоит из двух параграфов. В первом параграфе анализируется западная философская традиция от античности до современности, выделяются ключевые этапы и авторы, показано, как постепенно, начиная с Нового времени, политический и экономический интерес вытесняют моральные ограничения на периферию. Особое внимание уделяется Макиавелли, Гоббсу, Канту, Гегелю, Ницше, а также современным теоретикам справедливой войны (М. Уолцер, Т. Нагель, Б. Оренд, Дж. МакМахан). Во втором параграфе рассматривается отечественная философская мысль – от древнерусской «мудрости» и христианских истоков до советского марксизма-ленинизма и современных дискуссий. Показано, что для России характерно стремление к синтезу политики и морали, причем в кризисных ситуациях мораль (защита веры, Отечества, справедливости) часто выступает ведущей детерминантой.

Вторая глава – «Политико-моральные аспекты современных вооруженных конфликтов» – посвящена эмпирическому анализу. В первом

[1] См.: *Горячев А.И.* Феномен «гибридной войны» в сирийском контексте // Военный академический журнал. 2018. № 2(18). С. 124-127; *Горячев А.И., Курочко М.М., Петрий П.В.* Основы и уроки боевого опыта современной Российской армии на Ближнем Востоке: монография. М., 2018; *Кафтан В.В., Петрий П.В.* Аксиология воинского служения: монография. М., 2017; *Ксенофонтов В.Н.* Соотношение морали и политики: философское осмысление современных реалий // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 274-277; *Рахимов О.Х.-А* Моральная регуляция воинской деятельности: сущность, содержание, система (социально-философский анализ): автореф. дис. …д-ра филос. наук. М., 1995; *Ромахин А.П.* Ценностные ориентации курсантов военных вузов России в современных условиях: сущность, факторы влияния и формирование: автореф. дис. …канд. филос. наук. М., 2020 и др.

параграфе выявляются причины возникновения конфликтов XXI века: от борьбы за ресурсы и территориальные споры до идеологических и религиозных противоречий. Подробно разбираются гуманитарные интервенции США и НАТО в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, а также конфликты в Закавказье (Южная Осетия, Нагорный Карабах) и на Украине. Делается вывод о том, что западные страны зачастую прикрывают моральной риторикой сугубо политические и экономические интересы, тогда как Россия в ряде случаев руководствуется именно моральным долгом (защита соотечественников, предотвращение геноцида). Во втором параграфе исследуется влияние политики и морали на динамику и урегулирование конфликтов через призму принципов справедливой войны (jus ad bellum, jus in bello, jus post bellum). На конкретных примерах показано, что соблюдение принципов соразмерности и различия существенно влияет на продолжительность и исход конфликта, а также на возможность мирного урегулирования. Особое внимание уделяется специальной военной операции на Украине, где российская сторона демонстрирует компромиссный подход – учет моральных норм при достижении политических целей, тогда как украинская сторона и ее западные кураторы нередко придерживаются ценностно-нейтрального, а то и откровенно аморального подхода.

Основные положения монографии прошли обсуждение на заседаниях кафедры философии и религиоведения Военного университета имени князя Александра Невского, были представлены на межведомственных и межвузовских научно-практических конференциях и круглых столах, а также нашли отражение в научных статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях.

Автор выражает искреннюю признательность своему научному руководителю – кандидату философских наук, профессору, почетному работнику сферы образования РФ Анатолию Ивановичу Горячеву за неоценимую помощь и доброжелательную критику. Особая благодарность – военнослужащим, ветеранам и добровольцам, чьи личные свидетельства и опыт помогли наполнить теоретические выкладки живым нравственным содержанием. И конечно, автор признателен своей семье за терпение и поддержку во время работы над книгой.

Монография адресована философам, политологам, социологам, историкам, правоведам, а также преподавателям и студентам гуманитарных вузов, слушателям военных академий и всем, кто интересуется проблемами войны, мира, этики и политики. Автор надеется, что предлагаемое исследование внесет вклад в осмысление сложной диалектики политического и нравственного в эпоху вооруженных конфликтов и поможет приблизиться к пониманию того, как сохранить человеческое лицо даже в условиях военного противостояния.

Глава 1. Теоретико-методологические основы анализа соотношения политики и морали в вооруженных конфликтах

Соотношение политики и морали в контексте вооруженных конфликтов является сложной и дискуссионной темой в социально-философской мысли. Война, как явление, всегда вызывает этические вопросы, связанные с правомерностью применения насилия и необходимостью защищать интересы и ценности общества.

Политика и мораль – два ключевых фактора, которые оказывают влияние на принятие решений во время войны. Политика, как наука и практика управления государством, как правило, ориентирована на достижение определенных целей и интересов. Она отвечает за национальную безопасность, экономическое благополучие и влияние на международной арене. В то же время, мораль, как феномен духовной жизни общества, касается вопросов справедливости, человеческого достоинства и этических норм.

Однако, в условиях войны, когда на кону стоят жизни людей и выживание государства, соотношение политики и морали становится особенно сложным. Война зачастую требует принятия решений, которые могут противоречить некоторым моральным принципам.

Различные философские традиции предлагают разные подходы к соотношению политики и морали в войне. В течение истории было предложено множество теорий и концепций, отражающих различные точки зрения на данную проблему.

В данной главе мы рассмотрим различные философские подходы к вопросу соотношения политики и морали в войне и их влияние на современное общество.

§ 1. Западная философская традиция анализа соотношения политики и морали в вооруженных конфликтах

Представление о справедливости и несправедливости, о хорошем и плохом, о добре и зле всегда были важными темами в философии, но их толкование менялось в соответствии с историческим развитием общества и государства. При рассмотрении связи между политикой и моралью необходимо учитывать различное понимание этих понятий в разных цивилизационных общностях, с учетом национальных и религиозных особенностей.

Вопрос о соотношении политики и морали в контексте войны представляет собой сложную и многогранную проблему, которая занимает важное место в западной философской традиции. От исторических обсуждений великих мыслителей до современных дебатов, философы стремились разобраться в этом сложном взаимодействии, исследуя вопросы этики, морали, справедливости и практической реальности военных конфликтов. В данном параграфе мы сосредоточимся на западной

философской традиции анализа соотношения политики и морали в войне, исследуя ключевые идеи и вклады философов в эту область.

Прежде всего определимся в исходных понятиях, каковыми для нашего исследования являются «мораль» и «политика».

«Новый энциклопедический словарь» под редакцией А.П. Горкина дает следующее определение морали: «Мораль (от латинского moralis «нравственный») – нравственность, особая форма общественного сознания и вид общественных отношений; один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью норм. В отличие от простого обычая или традиции нравственные нормы получают идейное обоснование в виде идеалов добра и зла, должного, справедливости и т.п. В отличие от права исполнение требований морали санкционируется лишь формами духовного воздействия (общественной оценки, одобрения или осуждения). Наряду с общечеловеческими элементами мораль включает исторически преходящие нормы, принципы, идеалы»[1].

Мораль является комплексным и нематериальным аспектом общественной жизни, играющим важную роль как на индивидуальном, так и на социальном уровне. Она не только определяет, но и придает смысл таким аспектам жизни, как любовь, ненависть, дружба, вражда и другие. Мораль представляет собой социальный феномен, поскольку представлена на всех уровнях общественных отношений. Моральные влияют на поведение человека даже тогда, когда он находится в полном одиночестве.. В сообществе из двух человек такая норма становится наблюдаемой и подлежит нравственной оценке. Когда же профессиональная деятельность вплетена в социальные отношения, она непосредственно влияет на моральные отношения людей и является их результатом.

Мораль является формой общественного сознания и представляет собой совокупность норм, правил и принципов, которым человек следует при принятии решений. Она регулирует поведение человека во всех сферах его социальной активности, включая труд, коллектив, семью, быт, политику и т.д.

Нормы поведения существуют в любом сообществе и регулируют действия и поступки участников каждой группы, а также определяют цели, способы их достижения, а также оценку, получаемую от окружающих. Мораль является самым древним выражением человеческого сознания, индивидуального выбора и соотношения с общей волей человечества.

Что касается политики, то Толковый словарь Ожегова дает следующее определение этому термину. Политика (греч. politiko – государственные или общественные дела, от polis – государство) – деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность партий и других организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями[2].

---

[1] *Горкин А.П.* Новый энциклопедический словарь. М., 2005. С. 1211.

[2] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю*. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 553.

На взаимосвязь политики и морали оказывает влияние тип общества, переживаемая эпоха, религия, социокультурная среда, общественно-государственный строй, мировоззрение и т.д.

Особой сферой общественных отношений, где вопрос соотношения политики и морали стоит особо остро, безусловно, является война.

Война как следствие проводимой политики впервые стала объектом философского анализа еще в Древней Греции. Так, в V веке до н.э. Гераклит говорит следующее о войне: «Должно знать, что война общепринята, что вражда – обычный порядок вещей, и что все возникает через вражду и заимообразно»[1].

Развивая идею Гераклита, Платон, а вслед за ним и Аристотель, видят войну, как способ взаимоотношения народов. Они выделяют два понятия – stasis и polemos[2].

Stasis рассматривается как вооруженное столкновение между греческими городами-государствами. Платон и Аристотель видят распри между эллинами как заболевание, поражающее греков. Избегание stasis является приоритетом и должно быть достигнуто любыми возможными способами. Однако Платон осознает, что полный уход от этого явления невозможен, так как видит в конфликтах двигатель развития и укрепления государства, соответственно отсутствие конфликтов приведет к краху. Мыслитель считает, что statis должны вестись по строгим правилами, а уровень насилия в таких конфликтах должен лимитироваться. Исходя из этого, можно сказать, что Платон является пионером европейской философии, кто выразил идею о моральном ограничении ведения войны.

Термином «polemos» обозначались войны греков с их соседями-варварами.

Платон и Аристотель не видят никаких сдерживающих факторов по распространению насилия в отношении варваров. Кроме того, в «Политике» Аристотель пишет: «Военное искусство можно рассматривать до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, ведь искусство охоты есть часть военного искусства: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенные к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива»[3].

Следовательно, борьба против варваров и применение насилия в отношении них не являются чем-то неприемлемым. Война против них представляет собой восстановление естественной справедливости.

Создатель теории идеального государства Платон считал, что социальные устои необходимо регулировать государству, в рамках которого должны отражаться благо и другие добродетели. Как пишет С.Е. Руженцев: «Справедливость у Платона ближе всего к неким моральным нормам, которые

[1] Цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1. С. 201.

[2] *Куманьков А.Д.* Война, или В плену насилия. СПб., 2019. С. 36.

[3] *Аристотель*. Политика. М., 2018. С. 19.

должен выполнять всякий индивид, государственный деятель (для этого он оперирует такими понятиями как «занятие своим делом», «должное», «достоинство»). На добродетелях, которые связаны с мудростью, рассудительностью, познанием истины, справедливостью, должно основываться совершенное государство. Таким может быть монархия, аристократия или даже идеальное государство. Данные формы устройства власти принимают во внимание интересы граждан и пытаются им служить.

По Платону, полная свобода деятельности в условиях демократии ведет к проявлению корыстной природы человека, подводя даже достойного гражданина к совершению несправедливых действий. Поэтому абсолютизация любых моральных принципов может проявиться через эгоизм и нарушение обязательств по отношению к другим людям. Отчего для создания идеального государства требуется соблюдение справедливости как социальной и морально-этической нормы. В результате идеальное государство будет воплощением идеала справедливости»[1].

Важно отметить, что, по мнению Платона, такая важная составляющая нравственности, как справедливость, является величиной непостоянной и в зависимости от обстоятельств ей можно поступиться. Так, в диалоге между Сократом и Полемархом в сочинении «Государство» приводятся вполне конкретные случаи, когда даже у самого нравственного человека возникает ситуация, при которой он вправе отойти от своих моральных принципов и норм. Полемарх дает определение «справедливости» – говорить правду, отдавать то, что взял в долг, и т.п.

Беседу о справедливости с Сократом начал Кефал – отец Полемарха, оружейник, который сделал состояние на поставках оружия в ходе Пелопоннесской войны. Полемарх – наследник, представитель элиты, которому после смерти отца переходило все наследство. Данный диалог иллюстрирует, что вопросы нравственности и политики являлись неотъемлемой частью общественной жизни и оценивались они через «мир» и «войну».

Аристотель в «Политике» рассматривает вопрос частной справедливости в контексте войны: «Итак, мужество и выносливость нужны для трудовой жизни, философия – для досуга, воздержность и справедливость – и в то, и в другое время, преимущественно же они потребны для тех, кто пользуется миром и досугом. Ведь война вынуждает быть справедливым и воздержным, наслаждение же благосостоянием и досуг, сопровождаемый миром, скорее способны избаловать людей»[2].

Помимо этого, Аристотель выделяет моральные причины войны:

1. Защита от порабощения.

2. Достижение гегемонии на пользу подвластным, а не ради приобретения деспотической власти над всеми.

---

[1] *Руженцев С.Е.* Проблема морали и политики в социокультурных процессах России: автореф. дис. …д-ра филос. наук. Иваново, 2020. С. 35.

[2] *Аристотель*. Политика. М.: Издательство АСТ, 2018. С. 226.

3. Установление деспотической власти над теми, кто заслуживает быть рабом.[1]

В «Политике» Аристотеля отводится особое место нравственности и ее влиянию на политику. Нравственный компонент у правителя настолько важен, что из-за него могут происходить метаморфозы государственного строя: «Может быть, в прежние времена люди управлялись царями именно вследствие того, что трудно было найти людей, отличающихся высокими нравственными качествами, тем более что тогда вообще государства были малонаселенными. Кроме того, царей ставили из-за оказанных ими благодеяний, а их оказывали хорошие мужи. А когда нашлось много людей, одинаково доблестных, то, отказавшись подчиняться власти одного человека, они стали изыскивать какой-нибудь общий вид правления и установили политию»[2].

Вопрос социальной справедливости в этике и политике был актуален и для философов Древнего Рима. В многотомной работе «История всемирной литературы» указанно: «В древнеримском обществе существовала шкала ценностей, которая практиковалась вплоть до II века до н.э. Шкала включала в себя четыре основных критерия, которыми должен был обладать римлянин: pietas (благочестие) – залог верности заветам богов и предков, fides (верность) – залог единства и нерушимости общества, gravitas (серьезность) – залог разумной линии поведения, constantia (твердость) – залог верности избранной линии поведения – вот основы римской нравственности, входящие в понятие virtus (доблесть, добродетель)»[3]. Здесь под добродетелями понимается выполнение гражданских обязанностей, а под доблестью – проявление воинской храбрости.

Цицерон, выдающийся философ Древнего Рима, активно исследовал связь между политикой и моралью в контексте войны. В своих работах он обращал особое внимание на взаимодействие и взаимозависимость правовых норм и моральных принципов. В Римской республике III века до нашей эры моральный кодекс и система ценностей играли ключевую роль в формировании «римского духа», и следовательно, Цицерон рассматривал идеального политика с этой точки зрения. Однако стоит отметить, что войны и политические события в поздней республике привели к утрате элитами добродетелей (*virtus)*.

Как пишет А.Д. Куманьков, «Цицерон поддерживал аристотелевскую идею о справедливости оборонительных войн, однако не признавал допустимыми конфликты, имеющие целью приобретение рабов, что было нормой для греческих авторов. Кроме того, сыграл свою роль юридический

[1]Там же. С. 225.

[2]*Аристотель.* Политика. М.: Издательство АСТ, 2018. С. 99-100.

[3]История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. Т. 1. 1983. С. 423.

профессионализм Цицерона, которым были введены принципы легитимной власти и публичного объявления войны»[1].

Цицерон уделяет особое внимание проблеме справедливости во время войны в своих сочинениях. Основная идея философа заключается в том, что война может быть оправданной только в случае, когда мирное урегулирование конфликта становится невозможным и все мирные усилия не приводят к решению проблемы. Целью войн, по мнению Цицерона, является достижение мира, лишенного противозаконных действий. Он отвергает возможность ведения войны без предварительного объявления, что подчеркивает нравственный аспект, ибо это исключает вероломные и неожиданные нападения. Кроме того, философ выступает за гуманное отношение к побежденным и пленным, и считает неприемлемыми проявления жестокости в отношении этих групп:

«Что касается государственных дел, то строже всего надо соблюдать право войны. Так как существует два способа разрешать споры, один – путем обсуждения, другой – силой, причем первый свойствен человеку, второй – диким зверям, то ко второму надо обращаться тогда, когда воспользоваться первым невозможно. Поэтому войны надо начинать с целью, не совершая противозаконий, жить в мире; но после победы надо сохранять жизнь тем, кто во время войны не был ни жесток, ни свиреп… По моему личному мнению, всегда следует заботиться о сохранении мира, который не таил бы в себе ковов. И если о тех, кого ты наголову разбил силой, надо заботиться, то тех, кто, сложив оружие, прибегнет к покровительству наших императоров, надо – хотя таран уже пробил стену их города – принять под свою руку. В этом отношении справедливость была у нас в таком большом почете, что те, кто принимал под свое покровительство городские общины или народы, побежденные во время войны, становились, по обычаю предков, их патронами. Понятие справедливой войны было строжайше определено фециальным уставом римского народа. Из этого можно понять, что справедливой может быть только такая война, которую ведут после предъявления требований или же предварительно возвестили и объявили»[2].

Цицерон заслуживает высокой оценки за то, что он успешно перенес проблему соотношения политики и морали в контекст юридической области. Выработанные им принципы имеют применение и в современном международном праве. Нравственно насыщенная логика Цицерона вышла за пределы философии, нашла свое отражение в сфере юриспруденции и способствовала формированию принципов гражданской морали в обществе. Его рассмотрение вопросов морали в политике и нравственности политической элиты оказали влияние на формулирование принципов, которые нашли применение в современном обществе.

---

[1] *Куманьков А.Д.* Теории справедливой войны в аналитической этике США: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 2013. С. 15.

[2] *Цицерон*. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. С. 67-68.

Следующим важным этапом в развитии вопроса о соотношении политики и морали в войнах становится появление и распространение христианства в античном мире.

Одним из первых раннехристианских авторов, чьи работы, посвященные вопросу морали, дошли до наших дней, является Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (155 – 220). Как и большинство ранних христиан, Тертуллиан не признавал насилия и пропагандировал идею, что христианин не должен служить в армии, а его помощь и вклад в сохранение Римской империи заключается в молитве.

После победы Константина над императором Максенцием, он получил власть над западной частью Римской империи. Гонения на христиан прекратились. Именно этот факт послужил интенсивному распространению христианства и его идей на территории Римской империи. Выйдя из подполья, христианские богословы начинают активно развивать и распространять теологическую философию, диктовать правила «нормы» и «не нормы», через христианские постулаты.

Ярким представителем раннехристианских ученых, уделивших внимание проблеме соотношения политики и морали в войнах, является Амвросий Медиоланский (ок. 340 – 397). 29 глава творения «Об обязанностях священнослужителей» посвящена вопросам справедливости в ходе ведения войны. Справедливое (нравственное) отношение, как пишет епископ, соблюдается даже в отношении к врагам. Вместе с тем Амвросий делает оговорку, что враги, отличившиеся особой жестокостью, вероломством и зловредностью, достойны сурового наказания. Кроме того, епископ формулирует идею, что вина лица, развязавшего войну, не накладывается на людей, принимавших участие в этой войне.

Амвросий через призму религии определил границы применения насилия. Так, оно не допускалось, если человек защищает себя, даже при нападении убийцы, но оно является нормой при защите ближнего (друга, семьи, сообщества, государства). Применение насилия в личных интересах – аморально, в интересах защиты других – богоугодно.

Отношение Амвросия к справедливости и войне нашли применение и в политической сфере. Епископ активно участвовал в развитии и укреплении связей между Церковью и правителями Римской империи. Будучи епископом Милана, Амвросий часто контактировал с высшими уровнями имперской администрации, включая самих императоров Грациана, Валентиниана II и Феодосия I, распространяя идеи, которые регламентировали поведения христиан, будь то обычный горожанин, воин или сам император.

Кроме того, Церковь, в лице Амвросия Медиоланского, благословляет императора Грациана на вооруженную борьбу с готами, что, по сути, является благословением на борьбу с политическими врагами и неверными.

Стоит отметить, что взгляды епископа Амвросия Медиоланского о соотношении морали и политики в условиях войн примечательны еще и

потому, что он является учителем Аврелия Августина Иппонийского (Августина Блаженного).

Августин Блаженный (354 – 430) обобщил труды своих предшественников и внес ряд личных и важных положений в вопрос политики и морали в условиях войны. А.Д. Куманьков пишет по этому поводу: «Мудрый правитель, понимающий волю Бога, по Его санкции воздает грешнику за совершенные прегрешения. Не что иное, кроме серьезного греха, не может оправдать войну, сделать ее справедливой. Августин постоянно подчеркивает, что ведение справедливых войн – это обязанность, возложенная на христианского правителя как защитника христиан и хранителя веры. Обязанность неприятная, но необходимая: «…несправедливость противной стороны вынуждает мудрого вести справедливые войны; и эта несправедливость должна вызывать скорбь в душе человека, потому что она несправедливость человеческая, хотя бы из-за нее и не возникало никакой необходимости начинать войну. Наказав грешника, справедливый государь должен исправить его»[1].

Теологический подход к войне видит ее концом не уничтожение врага, а его духовное исцеление. Другими словами, это должно закончиться моральной победой для обеих вовлеченных сторон. Но в то же время мы должны отметить идею, присущую средневековому мышлению в духе справедливости во время войны, о разнице в моральном статусе участников войны. Справедливый воин стоит гораздо ближе к Богу, источнику справедливости, чем грешник. Его моральная позиция более естественна и доминантна, что позволяет ему осуждать и наказывать грешника.

В своем учении Августин Блаженный сформулировал ответы на два важнейших с моральной и правовой стороны вопроса – могут ли верующие брать в руки оружие? И что дозволено христианину на войне?

Актуальности трудам епископа придавал и тот факт, что при императоре Феодосии II, в армии Восточной Римской империи могли служить только христиане. Все языческие обряды, связанные с подготовкой, ведением и завершением войн, были запрещены, а на их место пришли христианские службы. Христианская мораль проникала во все сферы общественной жизни, где постепенно приобретала монополию на трактовку «добра» и «зла».

Августин Аврелий считал, что постоянный мир на земле не может быть достигнут. Человек грешен, он не в силах отказаться от насилия. Но в то же время философ подчеркивает, что насилие греховно, если его используют ради собственной выгоды. Даже в Библии нет полного запрета на применение насилия, да и военная служба для христианина не является запретной. Кроме того, не только насилие, но и война в целом может быть оправдана, если она рассматривается как богоугодное дело.

Из идей Августина можно сделать вывод, что война оправдывается Церковью (является богоугодной) лишь в трех случаях:

[1] *Куманьков А.Д.* Война в XXI веке: монография / А.Д. Куманьков. М.: изд. дом ВШЭ, 2020. С. 10.

1. Наказание грешных.

2. Возвращение захваченных святынь и собственности.

3. Самооборона государства.

Но даже при ведении войны, воин-христианин не должен забывать о христианской морали и проявлять милосердие, а также отказаться от излишнего насилия, жестокости, неоправданной враждебности, ненависти и мести.

Особое состояние взглядов на соотношение политики и морали формируется в Средние века. Авторитарное положение начинает занимать христианство, которое сводило любое действие человека как зависимое от воли Бога к исполнению предписанных божественных правил (заповедей). В связи с этим Бог (в лице церкви) выступал монополистом в определении и формировании нравственных основ, и только он являлся источником подлинных моральных принципов. Из этой главенствующей концепции вытекало еще одно немаловажное обстоятельство – власть даровалась государю Богом, а любое выступление против воли правителя, приравнивалось церковью к выступлению против самого Создателя.

Несмотря на то, что в Средние века было достаточно поводов для социального недовольства (голод, эпидемии, войны и стихийные бедствия), церковь заявляла, что земные дела, пропитанные скорбью, не должны стать поводом для нарушения заповедей, что христианин должен оставаться кротким, милосердным и добрым, а за все несправедливости и лишения, при соблюдении свода заповедей, ему воздастся в раю. Так церковь формировала частную мораль в своей пастве, закладывая понятия «нормы» и «не нормы». Кроме того, церковь стремилась ликвидировать любые зачатки эгоцентризма среди народных масс.

Продолжателем идей Амвросия Медиоланского и Августина Блаженного считается другой теолог и богослов Фома Аквинский (1225-1274), который укрепил первенство законов Божьих над всеми другими законами.

Моральная и политическая философия Аквинского представляет собой набор концепций и положений, которые, выступая в качестве руководящих принципов действий, проводят различие между действительно разумным и действительным для человеческих индивидуумов и политических обществ. Эти концепции и положения сопровождаются аргументами, необходимыми для придания им силы перед лицом сомнения или, по крайней мере, для ограничения их от возражений. Моральная и политическая философия Аквинского – это фундаментальная практическая философия принципов, которые направляют нас к самореализации, поскольку такое состояние определяется и достигается посредством действий, которые демонстрируют и укрепляют совершенство характера, традиционно называемое добродетелью.

Определенные формы действий людей внутренне и прямо противоречат основному благу человеческой жизни, то есть человеческому существованию. Любое действие с целью убийства невинных людей, должно быть исключено из нашего рассмотрения, поскольку оно нарушает заповедь – возлюби

ближнего своего как самого себя. Политические деятели, согласно Аквинату, могут иметь правовую основу в намерение убить, если это необходимая военная операция, требующая пресечения серьезных преступлений.

У Фомы Аквинского прослеживается идея, что как частное лицо, человек может законно использовать силу для защиты себя или других, даже если эта сила такова, что он может предвидеть, что ее использование повлечет за собой, возможно или несомненно, убийство. Но человек, использующий смертоносные средства, не должен иметь намерения убить кого-либо. Его действия должны состоять в том, чтобы просто нейтрализовать агрессора или заблокировать атаку (при условии, что малейшей смертельной силы, с которой человек пытается защитить себя, недостаточно для защиты от нападения). Рассуждения Аквинского об этой проблеме заключаются в том, что моральные принципы по-разному оценивают действие, совершенное не преднамеренно, и поведение, выбирая какое, действующее лицо предполагает убийство.

Аргументы Фомы Аквинского, оправдывающие выбор, который, несмотря на его благотворное воздействие, напрямую вторгается во благо самой жизни, начинают казаться ему все более неудовлетворительными. Философ развивает целостную доктрину войны, военных действий (ведущих к смерти) и смертной казни, основывая свои рассуждения на идее, что такие действия могут быть оправданы только в той степени, в которой их возможность вызвать смерть является побочным эффектом, а не действием, целью которого является убийство.

Весьма важно учесть, что философия Фомы Аквинского полностью опирается на христианские догматы. Они являются основой его учения, в котором разум занимает превалирующую роль над волей, а грех рассматривается как последствие нарушения божественных и социальных законов. В этом контексте, определение политической деятельности как гражданского поведения обязательно подчиняется моральным и нравственным аспектам, вытекающим из учения о спасении души. В результате, возникают войны и оправдывается использование насилия.

Данный период прекрасно иллюстрирует цитата Ф. Энгельса: «Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами…»[1].

В то же время, социальные тенденции постепенно подвергали сомнению принципы христианства, которые предписывали отказ от материального богатства, поддерживали идею силы разума и придавали важность практическому опыту. Утверждение о том, что все действия связаны не с плодами веры, а с внутренним миром личности, дало старт для формирования нового отношения к морали и ее взаимосвязи с политикой.

Новый этап в развитии идей о соотношении политики и морали был связан с работами Н. Макиавелли. В условиях утраты влияния христианской церкви и острой социальной напряженности возникает стремление освободить политическую сферу и правящих лиц от морального аспекта. Понимание

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 360-361.

морали развивается как особый метод выявления характеристик и качеств личности в определенных социальных обстоятельствах.

Также важно заметить, что влияние политики и морали всегда конкретно исторично, поскольку их трансформация напрямую зависела от места и времени событий. Когда задаются вопросы о происхождении моральных норм, их применении и оценке на практике, возникает естественная идея о сосуществовании морали и нравственности в политике, а также о том, что любые социальные проблемы могут быть решены в рамках этического обучения. Поэтому Макиавелли придал моральным правилам роль технических норм, гарантирующих сохранение существующего политического уклада.

Н. Макиавелли откровенно заявил о главенстве политики над моралью, разумеется, если первая проводится эффективно и результативно. Формирование такого подхода, где моральной стороной в политике можно пренебрегать, связано, главным образом, с утратой католической церковью былого влияния над политической сферой.

Представления о том, что политик должен быть добродетельным, идут вразрез со взглядами Н. Макиавелли, который считал, что для пользы и блага государства, правитель не должен обращать внимание на моральную сторону.

В «Государе» Н. Макиавелли прямо заявляет, что «государь, если он желает удержать в повиновении поданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица. Новый государь еще меньше, чем всякий другой, может избежать упрека в жестокости, ибо новой власти угрожает множество опасностей»[1]. Подобного рода формулировки в трудах Н. Макиавелли связаны с его видением оценок деятельности политиков. Даже жестокость может быть оправдана, если правление политика имеет положительный результат для государства. Именно прагматическая, а не моральная оценка является главенствующей в понимании Н. Макиавелли.

Кроме того, говоря о моральном облике правителя, с присущими ему в понимании Н. Макиавелли чертами, нельзя обойти стороной вопрос о том, какими нормами должен руководствоваться государь в войне.

Философ пишет: «Таким образом, государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого. Военное искусство наделено такой силой, что позволяет не только удержать власть тому, кто рожден государем, но и достичь власти тому, кто родился простым смертным. И наоборот, когда государи помышляли больше об удовольствиях, чем о

[1] *Макиавелли Н.* Государь. О военном искусстве. М., 2015. С. 86.

военных упражнениях, они теряли и ту власть, что имели. Небрежение этим искусством является главной причиной утраты власти, как владение им является главной причиной обретения власти»[1].

Война в понимании Н. Макиавелли выступает средством удержания и приобретения власти. И в этом вопросе просматривается присущий философу прагматизм. Война – не является чем-то аморальным, это рядовое явление общественной жизни, то, что было, есть и будет.

Кроме того, этот отрывок ставит под сомнение божественное происхождение и, в целом, божественную природу власти. В конце концов, это достигается не только за счет узаконенной традиции наследования власти, но и личными заслугами человека. Из этого рассуждения Макиавелли вытекает идея правителя как военачальника типа римских диктаторов, который защищает государственные интересы и общественное благо.

Вместе с тем, отношение философа к войне выступает не всегда в однозначном виде. Военному искусству Макиавелли посвятил целый труд, дошедший до наших дней. В сочинении «О военном искусстве» Н. Макиавелли пишет: «Войны обычно воспитывают в людях боевой дух и приносят им признание других, но в Италии, чем крупнее и более жестокой была война, тем больше бесславила она и вождей, и солдат»[2].

Несмотря на то, что Н. Макиавелли выступал проповедником коварства и вероломства в политике, а также переносил эти методы и на войну, выставляя ее культом международных отношений, приведенная выше цитата говорит о том, что он считал моральную сторону ведения войны исключительно важной.

В труде «Государь» красной нитью проходит идея о том, что интересы государства являются для правителя приоритетными над моралью. Из его работы, касательно моральной и политической составляющих общественной жизни, можно сделать следующий вывод – совершать благие дела по обстоятельствам, а при необходимости не пренебрегать аморальным.

Зарождение новых идей о соотношении политики и морали, безусловно, связано с переходными обществами.

Под переходным обществом мы понимаем уникальное состояние общества, критическую эпоху, которая функционирует именно в период перехода общества от одной исторической стадии к другой. Это особое промежуточное состояние между двумя исторически специфическими, устойчивыми типами социальной системы, определенными формами общественных отношений. Переходным обществом можно назвать только то общество, в котором происходят радикальные, революционные изменения во всех сферах общественной жизни – экономической, политической, правовой, социальной, моральной, религиозной, научной и т.д. В то же время фундаментальные изменения в экономике, политике, праве и социальной сфере являются решающими для всех остальных сфер.

---

[1] *Макиавелли Н.* Государь. О военном искусстве. М., 2015. С. 76.

[2] *Макиавелли Н.* Государь. О военном искусстве. М., 2015. С. 411.

Именно рубеж между Средневековьем и Новым временем характерен переходными обществами, и как следствием – возникновением новых философских течений.

Переход к новым формациям общества требовал научного переосмысления ключевых понятий общественной жизни. Такие явления как власть, война, политика и мораль, больше не вписывались в определения, данные в Средневековье.

Немаловажный вклад в развитие темы соотношения политики и морали в условиях войны внес голландский юрист и философ Гуго Гроций, жизнь которого пришлась на период Восьмидесятилетней и Тридцатилетней войн, проходившими между католиками и протестантами Европы. Неспроста Гуго Гроций получил в научном сообществе негласный титул «Отец международного права». Сам автор фундаментального труда «Три книги о праве войны и мира», о возникновении интереса к проблеме писал следующее: «Полностью убежден, что существует право народов, которое действует для войны и во время войны, у меня было много весомых причин для того, чтобы взяться писать по данному предмету. Во всем христианском мире я наблюдал недостаток в ограничении отношений войны, чего даже варварские народы должны стыдиться; я наблюдал, как люди хватаются за оружие по незначительным причинам, или без причины вовсе, и когда оружие было поднято, все забывали о каком-либо уважении права, Бога и человека; это как будто, в соответствии общему решению, безумие дает всем свободу совершать любые преступления»[1].

Можно сказать, что Гроций своим трудом «Три книги о праве войны и мира» вносит обновление в христианское мировоззрение относительно войны. Справедливость является одним из ключевых понятий в работе ученого, достижение которой, как он считал, достигается при помощи человеческого разума. Кроме того, немаловажным для данного исследования является мнение Гроция, идущее вразрез с представителями политического реализма. Последние считали, что, невзирая на мораль, политики должны действовать, ориентируясь на собственные интересы, а если интересы государства подразумевают ведение войны с целью получения определенной выгоды, то такая война априори справедлива. Гроций же считал, что при достижении выгоды, политики должны оставаться в рамках морали.

Гроций разделяет право на естественное (принципы справедливости, обеспечивающие совместное существование людей) и волеустановленное (право, установленное Богом или имеющим на то полномочия человеком). Право войны и мира балансирует между естественным и волеустановленным правом, что позволяет судить о действиях и поступках, требующих военного решения, а также о рамках допустимого во время войны. В работе Гроция, ни

[1] *Ахматнабиева Д.Ф.* Гуго Гроций – «отец» международного права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: Сб. трудов науч. Конф. Уфа: Ин-т права БГУ, 2016. С. 38-41.

одно из прав не накладывает табу на применение насилия, хотя конкретно ограничивает его.

Гроций высказывает мысли, схожие с мыслями Цицерона о том, что война есть инструмент восстановления права и справедливости. Для войны есть три причины – самозащита от нападения извне, возвращение имущества и наказание. Но в то же время, война – крайняя мера. «Война ведется против тех, кого невозможно принудить к чему-нибудь в судебном порядке»[1].

Несмотря на то, что Гроций выступает за физические и моральные ограничения войны, он все же допускает, что естественное право предполагает, что война должна объявляться не только правителю страны, но и всему ее народу, а, следовательно, допустимо убивать не только вражеских солдат, пленных и заложников, но и мирных жителей – детей, женщин, стариков, причем убивать их можно любым способом. Именно мораль, по мнению Гроция, ограничивает естественное право на убийство, и именно благодаря морали, во время войны субъект не прибегает к излишней жестокости.

Вместе с тем, в вопросе о нравственности во время войны, Гроций считает не совсем справедливым узаконенное насилие в отношении солдат противника. Солдат, по мнению ученого, лишь инструмент, выполняющий волю правителя, он не повинен в возникновении войны, а, следовательно, справедливым может считаться только насилие в отношении лиц, принимавших решение о начале войны. Но, несмотря на озвученное, насилие в отношении солдат противника Гроций не считает нарушением законов войны.

Требования морали, безусловно, важны при ведении войны, но они не являются обязательными. Главным Гроций, считает право, и если право соблюдается, то войну можно считать справедливой.

Одним из первых философов, затронувших вопрос соотношения политики и морали в Новом времени, является английский ученый, один из основателей современной политической философии и создатель теории общественного договора Томас Гоббс (1588 – 1679).

Т. Гоббс в своей теории общественного договора подходит к проблеме соотношения политики и морали более практично, нежели Н. Макиавелли. Мораль, по мнению Т. Гоббса, тесно связана с общественным договором, а также непосредственно и с самой политикой. Как следствие общественного договора, на государство, как институт, накладываются права граждан, которые ограничивают свою свободу вследствие этого самого договора. Гоббс указывает, что «суверен… имеет право предпринять все, что он считает необходимым в целях сохранения мира и безопасности путем предупреждения раздоров внутри и нападения извне, а когда мир и безопасность уже утрачены, предпринять все необходимое для их восстановления»[2].

---

[1] *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1994. С. 50.

[2] *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2001. С. 123.

Справедливо отметить, что данная цитата исключает моральную составляющую при принятии политических решений (в том числе касающихся и военной сферы), если государству что-либо угрожает. По сути, Т. Гоббс сводил мораль в политике к минимуму, главенствующим же выступал разум, на который должны были опираться все государственные люди, в том числе и рядовые граждане. Кроме того, гражданский закон выступал эталоном моральных норм, все, что вне его – вне морали.

Что касается частной морали, то она, согласно Гоббсу, основывается на «естественном законе», который определяется стремлением к самосохранению и удовлетворению потребностей. Однако, человек должен ограничивать свои естественные инстинкты и стремления в интересах поддержания гражданского общества. Личные моральные ценности должны быть приспособлены к социальным нормам и целям государства.

Таким образом, в социально-политической концепции Гоббса государство, политика, право и мораль основываются на идее общественного соглашения, где граждане сознательно ограничивают свою свободу и частную мораль в интересах общего блага и стабильности общества.

Дальнейшее развитие идей Т. Гоббса о морали и государственном законе отчетливо видно в работах Дж. Локка. В «Опыте о человеческом разуме» поднимаются вопросы о принципах морали и религии, права и политики. Несмотря на то, что Дж. Локк, как он сам сообщал в письме к В. Молинэ, ничего нового сказать о морали не может, так как в Новом Завете уже содержится абсолютный моральный кодекс, его труды, так или иначе, содержат вопросы, посвященные морали и этике. Мораль Дж. Локк видит как отношения осознанных действий индивидов к законам. Кроме того, Дж. Локк выделяет сразу три вида моральных законов[1]:

1) Божественные законы (устанавливаются Богом и определяют критерии добра и зла;
2) Гражданские законы (устанавливаются государством и определяют критерий вины и невиновности по отношению к устанавливающей этот закон власти);
3) Законы «общественного мнения» (определяют критерий добродетели и порока).

Локк понимает мораль как коммуникации, созданные из соотношения поступков индивидов с законами.

Гражданский закон определяется властью при помощи силы. Божественный закон прописан в конкретных заповедях Библии. Закон общественного мнения отражает измерение морали в контексте коммуникаций.

Локк показывает, что на разных уровнях морали поступки обеспечивается с помощью различных способов поощрения и наказания, и если за нарушение божественных законов расплата ждет после жизни, то на

[1] *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении ; пер. с англ. К.И. Миронов // Дж. Локк. Соч. Т. 1; ред. К.Д. Кацюба. М.: Смысл, 2018. С. 406-407.

двух других уровнях отвечать придется перед государством и обществом. Таким образом, в идеях Дж. Локка просматривается прямое влияние политических институтов на частную мораль индивида, которая формируется под давлением государства и общества.

Локк показывает, что на разных уровнях морали действия осуществляются через разные стимулы и наказания, и если расчет за нарушение божественных законов ждет после жизни, то на двух других уровнях отвечать придется перед государством и обществом. Локк рассматривает свои идеи как прямое влияние политических институтов на частную мораль личности, которая формируется под непосредственным влиянием властных институтов и социального общества. Проблема определения системы взаимоотношения морали и политики была скрыта Локком за правовой составляющей и религией.

Джон Локк основал традицию, в которой не моральные принципы, а желание защитить собственность и обеспечить сохранение своих владений рассматривались как главная движущая сила человека. Такие размышления привели людей к вопросу о справедливом государстве и справедливости как таковой. Основной идеей в этом контексте был поиск хорошего, лучшей жизни внутри государства или за его пределами. Именно отношение к добру лежит в основе политической жизни как социального явления. Кроме того, согласно Локку, власть исходит от народа, но делегируется полномочным органам, действующим на благо народа. Локк впервые отчетливо сформулировал положение, которое рассматривало частную собственность как высшее благо. И в этом контексте справедливое распределение этого блага становится одним из важнейших политических вопросов.

Кроме того, морали отводилось определенное место в политической сфере. Мораль выступала не только в качестве регулятора в оценке поступков, но и как характеристика, позволявшая получать, либо удерживать власть. Как заметил Р.Г. Апресян: «В дифференцированном представлении Локком моральных законов пробивалась тенденция, характерная для новоевропейской философии и знаменовавшая направленность философской мысли на спецификацию морали. В особенности это сказалось в понимании источника закона общественного мнения: его устанавливают люди, «не имеющие достаточной силы для обеспечения закона». В такой характеристике общественной морали (а по сути дела, речь здесь идет именно об этом) выделено существенное в свете перспективы новоевропейского развития моральной философии качество морали: она дает сообществу возможность воздействовать на поведение людей, не прибегая к физическому принуждению. Благодаря морали люди безвластные, и в этом смысле не имеющие силу, обретают силу и власть воздействовать на поведение равных себе – с помощью идеальных средств: похвалы и порицания»[1].

[1] *Апресян Р.Г.* Этическая проблематика в «Опыте о человеческом разумении» Дж. Локка // Историко-философский ежегодник. 2006. С. 145.

Из описанного выше соотношения политики и морали в трудах Джона Локка, мы переходим к вопросу применения этой связи в войне.

Примечательно, что Локк, описывая состояния войны во «Втором трактате о правлении», начинает именно с уровня межличностных, а не государственных отношений. Локк пишет по этому поводу: «Состояние войны есть состояние вражды и разрушения… И, следовательно, сообщая словом или действием не об опрометчивом и поспешно принятом, но о продуманном и твердом решении лишить жизни другого человека, сделавший это вовлекает себя в состояние войны с тем, в отношении кого он заявил о подобном намерении, и, таким образом, подвергает свою собственную жизнь опасности со стороны другого или всякого, кто будет помогать тому защищаться и примет его сторону. Вполне здраво и справедливо, чтобы я обладал правом уничтожить то, что угрожает мне уничтожением. Ибо по основному закону природы нужно стремиться оберегать человека насколько возможно»[1]. Перенося состояние войны в плоскость взаимоотношения двух людей, Локк пишет, что человек имеет право на уничтожение того, кто с ним воюет или проявляет против него агрессию, тем самым философ легализует насилие, которое необходимо в определенных условиях. Вместе с тем, Джон Локк определяет предел применению насилия: «…невиновная сторона имеет право уничтожать другую при всякой возможности до тех пор, пока нападающий не предложит мир и не пожелает примирения на таких условиях, которые позволяют возместить любой уже нанесенный им ущерб и обеспечить безопасность невиновного в будущем».[2]

Как пишет Р.Г. Апресян, «одним из первых в новоевропейской философии, кто обратил внимание на мораль, как на общественное явление, был Дэвид Юм. Мораль для него уже не синоним добродетели, как это было у многих британских моральных философов того периода; этим термином он обобщенно обозначает совокупность особого рода феноменов, объединенных определенным содержанием»[3].

Работы Дэвида Юма не представляют интереса для данного исследования, так как философ не рассматривал соотношение политики и морали, как в общем, так и в контексте вооруженных конфликтов. Мы упоминаем Юма, так как его идеи оказали значительное влияние на таких интересующих нас мыслителей, как Адам Смит и Иммануил Кант, взгляды которых в рамках нашего предмета мы рассмотрим более подробно.

Для Адама Смита характерен особый набор взглядов на политику и мораль, который изложен в его работах *«Теория нравственных чувств»* и *«Богатство наций».*

Смит с подозрением относился к мотивам и навыкам политиков, а также к их способности, даже если они действовали из лучших побуждений, изменять общество. Его труды пронизаны отсутствием уважения к людям,

[1]*Локк Дж.* Два трактата о правлении. – Москва; Челябинск: Социум, 2014. С. 239.
[2] *Локк Дж.* Два трактата о правлении. – Москва; Челябинск: Социум, 2014. С. 241.
[3]*Апресян Р.Г.* Смысл морали в этике Дэвида Юма // Этическая мысль. 2012. № 12. С. 72.

которые идут в политику: за тщеславие, которое заставляет их стремиться к славе и власти, за самонадеянность, с которой они считают себя морально выше других, за высокомерие, с которым они думают, что знают интересы людей, за то, что политики думают, что нуждается в большем, чем сами люди. Он также считает, что политиками, как правило, манипулируют торговцы, которых абсолютно не интересует моральная сторона и не заботят вопросы о благе нации в целом. Соответственно, Смит с большим уважением относится к компетентности и добродетели простых людей.[1].

Кроме того, Смит считает, что ограничения, вводимые самим обществом, могут лучше справляться со многими задачами, чем ограничения, вводимые политиками. В «Теории нравственных чувств» Смит выражает идею о том, что окружающий нас социум формируют в нас мораль, стало быть, правительствам не нужно учить народ добродетели. Общество, независимое от государственной власти, сделает это самостоятельно.

Несмотря на такое негативное отношение к политике в целом и к политикам в частности, связанное с аморальностью их деятельности, интересным для исследования представляется отношение мыслителя к морали через призму войны.

Смит судит об отношении к войне через призму стоиков – мир управляется Божьим промыслом, следовательно, такие негативные и неприятные явления как война, лишь необходимая часть всего мира, и эта часть содействует общему порядку и благополучию. Преступления и безумства человека – часть умысла Творца, ровно так же, как добродетели. Зло, в понимании Смита, является источником добра, и если бы люди придерживались этого взгляда, то у них снизилось отвращение к войне, несмотря на все ее губительные действия.

Стремление к справедливости и благополучию, по Смиту, входят в нравственное мышление его современников. Отсюда выходит корреляция между моральным и политическим, вырисовываются рамки допустимого, «нормы» и «не нормы» в ходе войны. Кроме того, Смит пишет, что именно на войне создаются благоприятные условия для формирования частной морали, несмотря на то, что в ходе войны почти никогда не соблюдаются требования справедливости. Война может искупить все ошибки человека, даже его безнравственность вопреки требованиям справедливости в ходе боев, если человек совершил великий подвиг во имя победы. Таким образом, невзирая на все противоречия, возникающие в ходе войны, аморальные поступки могут быть оправданы достигаемой целью.

Вклад Адама Смита в разработку вопроса о соотношении политики и морали в войне, прекрасно дополняет мировую мысль относительно рассматриваемой в исследовании проблемы, кроме того, труды Смита

[1] *Флейшакер С.* Моральная и политическая философия Адама Смита. [Электронный ресурс // Стэндфордская энциклопедия философии. – Режим доступа: https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/smith-moral-political/ (дата обращения: 25.07.2022).

передают отношение к проблеме у его современников – как у обычных обывателей и политиков, так и у научного сообщества.

Будет не совсем корректно не упомянуть в данном исследовании имя выдающегося философа эпохи Просвещения Жан-Жака Руссо. Несмотря на то, что он не рассматривал вопрос соотношения политики и морали в войне в прямой постановке, некоторые его труды будут интересны в контексте данной проблемы.

В своей работе «Суждение о вечном мире» (1761) Жан-Жак Руссо считает войну по природе своей несправедливой. Ее целью являются материальные блага. С одной стороны, война служит средством порабощения других народов, с другой – поводом собирать налоги со своих граждан и держать их в страхе.

Руссо считает невозможным вечный мир еще по одной причине – привести народы Европы к единому знаменателю получится лишь при помощи войн и государственных переворотов, так как вряд ли все правители решатся в силу своей природы отказаться от абсолютной власти ради единства и мира. Кроме того, мир, предложенный его современниками Сен-Пьером и Руссо, не закладывался на моральных основах. В работах речь идет о мире, ограниченном Европой. Другая часть планеты, включая целые континенты, не вписывалась в этот масштабный мирный договор.

Представителем материалистического подхода к анализу политики и морали является Бенедикт Спиноза, который в своей работе «Политический трактат» уделяет особое внимание справедливости. К войне философ относится негативно, как к явлению, основанному на аморальных, корыстных мотивах. Он связывает возникновение войн с проводимой политикой правителей. На этот счет Спиноза пишет: «Доходы сенаторов должны быть таковы, чтобы для них было больше пользы от мира, чем от войны; …таким образом, насколько возможно, они будут защищать мир, и никогда не будут стараться навлечь войну»[1].

Отсюда следует, что гарантию справедливого ведения государственных дел Спиноза видит не в моральных качествах государственного деятеля, а в его заинтересованности в приумножении имущества. Другими словами, войну можно предотвратить не посредством проповеди человеколюбия, а при помощи материальной заинтересованности представителей государства в сохранении мира.

Максимально детально, по нашему мнению, проблема соотношения политики и морали в войне нашла отражение в работах Иммануила Канта (1724 – 1804). Для нашего исследования особый интерес представляют работы «Основы метафизики нравственности» (1785), «Критика практического разума» (1788) и «К вечному миру» (1795).

Мораль, по Канту, есть «совокупность... безусловно повелевающих законов, в соответствии с которыми мы должны вести себя...»[2]. Кант

[1] *Спиноза Б.* Политический трактат. М.: Юрайт, 2018. С. 73.

[2] *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 289-290.

рассматривает закон, долг и обязанность как самое сердце морали. Философ считает, что в наших моральных соображениях доминирует вопрос о том, какие обязанности налагаются на нас законом, который главенствует с исключительной моральной необходимостью. Как и большинство философов восемнадцатого века, он также считает, что наша нравственная жизнь озабочена вопросом о том, как быть добродетельным на протяжении всей жизни, но он определяет добродетель в терминах более фундаментальных понятий закона, обязательства и повинности, чем его предшественники.

Кант проводит четкую грань между «моральными» и «неморальными» явлениями, такими как благоразумие, политика или эстетика. Нормативные стандарты морали и характер ее требований резко отличают ее от «неморального». Для Канта «моральное» принципиально отличается от «неморального» не только особой формой обязательств, но и его возвышением над остальной жизнью. Мораль сама по себе обладает уникальным статусом, как и разумное существо, из независимой (автономной) воли которого проистекает закон. Кант считает, что в моральной области мы принимаем себя – часто только косвенно – как «личностей», возвышающихся над простыми вещами и животным миром.

Кант выделяет два важных принципа природы морали. Во-первых, она не может быть найдена в религии. Во-вторых, ее невозможно найти в независимых от разума фактах о мире. Кант находит основу морали в рациональной природе, которую мы разделяем со всеми возможными конечными разумными существами. Он утверждает, что основа морали лежит в «автономии» рациональной воли.

Понятие автономии воли у Канта является одним из наиболее центральных, отличительных и влиятельных аспектов его этики. Автономной является воля, которая сама дает закон своего действия или может мыслиться как сама для себя законодательная. Отсюда следует, что нравственным может быть признан только лишь тот закон, который дается нашим собственным разумом; воля в этом случае никак не обязана находить ни в себе, ни в объекте ничего, помимо интереса собственного всеобщего законодательства.

Центральным понятием в этике Канта, является категорический императив – наивысший принцип нравственности. Как пишет О.В. Артемьева: «Кант представил его последовательно в единстве трех формул, первая из которых задает максимам как основополагающим намерениям действия форму всеобщности («поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом», вторая – материю, или цель: разумное существо само по себе («Поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству, как в твоем лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели», а третья выражает принцип автономии («идею воли каждого разумного существа как воли, устанавливающей всеобщие законы»). Кант подчеркивает, что все три формулы выражают один и тот же закон,

однако с разных сторон: со стороны формы, материи и полного определения всех максим»[1].

Стоит согласиться с мнением, высказанным С.Е. Руженцевым: «Категорический императив И. Канта, если его определять как моральный запрет на определенные действия, будет соответствовать гуманистическому направлению в политике – добродетельная цель может быть достигнута только благими средствами… Но такое предписание для политика выглядит малоприемлемым на практике, поскольку он вынужденно изначально допускать грязные технологии ради того, чтобы цель проводимой им политики соответствовала интересам общества, тем самым отвергая тезис философа об объективном отсутствии спора между политикой и моралью»[2].

Кроме того, в философии Канта важным является понятия долга, которому обязаны следовать все в обществе (политики в том числе). Мораль – это теоретическая сфера, а политика – практическая. Моральный долг требует от людей жить в состоянии мира, поэтому политик должен объединять в себе политические и моральные принципы. Истинная политика, по мнению философа, обязана учитывать моральные принципы, так как от этого она находится в выигрышном положении.

Кроме того, Кант в своих трудах уделял особое место такому явлению, как война. Идеи соотношения политики и морали применяются философом при рассмотрении природы войны, ее протекания и завершения.

Война для Канта – явление естественное, присущее межгосударственным отношениям. По этому поводу он пишет: «Право государств в отношении друг к другу – это то право, которое мы должны рассмотреть под названием международного права, когда одно государство, рассматриваемое как моральное лицо по отношению к другому государству, в состоянии естественной свободы, а, следовательно, и в состоянии постоянной войны делает своей задачей установить отчасти право на войну, отчасти право во время войны»[3]. Вместе с тем, Кант понимал, что мир без войны невозможен, по крайней мере, в его время, а развитие государства должно брать вектор на сведение войн к минимуму, чтобы в будущем такому явлению, как война, не нашлось места в жизни людей. Но в то же время Кант считает войну двигателем прогресса на определенных этапах развития государств. Невзирая на все аморальные последствия войны, такие как голод, убийства, насилие и т.п., Кант убежден о положительном эффекте войны. Данный вопрос детально рассмотрен в трактате «К вечному миру».

Стремление к вечному миру присуще каждому разумному индивиду, однако люди из-за своих личных интересов игнорируют эту идею. Кант

---

[1] *Артемьева О.В.* Универсальность и автономия в этике И. Канта // Философские науки. 2018. № 11. С. 92.

[2] *Руженцев С.Е.* Проблема морали и политики в социокультурных процессах России: автореф. дис. … докт. филос. наук. Иваново, 2020. С. 21.

[3] *Кант И.* Метафизика нравов в двух частях // Его же. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4. М.: Мысль, 1965.

считал, что из-за корыстных интересов, как отдельные люди, так и целые государства в своем естественном состоянии нарушают права друг друга.[1]

Моральное совершенствование людей не играет особой роли в уходе от войн, так как от морали здесь мало что зависит. Кант видит путь достижения вечного мира во всеобщем подчинении общественным, а не природным законам, и предписаниям морали. Из этого можно судить, что в вопросах возникновения и избегания войны, главенствующую роль играет вовсе не мораль, а политика и право. И в этом отношении Кант был, безусловно, прав.

Возникает справедливый вопрос, а где же место морали в войне и межгосударственных коммуникациях? А.Д. Куманьков пишет по этому поводу: «Необходимо понять, что в соответствии с разумом, есть только один способ выйти из состояния постоянной войны, в котором не действуют никакие законы. И этот способ – отречение от дикой свободы, элиминирующей законы, и подчинение публичным принудительным законам. Государства заключают между собой договор и тем самым отказываются от своего «естественного состояния», в котором они находились, воюя и постоянно угрожая друг другу. Различные страны объединяются в единое над-государство, в федерацию. И. Кант предполагает, что внутри этой объединенной формы мирного сосуществования государства должны относиться друг к другу согласно нормам, установленным категорическим императивом. И сам идеал вечного мира между государствами не что иное, как моральная норма»[2].

Глобализация по Канту, как решение проблемы возникновения войны, на практике невозможна. Единое мировое государство порождает ряд других проблем, которые в итоге ведут к конфронтации между группами людей. Многополярный мир подразумевает под собой прогресс и баланс сил, но в то же время не исключает возможности начала военных конфликтов.

Вообще, тема войны и сведение этого явления к минимуму, беспокоят Канта. Возможно, это связано с тем фактом, что философ был современником Великой французской революции и войн, возникнувших впоследствии нее.

Кант в работе «К вечному миру» выдвинул перечень предположений, благодаря которым можно минимизировать войны. Связаны они в первую очередь с политическими действиями – упразднение регулярной армии, исключение тайных договоров, недопустимость вмешательства во внутренние дела другого государства и т.д. Минимизация войны – высокая моральная цель, а шаги к этой цели – практические действия политических структур.

Работы И. Канта, посвященные соотношению морали и политики как в целом, так и в войне, оказали определенное воздействие на творчество других представителей немецкой классической философии.

Существенный вклад в развитие темы соотношения политики и морали в войне внес немецкий философ Георг Гегель, который придерживался идеи о

[1] *Кант И.* К вечному миру // И. Кант. Соч.: в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 271.

[2] *Куманьков А.Д.* Теории справедливой войны в аналитической этике США: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 2013. С. 17.

существовании нравственного и разумного начала. Гегель пытался разделить мораль и политику, причем, что немаловажно для понимания исследуемой проблемы, к политике Гегель прямо относил право. Мораль в понимании Гегеля, обширное понятие, включающее в себя не только оценку действий и поступков по принципу «норма» и «не норма», но и волю, а также намерения человека действовать, как предписывает ему личная воля, а не так как ему диктуют внешние обстоятельства.

По мнению Г. Гегеля, существуют три консеквентные сферы формирования нравственности – семья, гражданское общество, государство. Исходя из того, что государство является высшим уровнем формирования моральных ценностей в силу этого, можно заключить, что личность обязана подчиняться государству и следовать к достижению существенно важных ценностей в своей моральной жизни и политической деятельности.

Существенно важными ценностями, по Гегелю, выступают обеспечение жизни и собственности граждан. Именно в сохранение этих ценностей заключается конечная цель государства.

Война, по Гегелю, выступает крайним средством в урегулировании конфликтов. Гегель рассматривал войну как средство разрешения конфликтов между государствами и включал ее в свою концепцию диалектики и исторического развития. Он утверждал, что война является крайним средством, при котором государства и народы сталкиваются и борются за свои интересы.

Однако Гегель также отмечал, что даже в ходе самой войны должны соблюдаться определенные принципы. Он говорил о взаимном признании государств, то есть признании их суверенитета и права на существование. В этом смысле война не уничтожает полностью принципы гражданского общества и международного права, а скорее подтверждает их важность[1].

Гегель также отмечал, что характер войны может изменяться со временем. Он указывал на то, что с развитием гражданского общества и закреплением государственной власти войны становятся более организованными и ограниченными. Такие принципы, как правила ведения войны и защита невооруженных граждан, начинают играть важную роль в войнах. Это было связано с постепенным развитием международного права и соглашений, направленных на ограничение разрушений и человечное обращение с противником.

В рамках данного исследования особый интерес представляет неоконченное сочинение «Конституция Германии», в котором Гегель выдвигает идею, что морализм в политике в ходе войны недопустим, так как государство должно неуклонно выполнить свою функцию – защиту граждан и их имущества. Применение силы может обеспечить защиту свободы, прав и интересов, а мораль при этом – реализуется силами самого индивида, который

[1] *Гегель Г.* Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 28.

самостоятельно делает выбор между добром и злом, опираясь на личную волю, а, следовательно, только он несет ответственность за свои решения[1].

Вслед за Макиавелли, Гегель придерживается установки, что цель оправдывает средства, о чем философ прямо заявляет в «Конституции Германии».

Таким образом, в работах Гегеля прослеживается мысль, что во время войны, когда государство защищает право, жизни и интересы своих граждан, главенствующую роль при принятии решений занимает политика, мораль в достижении этих целей устраняется. Здесь мы видим почти полное совпадение со взглядами Канта по этому вопросу.

Особый вклад в понимание природы соотношения политики и морали в войне внесла марксистская философия.

Война является важной проблемой в марксистской философии и политической теории. Марксизм, разработанный Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, содержит анализ и критику капиталистической системы, которая, по их мнению, порождает эксплуатацию, неравенство и социальные конфликты, противоречащие морали.

Важное значение для научного анализа соотношения политики и морали, определения их места и роли в общественном развитии имеют работы К. Маркса «Капитал. Критика политической экономии» и Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства»[2].

В марксистской философии соотношение политики и морали в войне рассматривается с точки зрения классовой борьбы и социально-экономических отношений. Марксизм анализирует войну в контексте капиталистического общества, где основные противоречия возникают между эксплуатирующими классами и эксплуатируемыми классами[3].

Согласно марксистской теории, политика и мораль в войне не являются независимыми отношениями, а отражают интересы и цели определенного класса. Марксисты считают, что война, как правило, возникает из-за экономических противоречий и борьбы за ресурсы и влияние между классами или государствами.

Война применительно к политике в марксистской философии рассматривается как инструмент, используемый господствующим классом для защиты и продвижения своих экономических интересов. Война может служить средством расширения территории, захвата природных ресурсов,

---

[1] *Гегель Г.* Конституция Германии. М.: Наука, 1978. С. 140.

[2] См.: *Маркс К.* Капитал / Карл Маркс; [пер. с нем. С. Алексеева]. М.: Издательство АСТ, 2019. 544 с.; *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг: [Перевод] / Ф. Энгельс. М.: Прогресс, Б. г. 1988. 534 с.; *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс; [Вступ. ст. А. И. Володина, с. 5-56]; Прил.: К. Маркс, Тезисы о Фейербахе. М.: Книга, 1986.268 с.; *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства: в связи с исследованиями Льюиса Моргана / Ф. Энгельс. Изд. 5-е. М.: URSS, 2016. 238 с.

[3] См.: *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1960. Т. 23.

установления контроля над рынками и создания условий для экономической экспансии.

Мораль в войне, согласно марксистской философии, является отражением интересов и идеологии господствующего класса. Марксисты утверждают, что моральные нормы и ценности войны определяются классовыми интересами и могут использоваться для легитимации военных действий и поддержки военной пропаганды. Мораль в войне подчинена политическим целям господствующего класса и используется для мобилизации общественной поддержки военной агрессии[1].

Однако в марксистской традиции также существует направление, которое критически относится к войне и ставит под сомнение ее моральность и политическую рациональность. Это направление подчеркивает необходимость преодоления классовых противоречий и создания социалистического общества, где войны и эксплуатация будут устранены.

Таким образом, соотношение политики и морали в войне в марксистской философии определяется классовыми интересами и идеологией господствующего класса, но также может вызывать критику и вызывать необходимость преодоления классовых противоречий и насилия.

Радикально рассмотрел вопрос соотношения политики и морали в войне представитель немецкой философии Фридрих Ницше. В своей работе «К генеалогии морали» Ницше выделяет два вида морали – «мораль господ» и «мораль рабов».

Первый вид морали, по мнению философа, сводится к благородству, когда второй – к утилитарности. Именно обладатели «морали господ» стремятся навязать свою волю другим, стремятся к власти, а мерилом всех нравственных норм выступает сам человек. Для них основной критерий их поступков – принесли ли они личное благо или нет? Обладатели «морали рабов» сформировались под влиянием христианства, демократии и либерализма, благом для такой морали является то, что представляется наиболее полезным для всего общества.

Обладатели «морали господ» являются сильными мира сего, они стремятся к власти, а когда достигают ее, способны вести войну. Хотя, важно отметить, что и достижение власти у обладателей «морали господ», как правило, происходит через войну (войну здесь следует понимать не как вооруженный конфликт, а как борьбу между индивидами, социальными группами, ведущуюся для достижения своих целей).

Война для Ницше – наивысшая нравственная ценность. Кроме того, как пишет философ в своем незавершенном трактате «Воля к власти»: «Жизнь есть следствие войны, само общество – средство для ведения войны»[2]. Ницше пропагандирует войну не только в «Воли к власти», но и в, пожалуй, самом

---

[1]См.: *Маркс К.* Манифест Коммунистической партии / с предисл. К. Маркса и Ф. Энгельса ; полн. пер. с нем. В. А. Поссе. СПб.: Тип. Монтвида. 1906. 61 с.

[2]*Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная Революция, 2016. С. 64.

известном своем труде «Как говорил Заратустра»: «Любите мир как средство к новым войнам… Да будет ваш мир победою! Вы говорите, что благая цель освящает даже войну? Я же говорю вам, что благо войны освящает всякую цель. Война и мужество совершили больше великих дел, чем любовь к ближнему»[1]. Данная цитата прекрасно иллюстрирует идеи Ницше о войне и месте морали в ней. Безусловно, главенствующую роль в войне имеет политика, а точнее, субъект власти. Неспроста идеи Ницше легли в основу милитаризма и фашизма, получивших широкое распространение в Германии и Италии первой половины XX века.

Несмотря на все попытки философов, начиная с античности и заканчивая XIX, изучить войну с целью предотвращения ее в дальнейшем, вечный мир так и не стал досягаем. И вряд ли станет таковым в обозримом будущем.

Как показывает специальное исследование, с момента утверждения империализма, то есть с 1898 г., и до 1917 г. в мире произошло 52 локальные войны и крупных военных конфликта. По своим масштабам и целям они были далеко не одинаковы, но каждое из локальных вооруженных столкновений так или иначе было связано с Первой мировой войной[2].

На фоне обильного количество войн и интенсивного развития военной мощи мировых держав, на Западе появляется целый ряд работ, посвященных изучению войны с точки зрения морали. Это «Польза войны» С. Люче, «Дух современной войны» А. Бонналя, «Моральное право войны» Ф. Каттенбуша, «Современная война» Ф. Бернгарди, «Апология войны» Р. Мюллера, «О социологии и философии войны» О. Шпанна и др. Подробно останавливаться на данных работах для нашего исследования не имеет смысла, так как все они пронизаны общей идеей: война – следствие политики и прогресса, а мораль здесь выступает лишь с одной целью – оправдать свою, воюющую (либо потенциально воюющую) сторону.

Пронизанные ницшеанством, философские работы начала XX века в области войны довольно ясно описывают ее главные причины и потребность в ней. Это и национальное возрождение, и духовно-нравственный подъем, восстановление исторической справедливости, но за ширмой всех этих высоких целей прослеживалась главная: война – выгодная авантюра, служащая возрастанию политической и экономической мощи государства.

Переломным моментом в понимании войны и ее места в мире стало начало Первой мировой войны. Такой глобальной войны человечество еще не знало. Она повлияла абсолютно на все сферы общественной жизни – политику, экономику, нравственность, культуру и т.д. Происходит радикальный разрыв между политикой и моралью, последняя начинает подчиняться первой. Подобные перемены вызвали множество вопросов, ответить на которые попытались философы того времени.

---

[1] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ф. Ницше. Соч.: в 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 34.

[2] Локальные войны: История и современность. М.: Воениздат, 1980. С. 47.

Опубликованная в 1914 году работа «Значение войны» французского философа Анри Бергсона подвергает критике начавшуюся Первую мировую войну. Милитаризм, который стал идеей политических элит Германии, развязал руки завоевательному инстинкту и послужил причиной нравственного падения немецкого народа. Бергсон делает вывод о том, что «ошибки» Германии – на самом деле законные детища ее философии, «которая в свою очередь является продуктом ее жестокости, ее алчных аппетитов, ее органических пороков». Из этого можно сделать вывод, что, по мнению философа, государственный строй определяет, что будет главенствовать на войне – политика или мораль.

Анализ соотношения политики и морали в войне первой четверти XX века наглядно показывает, что философы скорее предавались не столь теоретическому осмыслению проблемы, сколько пропаганде. Немцы, в лице Макса Шелера[1] и Вернера Зомбарта[2], преподносят Германию, как последний оплот благородной европейской культуры, обвиняя Францию в декадентстве, Великобританию в постоянной жажде господства и торгашестве, а Россию в варварстве и дикарстве. Представители каждой из враждующих стран старались донести свою исключительную, справедливую роль в I мировой войне, обвиняли в ненравственном поведении своих противников, уличали их в несоблюдении элементарных общечеловеческих моральных норм в отношении пленных, раненых и мирного населения. Нормы морали у каждой из воюющих сторон трактовались через призму политики и целей войны. То, что раньше казалось недопустимым и вызывало внутренний конфликт у носителя частной морали, стало в преобладающем большинстве нормой.

Первая мировая война не являлась полем боя морали и политики, в ходе нее сама война выступала поводом, причиной и следствием морального конфликта. К такому выводу можно прийти, отталкиваясь от ее результатов – применение оружия массового поражения, геноцид, излишняя жестокость в отношении гражданского населения, более 17 млн потерь среди военных и гражданских, крушение четырех крупнейших империй того времени.

Как бы это не показалось странным, но в период Второй мировой войны вопрос о соотношении политики и морали в войне в западной философии напрямую не ставился. Аргументация философов того времени практически ничем не отличалась от аргументов современников Первой мировой войны.

После окончания Второй мировой войны западная политическая философия столкнулась с очевидной проблемой в вопросе соотношения политики и морали в войне. Нормативные концепции (реализм, милитаризм, пацифизм), в рамках которых рассматривалась проблема, оказались неспособными дать ответы на актуальные для того времени философско-

[1]См.: *Шелер М.* Гений войны и германская война. Лейпциг: Издательство дер. Белые книги, 1917. 464 с.

[2]См.: *Зомбарт В.* Торгаши и герои. Раздумья патриота. // В. Зомбарт. Собрание сочинений в 3 тт. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2005.

политические запросы. Это было обусловлено кризисом как в послевоенных государствах, так и в системе международных отношений в целом.

Перед социальной и политической философией встала важная задача – разработать теории этики и политики, применимые к военным реалиям того времени.

С наступлением 70-ых годов XX столетия, интерес к предмету нашего исследования возникает с новой силой. Соотношение морали и политики в войне начинают рассматривать через призму возрожденной американским политическим теоретиком Майклом Уолцером теории справедливой войны, которая определяла «четко установленные нормы, обычаи, профессиональные коды, правовые постановления, религиозные и философские принципы и обоюдные соглашения, которые формируют оценку ведению войны»[1]. Интерес к данной теме непосредственно связан с проводимой США войной во Вьетнаме, которая требовала моральной и политической оценки.

Уолцер придерживается мнения, что война должна быть ограничена и справедлива, и что этика и моральные нормы должны играть важную роль в принятии решений о военных действиях. Он выделяет несколько принципов, которые должны соблюдаться в справедливой войне: принцип дискриминации и принцип пропорциональности.

Принцип дискриминации означает, что военные действия должны быть направлены только против военных целей, а не против невооруженных гражданских. Принцип пропорциональности подразумевает, что применяемая сила должна быть пропорциональной угрозе и целям военной операции.

Уолцер также обращает внимание на важность учета контекста и особенностей каждой конкретной ситуации при принятии решений во время войны. Он призывает к обсуждению и анализу этических аспектов военных действий и поиску способов сокращения страданий и минимизации нарушений моральных норм.

В целом, Майкл Уолцер подчеркивает важность учета этических и моральных принципов при проведении военных операций и развитии политики, связанной с войной, но вместе с тем, выделяя справедливые причины начала войны, он указывает, что военное вмешательство третьих стран в суверенные дела другого государства допустимо, если оно осуществляется с целью восстановления и защиты прав человека. Разумеется, это не может не вызывать дискуссий в научном сообществе. Кроме того, для более детального понимания критериев оценки «справедливости» и «несправедливости» войны, уместно заметить, что Уолцер «посчитал справедливыми превентивную «шестидневную» войну Израиля против арабских государств в 1967 г. и нападение израильских ВВС на иракский

[1] *Walzer M.* Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration. N.Y.: Basic Books, 2000. P. 43.

ядерный реактор в 1981 г., а также войну в Заливе 1991 г. и интервенцию НАТО в Косово»[1].

Во второй половине XX века в западной философии и политологии, помимо Уолцера, исследованием современной теории справедливой войны занимался целый ряд видных ученых, среди них Т. Нагель, П. Кристофер, Н. Фоушин, Б. Оренд, О. О`Донован, Д. МакМахан.

Рассмотрим точки зрения нескольких философов на соотношение политики и морали в контексте войны:

Томас Нагель: Он известен своей работой по этике и политической философии. В своей работе «Война и резня» Нагель утверждает, что война является неморальным актом, и политические цели не могут оправдывать жестокость и нарушение правил международного гуманитарного права. Он подчеркивает важность уважения к моральным принципам, даже в военное время: «Из апатичной реакции на зверства, совершенные во Вьетнаме Соединенными Штатами и их союзниками, можно сделать вывод, что моральные ограничения на ведение войны вызывают почти столь же мало сочувствия среди широкой общественности, как и среди тех, кто отвечает за формирование военной политики США. Даже когда ограничения на ведение войны защищаются, обычно это делается только на юридических основаниях: их моральная основа часто плохо понимается. Я хочу доказать, что некоторые ограничения не являются ни произвольными, ни просто условными, и что их обоснованность не зависит просто от их полезности. Другими словами, моральная основа правил войны существует, хотя официально действующие конвенции далеки от ее идеального выражения».[2]

Пол Кристофер: Он занимается исследованием политической философии и этики войны. Кристофер аргументирует, что война должна быть подчинена моральным принципам. Он придерживается точки зрения, что политические цели могут быть оправданы только в том случае, если они соответствуют моральным нормам и принципам справедливости.

Найл Фоушин: Он известен своими исследованиями в области политической теории и философии войны. Фоушин утверждает, что политика и мораль неразрывно связаны в военном контексте. Он подчеркивает важность моральной ответственности политических лидеров и обязательства соблюдения норм международного права во время войны.

Брайан Оренд: Он исследует этику войны и международные отношения. В его работе «Мораль войны», Оренд озвучивает мысль, что политика и мораль взаимосвязаны, но иногда могут противоречить друг другу. Так например введенное им понятие «Высшая чрезвычайная ситуация» подразумевает под собой то, что когда воюющая страна оказывается на грани

[1] Дмитриев Т. Справедливая война [Электронный ресурс] // Политический журнал. 2004. № 44 (47) – Режим доступа: http://www.politjournal.ru/index.php?action= Articles&issue=79&tek =2637&dirid=77 (дата обращения: 12.03.2022)

[2] *Nagel T.* War and Massacre. Philosophy and Public Affairs, Vol. 1, No. 2 (Winter, 1972), 123-144.

поражения, она имеет право отложить в сторону моральные принципы и действовать любыми способами с средствами[1].

О`Донован: Он изучает христианскую этику и политическую философию. О`Донован подчеркивает, что военное действие должно быть подчинено моральным принципам и руководствоваться истинными ценностями. Он утверждает, что правильная политика в войне должна стремиться к установлению справедливого мира и защите невинных.

Джефф МакМахан: Он известен своими трудами по военному праву и этике войны. МакМахан развивая идеи М. Уолцера, внес свое понимание в теорию справедливой войны, в частности, он выразил мнение, что те, кто сражаются в справедливой войне, являются справедливыми комбатантами, а те, кто сражаются в войне, которая несправедлива, потому что у нее нет справедливой причины, являются несправедливыми комбатантами. Справедливое дело – это цель, которая может способствовать оправданию войны и которую допустимо преследовать посредством войны. Самый важный вывод из идеи о том, что jus in bello независим от jus ad bellum, заключается в том, что нет никакого значения допустимости несправедливого поведения комбатанта на войне, когда он сражается без справедливой причины. Несправедливые комбатанты не совершают зла, просто участвуя в несправедливой войне, но вместе с тем они автоматически нарушают принципы морали. Кроме того, МакМахан считает, что такие комбатанты поступают неправильно, только если нарушают принципы права войны.

МакМахан считает, что политика и мораль в войне тесно связаны, но моральные принципы могут быть ограничены или преобразованы в военном контексте. Он аргументирует это тем, что военное действие может быть оправдано, если оно служит справедливым политическим целям и соблюдает определенные нормы и принципы. Мораль в войне МакМахан сводит к индивидуальному сознанию комбатанта, а регулирование допустимого и недопустимого на войне оставляет за конвенциями[2].

В целом, современные западные философы обращают внимание на взаимодействие политики и морали в войне, указывают на их тесную взаимосвязь, но точки зрения относительно характера этой связи могут различаться. Некоторые придерживаются взгляда, что мораль сводится к руководству действиями индивида, а справедливые принципы уже заложены в конвенциях и их просто нужно соблюдать, в то время как другие утверждают, что политические решения могут оправдывать определенные нарушения моральных норм.

Современная теория справедливой войны представляет собой обобщение взглядов философов, начиная с античности и заканчивая нашим временем, в вопросе соотношения политики и морали в войне, применимых сегодня в контексте этики, войны и международного права.

---

[1] *Orend B.* The Morality of War. N.Y.: Broadview Press, 2013. 339 p.

[2] *McMahan J.* The Ethics of Killing in War // Philosophia. 2006.Vol. 34. P. 23-41.

В рамках данной теории раскрываются моральные и политические причины возникновения войн, допустимые действия в ходе них и определяются их конечные цели. Именно политические и моральные аспекты являются составной частью современной теории справедливой войны.

Таким образом, западная философская традиция представляет богатый и разнообразный набор взглядов на соотношение политики и морали в контексте войны.

Одним из центральных вопросов, возникающих при рассмотрении соотношения политики и морали в войне, является вопрос о приемлемости применения насилия и о том, насколько допустимо отступление от моральных норм в оборонительной или агрессивной войне. Некоторые философы и политические мыслители, такие как Макиавелли, аргументировали, что политические цели и интересы должны иметь превалирующий приоритет над моральными ограничениями. Они призывали к использованию силы и хитрости во благо государства, противопоставляя реалистическую политику идеалистическим моральным принципам.

С другой стороны, существуют теоретики, которые подчеркивают принципиальное значение моральных норм и этических принципов даже в условиях войны. Для них соблюдение прав человека, справедливости и гуманизма является непременным условием любых военных действий. Такие мыслители, как Кант и Гроций, разработали концепции международного права и справедливой войны, которые предлагают ограничения на применение насилия и призывают к соблюдению некоторых универсальных норм и ценностей.

Более современные исследования войны в области социальной и политической философии также отражают различные подходы к соотношению политики и морали. Например, конструктивисты подчеркивают роль общественных норм и ценностей в формировании политических решений и осуждают применение насилия, основываясь на общепринятых этических принципах. Реалисты, с другой стороны, утверждают, что моральные нормы идеализированы и война является неотъемлемой частью политики, где применение насилия может быть необходимым для защиты национальных интересов.

Так или иначе, проблема соотношения политики и морали в войне, привлекавшая античных философов, остается актуальной в работах западных ученых и по сей день. Это обусловлено, прежде всего, самой онтологической реальностью. Политика и мораль, как общественные явления, проходят красной нитью в каждой войне, но, к сожалению, они хоть и являются регуляторами в предотвращении вооруженных конфликтов, в то же время они служат и их причиной. Из вышеизложенного мы видим, что начиная с эпохи Нового времени, для холодной европейской рациональности ведущим мотивом ведения войн все же выступает политический и экономический интерес, а мораль здесь играет явно второстепенную роль.

По состоянию на декабрь 2023 года в XXI веке уже зафиксировано более 40 военных конфликтов, многие из них продолжаются и сейчас. Вечный мир до сих пор остается недостижимой целью. Даже в высокоинтеллектуальных и всесторонне развитых обществах война по-прежнему остается одним из важнейших факторов социального бытия.

§ 2. Отечественная философская мысль о соотношении политики и морали в вооруженных конфликтах

Проблема соотношения политики и морали в войне была актуальна на протяжении всей более чем тысячелетней истории российского государства, которому постоянно приходилось воевать из-за его географического положения, моральных ценностей, политического уклада. Отечественным философам пришлось потрудиться над осмыслением предпосылок к войне, а также дозволенного на ней. Продукты искусства, такие как литература, живопись и музыка донесли до нас повествования о войнах и подвигах нашей армии и народа. Свой вклад в понимание проблемы внесла и философия, перед которой стояли важные задачи – выяснить смысл и цели войны, требования, предъявляемые к войскам и степень дозволенного в отношении противника, назначение армии как таковой, а также дать моральную оценку вооруженным конфликтам.

Точно сказать, когда появляются первые чисто философские размышления о войне на Руси, весьма проблематично.

Как свидетельствуют печатные памятники, начиная с IX века, философская проблематика начинает занимать умы славянских религиозных и политических деятелей. Как мы писали в научной статье по данному вопросу: «Разумеется, в тот период, говорить о занятиях философией в том виде, в каком мы привыкли видеть ее сейчас, не приходится. Мудрствование, стремление сформировать картину мира и дать объяснение процессам, происходящим в природе и обществе, именно то, что характеризует философскую мысль Древней Руси. Краткие обрывки письменных и культурных памятников, таких как былины, пословицы, поговорки, говорят нам о том, что стремление обладать мудростью было на Руси еще до принятия христианства.

К сожалению, интерес к древнерусской философской мысли, возникший в XIX веке, не нашел развития в довоенном Советском Союзе, так как по ряду идеологических причин данный пласт философской науки не вписывался в марксистско-ленинское учение. Ситуация резко изменилась в послевоенные годы. Выпущенная в 1968 году «История философии СССР» авторским коллективом (М.Н. Тихомиров, К.В. Шохин, Я.С. Лурье, М.В. Соколов и др.) подробно рассматривает русскую философию с IX по XVIII века, большое внимание в работе уделено истокам «мудрствования» на Руси.

Вместе с тем в этот период издавались и такие работы советских ученых, которые не обращали должного внимания на дохристианский период и ранние этапы укрепления христианства на русской земле. К примеру, «Русская философия XI-XIX веков», изданная в 1970 году (А.А. Галактионов, П.Ф. Никандров и др.) уделяет незначительное внимание русской философии допетровских времен, называя этот период «предысторией русской философской мысли», что, на наш взгляд, совершенно некорректно. Конечно, начиная с дохристианского периода Руси, говорить об оформленном философском учении не приходится, поэтому рассматривая философию этого периода, мы говорим о совокупности концепций и идей философского порядка, зачатки которых наблюдаются и в период язычества.

Безусловно, в этот период складываются и моральные принципы славян, которые, так или иначе, влияли на политические решения их лидеров: военные походы Олега и Святослава, с последующим заключением мира во избежание бессмысленного кровопролития, походы Игоря на древлян под давлением дружины и традиций, месть княгини Ольги за князя Игоря и др. В дохристианской Руси нормы морали трактовались обычаями и системой табу, зародившейся в родоплеменных условиях, а также влиянием язычества, требующего определенной модели поведения как в миру, так и на войне. Под воздействием этих факторов каждый субъект общества выполнял свою роль и не требовал, как такового, теоретического обоснования, почему он должен поступать именно так, как предписывают ему обычаи и религия[1].

Сложность рассмотрения вопроса соотношения политики и морали в войне в дохристианский период на Руси заключается в малом количестве источников, которые можно было бы считать достоверными. Практически все, что мы знаем о язычестве восточных славян, основано на раннехристианских церковных текстах, осуждающих язычество, а также работах ученых XIX–XX веков[2].

Как пишет В.В. Лядов в своей статье: «Принятие Русью при князе Владимире христианства в качестве государственной религии повлекло привнесение нового, внешнего источника в русскую мысль. Этот закономерный процесс духовной модернизации привел к столкновению «внутреннего», языческого начала и начала «внешнего», византийского, проявившегося в известном двоеверии. Причем, если в язычестве духовное, божественное, и материальное, мирское, оказываются нераздельно связанными, то в христианстве эти начала явно разделяются: духовное, несомненно, выше, значительнее мирского. Язычники не видели необходимости в существовании единого государства, полагаясь на родовую структуру, в то время как христиане, особенно впоследствии, после

[1]См.: *Некрасов Д.В.* Особенности трактовки морали и политики в российской философской мысли допетровской эпохи // Миссия конфессий. 2022. Т. 11, № 7(64). С. 98-102.

[2]*Толстая С.М.* Язычество // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 5. 2012. С. 617.

утверждения в умах и политике эсхатологической концепции Третьего Рима, наоборот – считали существование «православного царства» необходимым»[1].

В Древнерусском государстве период внедрения христианства характеризовался двумя основными аспектами. Во-первых, наблюдалась постепенная адаптация к общехристианским нормам и ценностям, которые проникали в общество. Во-вторых, это происходило не без применения радикальных и насильственных методов для привлечения людей к новой религии. Такие методы противоречили самой сути христианской нравственности.

Митрополит Киевский Иларион был одним из первых на Руси, кто занялся сопоставлением морали (конкретно христианской морали) и политики. Он отдавал предпочтение Божьему закону перед политическими нормами, придерживаясь при этом высших принципов, предписанных христианством, и ставя требования веры выше человеческих потребностей.

В предисловии к «Слову о Законе и Благодати», изданном в 2011 году, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) пишет: «В этом стремлении к христианской святыне как к национальному идеалу – истоки русской соборности, «собранности» вокруг Церкви, сознания духовной общности народа, коренящейся в общем служении, общем долге. Соборность – это единство народа в исполнении христианского долга и самопожертвовании, в стремлении посильно приблизиться к Богу, «обожиться», «освятиться», воплотить в себе нравственный идеал Православия»[2].

Отчетливо видно влияние морального компонента на политических лидеров и политику в целом в дошедших до наших лет произведениях Владимира Мономаха. Мономах был автором «Поучений» – набора этических руководств, предназначенных для его потомков, где он обращал внимание на важность моральных принципов и добродетелей для государственного правления. Он призывал князей и вельмож к справедливости, снисходительности, умеренности и уважению к законам.

Однако, в то же время Мономах руководствовался и политическими соображениями. Он вел успешные военные походы и укреплял свою власть, при этом не всегда придерживаясь строгих моральных норм[3].

Правила, оставленные князем, были направлены на формирование высоконравственного лидера, а о том, что они применимы даже в военных походах, князь повествует в следующей части «Поучений Мономаха». Однако,

---

[1]*Лядов В.В.* Мораль и право в политико-правовой мысли древней Руси XI-XII вв. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Новые тенденции в образовании и науке: опыт междисциплинарных исследований. – Ростов-на-Дону: Развитие юридической науки в России: история и современность, 2014. С. 894-897.

[2]*Митрополит Иларион*. Слово о Законе и Благодати // Русская цивилизация. М.: Институт Русской цивилизации, 2011. С. 6.

[3]См.: Поучения Владимира Мономаха [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН – Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4874/ (дата обращения: 15.04.2022).

несмотря на свою моральную направленность, Мономах также понимал, что политика может требовать принятия сложных решений. Во время своего правления он вел активную внешнюю политику и военные кампании, в том числе против половцев, печенегов, полочан, поляков и вятичей. Эти военные успехи позволили ему укрепить свою власть и государственность Киевской Руси. Во время этих военных действий Мономах не всегда придерживался строгих моральных норм, но его поступки могли быть оправданы политической необходимостью или военной стратегией.

В истории России князя Владимира Мономаха можно выделить как первого мыслителя, кто прямо поднял вопрос о взаимосвязи между моралью и политикой в военных конфликтах. Его наследие включает документированные тексты, посвященные этому значимому аспекту жизни.

Опираясь на труды А.А. Скворцова, мы видим, что размышления о войне в рамках отечественной философской мысли существовали как до, так и после правления Владимира Мономаха. Они находили свое отражение в таких литературных произведениях, как былины и сказания. Например, подобные размышления можно встретить уже в древнерусских сказаниях о Илье Муромце, боевом монахе, защитнике Родины, или о Добрыне Никитиче, сражающемся с Змеем Горынычем – символом зла.

В «Повести временных лет» мы сталкиваемся с идеей объединения и защиты русских земель с помощью вооруженной силы. Единая Русь представляется как важный игрок в мировой истории, охранительница библейских преданий и христианских моральных ценностей. В этом же произведении мы встречаем рассказы о деяниях первых русских святых – Бориса и Глеба, княгини Ольги и князя Владимира.

О трудностях войн с половцами рассказывают «Слово о полку Игореве», осуждающее внутренние распри и призывающее Русь к единению, «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина», рассказывающие о героизме русских воинов и победе христианской Руси над татарами полчищами. Образ мудрого и богобоязненного князя-патриота, идеального христианского воина, прослеживается в «Житии Александра Невского». В каждом из этих источников главной темой является идея защиты Отечества от иностранных захватчиков и служение воинов Богу, Царю и Родине[1].

С появлением христианства на Руси вопросы морали переходят в сферу влияния церкви. Определение содержания понятий добра и зла, установление норм осуществляется на основе библейских законов. Кроме того, представители церкви активно пропагандируют идею о том, что государственная власть является Божьим даром. Примером является Игумен Иосиф (Волоцкий), который, принимал активное участие в определении характера взаимоотношений между церковью и государством.

---

[1]*Скворцов А.А.* Концептуализация представлений о войне в западной моральной философии и русской этической мысли XVII – XIX вв. [Электронный ресурс] / А.А. Скворцов // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 8. Вып. 2. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr_e-ast8-2.2015.42

С.Е. Руженцев пишет по этому поводу: «Очевидно, что идеологические споры во времена Московского царства могли происходить преимущественно на религиозной основе. Да и моральные оценки основывались на христианском понимании добра и зла. Такой подход истолковывает добро как выражение и результат воли Бога. Поэтому мессианское учение Иосифа Волоцкого на рубеже XV – XVI вв. отражало стремление морально-ценностного оправдания действий центральной власти по ее укреплению и утверждение царя как Вседержителя, ответственного только перед Богом»[1].

Как правило, «действия центральной власти» того времени подразумевали междоусобицы, войны и силовой захват власти в удельных княжествах. Князья старались получить поддержку у церкви, тем самым оправдать свои цели.

Особое влияние на развитие моральной философии на Руси оказал монах Михаил Триволис (Максим Грек), который до монашества изучал философию в Италии.

В частности, монах отделял церковь от политики, противился тому, что духовенство поддерживает местные власти и любые их действия (поборы, насилие, войны), получая за это мирские блага. Взгляды Максима Грека получили поддержку у многих духовных лиц, в частности, у монашества[2].

Как и у всех предшественников Максима Грека, мораль диктовалась религией, ею же и регламентировались войны и насилие. Но все это, как показывает история, оставалось лишь в теоретической плоскости. Максим Грек не допускал насилия между христианами, считая это грехом. Война против иноверцев допустима: «…остатки западной Римской державы, разделившись на многие королевства и государства, живут постоянно во вражде между собою, и короли западные воюют друг против друга, подобно прежним нашим европейским царям, государям и князьям, грекам, болгарам и сербам, коих всех вообще истребил, по попущению свыше, злой и безбожный измаильтянин. И исполнилось апостольское слово, говорящее: «аще, же друг друга снедаете и угрызаете, блюдитеся, да не друг от друга истреблени будете»[3].

Создаваемые в контексте христианства индивидуальные этические стандарты находили свое место в осуществляемой политике Древнерусского государства, однако религиозные убеждения не всегда были приоритетными для политических элит Руси. Вереница внутренних конфликтов, кровопролитных войн и авторитарного управления не соответствовала христианским моральным нормам. Тем не менее, правители находили выход

---

[1]*Руженцев С.Е.* Проблема морали и политики в социокультурных процессах России: автореф. дис. … д-ра философ. наук / С.Е. Руженцев. Иваново, 2020. С. 17.

[2]*Плигузов А.И.* Полемика в Русской Церкви первой трети XVI столетия // Исторические исследования. М.: Квадрига, 2017. С. 217.

[3]Преподобный Максим Грек (Триволис). Два слова против Магомета [Электронный ресурс] // Азбука веры – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/magomet/ (дата обращения: 19.04.2022).

из ситуации – после каждой войны или значимой битвы они строили соборы, церкви и монастыри, тем самым оправдывая свои действия перед Богом и народом.

После появления в XVI – XVII веках в России обширного количества печатных философских источников, началось введение изучения философии в школах и академиях. Это стало стимулом для развития отечественной философии как академической дисциплины. Тем не менее, влияние западных философских учений привело к искажению традиционных философских взглядов, которые формировались с IX века и были распространены на Руси. Естественно, переводы западных и южнославянских авторов появились в Древнерусском государстве гораздо раньше XVII века. Такие работы как «Пчела», «Шестоднев», «Измарагд», «Златая цепь» и другие, были популярны на Руси, так как их темой была христианская вера.

Как мы писали ранее по данной теме в научной статье: «Православие на Руси ввело в общество конфронтацию между духовной и материальной сферами, где доминантное место отводилось духовности, нравственности, а с усилением влияния западной философии на первый план начинает выходить борьба политических законов с законами морали»[1]. Можно утверждать, что вся эта борьба между моральным и политическим так или иначе переносилась и в плоскость войны.

Одна из значимых книг, о которой следует упомянуть в нашем исследовании – «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», опубликованная в 1647 году. Несмотря на свое ярко выраженное военное название, данная работа содержит не только тактические приемы и тонкости сухопутного боя, но также является своего рода моральным кодексом русского воина. В этом произведении прямо заявляется, что служение Отечеству с оружием в руках является богоугодным и не противоречит христианской вере. Воин должен быть праведным христианином, защищающим свою религию и Родину. Однако из-за специфики его деятельности ему не всегда удается соблюдать требования, предписанные христианской верой. Отсюда, гласит устав, «ратному же человеку… когда он против недруга идет, и он всегда в смертном страхе и подобает ему мерное житие вести паче чернца в монастыре, потому что он в великом страховании»[2].

Эта установка требует соблюдения христианских догматов и сводит к минимуму беззакония на войне.

«Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» предписывает воину следующее: «Первое, надобе им Господа Бога в сердцы своем имети. Второе недруга во зрении и в очех. А третье оружие в руках держати»[3].

---

[1]См.: *Некрасов Д.В.* Особенности трактовки морали и политики в российской философской мысли допетровской эпохи // Миссия конфессий. 2022. Т. 11, № 7(64). С. 98-102.

[2]См.: Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб.: Бережливость, 1904. 357 с.

[3]См.: Там же.

Отсюда можно сделать вывод, что до того, как обучить воина владеть оружием, ему нужно было привить христианскую мораль.

Также в «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей» мы видим деление войны на два вида. К первому относятся «промежусобные или жилецкие…, всех страшнее и позорнее», ко вторым «явные и всемирные войны..., есть справедливы» и «ведены бывают против тех, которые Божии чести и слова его ищут попрати и изгоняти, и которые есть враги имени Христову»[1]. Подобное деление мы уже встречали у Платона и Аристотеля.

Справедливо по этому поводу пишет А.А. Скворцов: «Можно заметить, что данное разделение взято из творений Отцов Церкви, а весь нравственный пафос «Учения…» повторяет европейское средневековое учение о войне. Но русская религиозная культура, будучи христианской, никогда не отрицала, а напротив, старалась укрепить свою связь со Священным Писанием и Преданием. В области военной христианской мысли отечественная культура много переняла у мыслителей православного Востока, но она создала совершенно неповторимые образы святых воинов, ставших идеалами многих поколений русских людей»[2].

С приходом на царствование Петра I, который являлся сторонником западных идей, завершился уникальный исторический период формирования и развития отечественной философской мысли. Начались радикальные изменения в отношении общества к политике и морали. В русскую философскую мысль проникли особенности западного мировоззрения, такие как индивидуализм и динамизм, началось явное разделение политической и моральной сфер.

Важнейшими в рамках войны событиями петровского правления стали создание современной регулярной армии и написание «Устава воинского», который на государственном уровне нормировал сферы деятельности военного человека. Кроме того, «Устав воинский» регламентировал не только алгоритм действий при боевой выучке и войне, но и определял моральный облик военного, который, как и раньше, строился на христианском учении. В отличие от предыдущих правителей, при Петре I в армии появляются полковые священники, их основной задачей было прививать воинам христианскую мораль. Достигалась эта цель при помощи церковных служб, молитв, личных бесед и других религиозных ритуалов.

Важным моментом правления Петра I стало переосмысление приоритетов в воинском служении. Теперь служение Отечеству и Господу ставится выше служения правителю, и что немаловажно, данная норма прописывается в государственных документах. Как пишут В.В. Кафтан и П.В. Петрий: «Подлинного расцвета патриотизм в России достиг в Петровскую

---

[1]См.: Там же.

[2]См.: *Скворцов А.А.* Концептуализация представлений о войне в западной моральной философии и русской этической мысли XVII – XIX вв. [Электронный ресурс] / А.А. Скворцов // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 8. Вып. 2. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr_e-ast8-2.2015.42

эпоху. Петр I всячески содействовал тому, чтобы это явление было возведено в ранг государственной политики. Верность интересам Отечества он ставил выше всех иных интересов, выше самого государя. И сегодня знамениты Петровы слова: «...не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь». Услуги Отечеству, усердие в государственных делах при Петре объявлялись высшей доблестью и закреплялись в Табели о рангах как важнейшее условие получения чинов, наград и других привилегий»[1].

Несмотря на проявление светскости у некоторых мыслителей времен Петра I (А.Д. Кантемир, В.Н. Татищев), церковь по-прежнему занимала особое место в установлении моральных ограничений в обществе и на войне. Через проповеди и обращения духовных лиц, подчеркивалась особая миссия армии в целом и каждого воина в отдельности. Разумеется, данные проповеди отчасти носили спекулятивный характер, так как направлялись на формирование безукоризненного служения не только Богу, но и его земному ставленнику – императору.

В конце XVIII – начале XIX века в отечественной философии появляются следующие работы, посвященные правовой и моральной оценке войны – «Философическое предложение» Я.П. Козельского, «Мир Европы, или Проект всеобщего замирения» Р.М. Церебрикова, «Рассуждение о мире и войне»
В.Ф. Малиновского, где высказаны мысли, что войну должен регламентировать закон, согласно которому будет определены границы дозволенного.

Тема войны и ее осмысление постоянно находилась в поле интересов философов, политиков и военных теоретиков того периода. Такое внимание к теме было обусловлено очевидным фактом – России постоянно приходилось воевать, отстаивая свою политическую, духовную и культурную независимость. Так, события Великой французской революции своими последствиями втянули в конфликт практически все европейские страны. Только за период с 1789 по 1815 гг. Российская империя вела 12 войн, и, что немаловажно, в войне с Наполеоном России пришлось сражаться практически против всей Европы.

Тема осмысления войны была настолько актуальна для российского общества, что даже русский поэт А.С. Пушкин написал на эту тему стихотворение «Война», оказавшись под впечатлением от «Проекта вечного мира» аббата Сен-Пьера, о котором мы говорили в первом параграфе нашего исследования:

Ни ратные труды, ни ропот гордой славы,
Ничто не заглушит моих привычных дум?

Вот что писала Е.Н. Орлова, жена генерала М.Ф. Орлова, одного из вождей «Союза Благоденствия» по этому поводу: «Мы очень часто видим

[1] *Кафтан В.В., Петрий П.В.* Аксиология воинского служения. М., 2017. С. 202.

Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек – вечный мир аббата Сен-Пьера»[1].

Особое отношение к политике, морали и войне высказал отечественный философ А.С. Хомяков[2].

Война, как общественно-историческое явление, по взглядам А.С. Хомякова, представляет собой зло, недопустимое состояние общества с точки зрения христианской морали. Осуждая войну как социальное явление, Хомяков А.С. видит в ней опасность для народов, характеризует ее как нарушение норм морали и права. «Война и завоевание, этот итог бесконечных убийств, бесстрастных и бескорыстных, это исполинское преступление всех законов человечества, эта мерзость, сопряженная с очаровательным величием и соблазном себялюбивой славы, война еще не получила имени у людей»[3].

А.С. Хомяков придерживался философского взгляда, согласно которому он являлся твердым противником использования насилия внутри общества. Он подчеркивал, что любая форма насилия носит нравственно недопустимый характер. Хомяков выражал свое несогласие с применением вооруженного насилия, независимо от причин, ради которых оно осуществляется.

Важно отметить, что А.С. Хомяков, выражая свою позицию относительно войны, не является ярым пацифистом. Он предлагает свою классификацию войны. Он выделяет понятие «справедливой войны», которую он называет «священной войной за Родину», а также отмечает существование «неправедной войны», которую ведет агрессор-завоеватель[4].

В контексте данного исследования интересны идеи отечественного философа К.Н. Леонтьева, который подчеркивает особый путь России, и указывает, что этот путь связан с непосредственной конфронтацией с Западом. Леонтьева можно отнести к милитаристам, так как отношение к войне у него было весьма положительное. Войну он считал великой вещью и божественным творением. Кроме того, философ признавал военных высшей кастой. «Самый высший род гражданства – это гражданство боевое, отдающее жизнь за Отчизну… Мы сами, мы русские обязаны считать военных наших самыми лучшими, самыми высшими из граждан наших, если мы хотим быть справедливы умом и честны сердцем»[5]. Отсюда можно сделать вывод, что любые действия армии, связанные с защитой и отстаиванием интересов России, уже сами по себе моральны. В подтверждении этому можно привести еще одно положение из работ Леонтьева. Он считал, что у России своя система

---

[1]*Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962. Том 6. Критика и публицистика. С. 518-519.

[2]См.: *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1.; *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 3.

[3]*Ксенофонтов В.Н.* Философские взгляды А.С. Хомякова на войну, мир и современность // Научный вестник МГТУ ГА. 2005. № 95. С. 45.

[4]См.: *Хомяков А.С.* К сербам. Послание из Москвы // Хомяков. О старом и новом. М., 1988.

[5]*Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). М.: Республика, 1996.

ценностей, а дисциплина в выработке национальных нравов куда важнее общечеловеческих моральных законов. Кроме того, ученый поддерживал проводимую политику панславизма и собирания православных народов под началом России, допуская, что осуществление этого плана возможно военным путем.

Вместе с тем, мы не наблюдаем в работах К.Н. Леонтьева прямого рассмотрения вопроса о соотношении политики и морали в войне. Интересы ученого в данном вопросе ограничились особой позицией по отношению к войне и к христианской морали.

Война, как явление, привлекала внимание практически всех представителей русской интеллигенции второй половины XIX века. К их числу относился и Ф.М. Достоевский. Из его трудов «Парадоксалист» и «Признание славянофила» можно сделать вывод, что войну писатель делил на два вида – «благородную», ведущуюся с внешними врагами ради защиты слабых и угнетенных, которая служит достижению великой цели и спасает общество от нравственного падения, и «ненавистную», к которой он относит междоусобные войны, ведущие к разложению государства и общества. Здесь прослеживается аристотелевское деление на «stasis» и «polemos». Кроме того, Ф.М. Достоевский признавал необходимость войны, так как без нее мир превратился бы в «слизь, заряженную гнилыми ранами»[1].

«Парадоксалист» и «Признание славянофила» – две работы Ф.М. Достоевского, где мы видим прямую постановку вопроса о соотношении политики и морали в войне, но все же, основной темой в них являются не действия и рамки дозволенного в процессе протекания вооруженного конфликта, а объяснение предпосылок и целей войны.

Русский мыслитель В.С. Соловьев сравнивал войну с болезнью, а «лечение» ее внешних, а не внутренних проявлений не имеет никакого смысла. Внешняя война – помогает при нравственном расстройстве.

В.С. Соловьев в работе «Смысл войны» проводит глубокий анализ войны как явления. Он смотрит на нее через призму всех мировых религий и приходит к мысли, что все конфессии осуждают войну, исключение составляют лишь языческие вероисповедания. «Со стороны общенравственной оценки нет и не может быть двух взглядов на этот предмет: единогласно всеми признается, что мир есть норма, то, что должно быть, а война – аномалия, то, чего быть не должно», считает философ[2]. Но вместе с тем, Соловьев видит в войне не только отрицательные, но и положительные моменты, при определенных обстоятельствах. К таким обстоятельствам философ относит борьбу за существование и смотрит на нее через призму дарвинизма.

В «Смысле войны» Соловьев озвучивает следующую, интересующую в рамках нашего исследования мысль, где отчетливо видно соотношение

[1]См.: *Достоевский Ф.М.* Парадоксалист / Русские философы о войне. М., 2005. С. 17; *Достоевский Ф.М.* Признание славянофила / Русские философы о войне. М., 2005. С. 21-24.

[2] *Соловьев В.С.* Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1988. С. 32.

политики и морали и их прямой корреляции с войной. «Не ясно ли, что борьба верований и материальных интересов переживает борьбу народов и государств и окончательное установление внешнего, политического единства решительно обнаружит его внутреннюю недостаточность, – обнаружит ту нравственную истину, что мир внешний сам по себе еще не есть подлинное благо, а что он становится благом только в связи с внутренним перерождением человека. И тогда только – не теориею, а опытом будет познана недостаточность внешнего единства – может наступить полнота времен для одухотворения объединенного вселенского тела, для осуществления в нем Царства Правды и Вечного мира»[1].

Соловьев в своей работе провел глубокий историко-философский анализ феномена войны. На его взгляд, война и политика взаимообусловлены. Войны древности нужны были для создания государства, в то же время, политики этого государства в последующем использовали свою власть для исключения войны в своих владениях. Тем не менее, Соловьев подчеркивает, что война, в каком бы виде она не проходила, это в первую очередь не что иное, как убийство одними людьми других людей, а убийство – аморально и претит требованиям нравственности. Философ продолжает свою мысль и называет войну лишь возможностью. Следовательно, убивать или не убивать на войне, решение, которое принимает сам человек в зависимости с его моральными нормами и условиями, в которых он оказался.

Практически, как и у всех его предшественников, Соловьев смотрит на соотношение политики и морали в войне через призму религии и ее законов. В своих работах автор предпринимает попытку соединить мораль, политику и право.

Как пишет С.Е. Руженцев: «Соловьев с позиции истории и нравственности оправдывает войну, считая, что политика может скрывать свое нравственное зло, так как имманентно связана с насилием. Равновесие между интересами личной свободы и общим благом может обеспечить право, осуществляющее принудительное требование минимального добра. Оно реализуется организацией нравственной жизни общества и основывается на разуме. Кроме того, право определяет границы проявления силы при столкновении интересов людей и групп в политике, предупреждая тем самым возможное физическое столкновение между ними. В силу этого между моралью и правом нет противоположности, так как различие возникает лишь между разными состояниями правового и нравственного сознания, оценивающего действительность на основе критерия правды»[2].

Тема соотношения политики и морали в войне занимает особое место в работах Н.А. Бердяева. Его суждение о том, что все в России превращается в орудие политики, прекрасно характеризует взгляды философа на проблему.

---

[1] *Соловьев В.С.* Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1988. С. 48.

[2] *Руженцев С.Е.* Проблема морали и политики в социокультурных процессах России: дис. … док. философ. наук. Иваново, 2020. С. 88.

В статье «Мысли о природе войны», Бердяев высказывает следующую мысль, что отношение к войне как к одному только насилию и убийствам – поверхностно. Насилие на войне лишь симптом. Здесь Бердяев сходится во мнении с Соловьевым.

Бердяев говорит о том, что война, как механическое явление, лишь продолжение внутренних проблем людей, ее истоки лежат в глубине духовной действительности. Ответственность за возникновение войны несут все люди, а убийство автор видит, как явление нравственное, а не физическое. Кроме того, Бердяев считает пустыми и ложными учения как пацифистов, так и милитаристов. Оба эти направления, на его взгляд, являются поверхностным и физическим проявлением. Политика не имеет глубинного отношения к войне, истоки ее во внутреннем начале, в моральном складе, а он в свою очередь формируется государством и национальностью.

Бердяев не верит в христианские войны и в христианские государства, так как само христианство противоречиво. Оно противоречиво в отношении к войне и насилию, оно одновременно запрещает и одобряет их[1].

В статье «Война и кризис интеллигентского сознания» философ в очередной раз указывает на значимость морали. В жизни русских людей, считал Бердяев, есть потребность давать оценку всему через личную мораль. Русские отвергают бессмысленную, безнравственную и безбожную силу, все это претит русскому менталитету. Кроме того, философ подчеркивает, что для русского менталитета благо народа – есть высшее благо, и ради него можно идти на жертвенность и ограничения.

Несмотря на все попытки Бердяева найти моральное и политическое в войне, проанализировать само это явление, выявить закономерности его возникновения, дабы минимизировать войны в будущем, сам философ признает, что в мире слишком много неразрешенных проблем, в решении которых люди прибегают к войне: «Мир не приближается к земному благоденствию, к земному раю, к идиллии вечного мира. Все принуждает нас думать, что мир идет к страшной борьбе, ко все новым столкновениям исторических сил, к новым испытаниям мужества духа, рыцарского закала духа. Поверхность земного шара еще не устроена. Еще много исторических задач остались неразрешенными»[2].

Русский философ С.Н. Булгаков считал вопрос о войне одним из вечных и проклятых вопросов. Осуждение войны с позиций морали – самый простой и ложный путь к пониманию этого явления. Вопрос войны – неразрешимый вопрос, так как не имеет абсолютного подхода к его решению. У войны есть свои причины и цели, и, как правило, они в каждой новой войне разные.

---

[1] *Бердяев Н.А.* Мысли о природе войны // Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальностей. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова. 1918. С. 5.

[2] *Бердяев Н.А.* Философия неравенства / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 248.

Рассматриваемая тема нашла свое отражение в работах неоднозначного, но без сомнения выдающийся, русского философа И.А. Ильина. Вопросы политики и морали он рассматривает уже в годы Первой мировой войны в таких работах как «Духовный смысл войны»[1] и «Основное нравственное противоречие войны»[2].

Прекрасно иллюстрирует идеи И.А. Ильина следующее его выражение «Позволительно ли убивать человека? Может ли человек разрешить себе по совести убиение другого человека? Вот вопрос, из которого, по-видимому, вырастает основное нравственное противоречие войны»[3].

К армии, как инструменту государства, у И.А. Ильина особое отношение. Как пишет в своем исследовании А.П. Ромахин: «В его понимании (И.А. Ильина), во-первых, армия – есть «сосредоточенное воплощение государственной силы», государственной власти, есть «элемент государственного бытия», это организованное множество людей, систематически «воспитывающих себя к победе и ради нее – к смерти и убиению во имя государственной цели».

Во-вторых, «каждый воин, независимо от своего высшего или низшего ранга, должен носить в душе сознание государственной цели и ее волевое и эмоциональное «приятие». Поэтому служение в армии должно быть проникнуто «живым вдохновением государственности».

В-третьих, воин есть «гражданин, принявший на себя сосредоточенное бремя гражданского звания и бытия», соединивший свое дело с вопросом «о личной жизни и смерти», что определяет то чувство собственного достоинства, ту значительную ответственность и то чувство чести, без которых невозможна армия и с которыми сопряжено воинское звание. Отсюда «воину необходимо духовное самоутверждение», то есть он «должен верить в духовную правоту своей Родины, своего государства и своего жизненного дела» и черпать свой мотив и свою решимость в государственной цели и в воле к ней, «дело воина есть подвиг в духе и во имя духа».

В-четвертых, военная подготовка вне духовного воспитания человека бессмысленна: воин вне духовного самоутверждения есть реальная опасность для своего общества, а «армия вне достоинства и чести эфемерна как воинская сила, но подлинна как источник государственного разрушения и гибели»[4].

Из этого следует, что исполнитель насилия – солдат, несмотря на свои задачи, должен обладать моралью. Но возникает вопрос, какой именно

---

[1]*Ильин И.А.* Духовный смысл войны // И.А. Ильин. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 9-10. М., 1999.

[2]*Ильин И.А.* Основное нравственное противоречие войны // И.А. Ильин. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 5. М., 1999.

[3]Там же. С. 12.

[4]*Ромахин А.П.* Ценностные ориентации курсантов военных вузов России в современных условиях: сущность, факторы влияния и формирование: дис. … канд. философ. наук. М., 2020. С. 108-109.

моралью? Общечеловеческие моральные нормы адаптируются под интересы государства и прививаются военным.

Можно сказать, что Ильин в своих работах обобщил весь накопленный опыт своих предшественников по данному вопросу. По его мнению, в России мораль и политика не могут рассматриваться как отдельные явления, они прочно связаны, их отделение друг от друга и противопоставление влечет за собой разложение общества и вызывает конфликт[1].

Для нашего исследования представляет интерес работа отечественного философа С.Л. Франка «Этика нигилизма», где автор приводит свое видение соотношения политики и морали: «Религиозность несовместима с признанием абсолютного значения за земными, человеческими интересами. Поэтому хотя жизнь всякого верующего подчинена строгой морали, но в ней мораль имеет не самодовлеющее, а лишь опосредствованное значение; каждое моральное требование может быть в ней обосновано и выведено из конечной цели и потому само не претендует на мистический и непререкаемый смысл. И только в том случае, когда объектом стремления является благо относительное, лишенное абсолютной ценности, – а именно удовлетворение субъективных человеческих нужд и потребностей, – мораль – в силу некоторого логически неправомерного, но психологически неизбежного процесса мысли – абсолютизируется и кладется в основу всего практического мировоззрения»[2].

Франк уделял особое место морали в войнах. Политика и военная мощь – ничто, если они аморальны. Кроме того, философ считал, что военная успех – половина победы, главенство остается за победой моральной[3].

А.Д. Куманьков пишет: «По С.Л. Франку, целью войны являются не территории или экономические выгоды, а торжество справедливости и нравственности. Для победы России важно на каждом этапе войны сохранить истинное служение всему благому и честному, что одухотворяет мировую борьбу. Победа должна быть общезначимой, она должна закреплять принцип справедливости, который приняло бы все человечество. Главный парадокс войны состоит в том, что конфликт должен окончиться не только военной победой одной из сторон, но и нравственным перерождением каждого его участника»[4].

Итак, анализ воззрений русских философов, писавших о соотношении политики и морали в войне, показывает, что на исторических этапах развития российского общества, общехристианская мораль проходит определенную трансформацию. Разумеется, общие доктринальные положения остаются неизменными, но на передний план выходит идея, что «государство» равно

---

[1]См.: *Ильин И.А.* Путь к очевидности // Почему мы верим в Россию. М.: Эксмо, 2006. С. 344.

[2]См.: *Франк С.Л.* Этика нигилизма // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1991. С. 159-160.

[3]*Франк С.Л.* Сила и право // Русская мысль. 1916. № 1. С. 12.

[4]*Куманьков А.Д.* С.Л. Франк в поисках духовного смысла Великой войны // Философские науки. 2017. № 3. С. 44.

«Родине», а Родина – святая и ее защита является высшей целью. Продвижение этой идеи с самого момента зарождения на Руси государственности, постепенно стало частью моральной основы общества, частью менталитета ее народа. Политические элиты продолжали продвигать данную идею на протяжении веков, получая из этого личную выгоду, так как идея власти – также является сакральной в российской культуре.

Радикальные перемены в вопросе соотношения политики и морали в войне мы видим в России XX века. Во-первых, это связано с тем, что наступила эпоха войн нового типа, во-вторых, с ликвидацией монархии и приходом к власти большевиков, начинает доминировать марксистко-ленинская идеология.

В молодой Советской республике доминирующим стал подход, при котором мораль начали сопоставлять с политическими целями борьбы трудящихся. Появляется такое новое для России понятие, как «коммунистическая мораль».

В.И. Ленин приводит следующий тезис на этот счет: «В основе коммунистической морали лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»[1].

Непривычное для русской культуры сочетание слов «мораль» и «борьба» становятся повсеместным явлением в научной литературе Советского Союза. Коммунистическую мораль начинают считать высшей ступенью эволюции морали. Но при детальном рассмотрении вопроса, мы видим, что произошла обычная замена в содержательных характеристиках морали. Теперь не вера, Отечество и самодержавец выступают в качестве сакральных понятий, а партия, класс и идеология. Чуть позже, в конце 30-ых годов XX столетия, при отходе от ортодоксального марксизма, в этот ряд становится «Советская Родина». Защита этих ценностей, достижение целей, которые ставит партия и Родина (эти два понятия в советском обществе практически равнозначны), являются сами по себе моральными. Христианская доктрина сменяется коммунистической, радикально преобразуется форма, а с содержанием происходят лишь небольшие преобразования[2].

---

[1]См.: Речь В.И. Ленина «Задачи союзов молодежи». Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи. 2 октября 1920 г. // В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. 30, С. 405.

[2]См. подробнее: *Фадеев Г.Д.* Моральный дух Советской Армии: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1948. 24 с.; *Прокопьев Н.* Моральный дух армии – один из постоянно действующих факторов, решающих судьбу войн: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1951. 27 с.; *Шумный А.В.* Роль морального фактора в ракетно-ядерной войне: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1965. 19 с.; *Свобода Н.К.* Соотношение цели и средств в современной войне: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1967. 23 с.; *Родин А.И.* Марксистско-ленинская оценка политического содержания войн современной эпохи: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1973. 24 с.; *Анцышкин А.И.* Критика современных военно-этических концепций милитаризма США: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1977. 23 с.

Приверженцы ортодоксального марксизма, такие как Л.Д. Троцкий, считали, что революции должны носить перманентный характер. В России зародился пожар, который должен был перекинуться на всю планету и перерасти во Всемирную революцию. Пожар этот допустимо разводить любыми способами, в том числе и военным путем. Вооруженная смена власти, гражданские войны, военное воздействие одних стран на другие – все это в рамках морали, если это служит свержению империалистических строев и установлению коммунистической власти.

Работу Л.Д. Троцкого «Их мораль и наша» можно отнести к разряду тех работ, которые посвящены вопросу соотношения политики и морали в войне. Прекрасно иллюстрирует взгляды революционера следующий отрывок из упомянутой работы: «Но ведь существуют же элементарные правила морали, выработанные развитием человечества, как целого, и необходимые для жизни всякого коллектива? Существуют, несомненно, но сила их действия крайне ограничена и неустойчива. «Общеобязательные» нормы тем менее действительны, чем более острый характер принимает классовая борьба. Высшей формой классовой борьбы является гражданская война, которая взрывает на воздух все нравственные связи между враждебными классами»[1].

В той же работе Троцкий довольно четко расставляет приоритеты. Вслед за макиавеллистами, революционер утверждает, что политические цели оправдывают при определенных обстоятельствах такие средства как насилие и убийство. Такие средства Троцкий считает неотъемлемой частью любой войны, тем более гражданской[2].

Кроме того, Троцкий оправдывает и террористические атаки. Для него они выступают в рамках все той же коммунистической морали. Политическая целесообразность для него главнее морали.

Следует отметить, что Троцкий все же представлял маргинальное, «левацкое» направление внутри политического пространства СССР 1920-30-х годов. В результате продолжительной межфракционной борьбы теоретические воззрения Троцкого и его политическая практика были отринуты действующей властью СССР, а сам он был выслан за пределы страны.

Довольно интересный взгляд на войну, политику и мораль выразил мыслитель русского зарубежья П.А. Сорокин. По его мнению, война в большей степени влияет на политику и мораль, чем наоборот. Война порождает централизацию власти, власть в свою очередь расширяет свой контроль практически над всеми сферами общества, в связи с этим уменьшается свобода граждан и увеличивается социальная стратификация. С моральной сферой, на его взгляд, не все так однозначно, как с политикой. Насилие, убийства, лишения – все это ведет к моральному разложению,

---

[1] *Троцкий Л.Д.* Их мораль и наша (Памяти Льва Седова) // Этическая мысль: Науч. публицист. чтения. 1991 / Общ. ред. А.А. Гусейнова. М., 1992. С. 235.

[2] См.: *Троцкий Л.Д.* Их мораль и наша (Памяти Льва Седова) // Этическая мысль: Науч. публицист. чтения. 1991 / Общ. ред. А.А. Гусейнова. М., 1992.

деморализует как победителей, так и проигравших, в связи с этим порождается массовая ненависть на национальной почве, перерастающая в конечном счете в насилие и убийства. С другой стороны, Сорокин считает, что и мирное время пагубно влияет на моральные основы граждан. Мир делает человека ленивым, развращенным и изнеженным, что ведет к деградации как отдельных представителей общества, так и общества в целом.

В ходе постепенной интеграции СССР в мировое сообщество, мы видим, что в ряде случаев международное право выступает доминантой по отношению к проводимой политике и ее целям. Регулятором соблюдения таких международных прав выступает в том числе и мораль.

М.В. Шугуров пишет: «Поведение в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права предполагает выполнение взятых международных обязательств. Стимулом же для морального поведения на международной арене выступает потребность в положительной оценке со стороны мирового общественного мнения. Возможность негативной морально-международной оценки оказывала в историческом плане сдерживающее воздействие на поведение субъектов международного права. В частности, в ходе Второй мировой войны ни СССР, ни Германия не применили химическое оружие и действовали в соответствии с Женевским Протоколом 1925 года (Протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств), опасаясь не только возможных ответных действий со стороны противника, но и морального осуждения со стороны мировой общественности»[1].

Из этого мы видим, как международное право и мораль влияют на принятие политических решений.

Говоря о Великой Отечественной войне, мы говорим об испытаниях, с которыми столкнулись не только народы республик, но и политическая система СССР и ее морально-нравственные основы.

Уже в середине тридцатых годов XX столетия политическое руководство Советского Союза видело все предпосылки к большой войне. Это повлияло в первую очередь на укрепление оборонно-промышленного комплекса. Приоритет был отдан возможной обороне страны, а также формированию моральных принципов, подходящих системе в тот период времени.

Оттягивание открытой войны с возрожденной Германией и ее союзниками, вылилось в советско-финскую войну и «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом». В двух этих событиях мы наблюдаем исключительный прагматизм политиков, которых в первую очередь интересовала безопасность страны, а не моральная сторона вопроса.

---

[1] *Шугуров М.В.* Взаимодействие международной морали и международного права: философско-правовой аспект // Взаимодействие права и морали: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова. – М. : Изд-во Моск. гуманит. унта, 2014. С. 26.

Как пишет по этому вопросу А.И. Горячев: «Не вина советского руководства в том, что война началась, что бы ни утверждали по этому поводу современные западные историки и некоторые политические деятели. В предвоенные годы СССР всемерно стремился предотвратить развязывание войны в Европе, предлагая западным партнерам создать систему коллективной безопасности. Когда все предложения СССР ими были отвергнуты, он вынужден был заключить с гитлеровской Германией пакт о ненападении, сделав это последним из европейских государств. Гитлеровская Германия вероломно нарушила этот договор, вторгшись в пределы СССР на всем протяжении государственной границы от берегов Балтийского моря до побережья Черного моря. То, что война не за горами, что она непременно произойдет, советское руководство понимало отчетливо, тем более что враг свои планы и не скрывал. После аннексии Австрии, Мюнхенского сговора 1938 г. и последующего расчленения Чехословакии стало очевидно, что большой войны с Германией не избежать. Заключением пакта о ненападении наша страна попыталась выиграть время, т. к. летом 1939 г. Советский Союз не был полностью готов к отражению ставшей неизбежной гитлеровской агрессии. Необходимы были хотя бы два года, чтобы завершить проводившуюся в 1930-е гг. гигантскую работу в сфере обороны и безопасности страны»[1].

Воспитание советских граждан в духе коммунистической морали дало свои плоды с наступлением Великой Отечественной войны. Нечеловеческая жестокость, карательные методы и нацистская идеология Германии и ее союзников сами послужили толчком к моральной мобилизации советских граждан. Война велась на выживание не только государства в его границах, она велась за выживание нации. В приказе Наркома обороны СССР № 130 от 1 мая 1942 года, который больше напоминает разъяснение преподавателя ученикам или даже отца детям, И.В. Сталин вполне доступно говорит о морали и целях Германии, а также о морали советских граждан и целях политических лидеров СССР: «Товарищи! Мы ведем войну Отечественную, освободительную, справедливую. У нас нет таких целей, чтобы захватить чужие страны, покорить чужие народы. Наша цель ясна и благородна. Мы хотим освободить нашу Советскую землю от немецко-фашистских мерзавцев. Мы хотим освободить наших братьев – украинцев, молдаван, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, карелов от того позора и унижения, которым подвергают их немецко-фашистские мерзавцы. Для осуществления этой цели мы должны разбить немецко-фашистскую армию и истребить немецких оккупантов до последнего человека, поскольку они не будут сдаваться в плен. Других путей нет»[2].

Этот отрывок из приказа очень хорошо характеризует моральные установки, диктуемые политиками в годы Великой Отечественной войны. В

[1]*Горячев А.И., Лутцев М.В.* Великая Отечественная война в контексте глобального противостояния России и Запада // Военный академический журнал. 2021. № 2. С. 5-13.

[2]*Сталин И.В.* Сочинения. М.: Издательство «Писатель», Т. 15. 1997. С. 108.

данном случае «истребление оккупантов до последнего человека» не выглядит чем-то аморальным, это конкретный приказ от политического лидера, который в рамках советской идеологии выступал монополистом в определении понятий «справедливости» и «добра»; Сталин – легитимная власть, он определяет моральные нормы.

Широко используемому в советский период термину «политико-моральное состояние», придавалось особое значение.

Под политико-моральным состоянием понималось проявление морально-политических сил народа и Вооруженных Сил при решении социальных, экономических, политических и военных задач в конкретно-исторических условиях. В ходе Великой Отечественной войны на политико-моральное состояние Вооруженных Сил большое влияние оказывали политические цели и характер войны, положение дел на фронте, степень снабженности войск, способность политического и военного руководства обеспечить достижение политических и военных целей в войне, условия жизни населения в тылу, а также идеологическое воздействие на противника. Политико-моральное состояние войск проявлялось в их боеспособности, результатах боевых действий на фронтах. Войска, обладавшие более высоким политико-моральным состоянием, были способны в сходных условиях войны успешно решать возложенные на них задачи[1].

Важно заметить, что знаковым событием в годы Великой Отечественной войны является возрождение Русской православной церкви в сентябре 1943 года. Как пишет А.И. Горячев: «Реальная действительность заставила И. Сталина, руководство ВКП(б) осуществить пересмотр своей религиозной политики, перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов в борьбе с общим врагом государства. В результате мы подошли к войне, несколько не успев осуществить перевооружение армии, но зато сумев духовно мобилизовать население, которое было стопроцентно готово к войне идеологически, психологически и морально»[2].

В своем докладе митрополит Сергий на Соборе епископов 8 сентября 1943 года говорит: «О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться, потому что прежде чем мы успели определить как-нибудь свое положение, оно уже определилось – фашисты напали на нашу страну, ее опустошали, уводили в плен наших соотечественников, всячески их там мучили, грабили и т. д. Так что даже простое приличие не позволило бы нам занять какую-нибудь другую позицию,

[1]Великая Отечественная война 1941-1945: Словарь В 27 справочник / Н. Г. Андроников, А. С. Галицан, М. М. Кирьян и др.; Под общ. ред. М. М. Кирьяна. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1988. С. 371.

[2]*Горячев А.И.* Патриотизм как феномен современного российского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 38.

кроме той, какую мы заняли, то есть, безусловно, отрицательную ко всему, что носит на себе печать фашизма, печать враждебности к нашей стране»[1].

Мы видим, как политическое руководство страны всеми методами и средствами пробуждало и культивировало у советского народа всеобъемлющую любовь к своей Родине, ее прошлому, будущему, к ценностям, которые были присуще нашей стране во все времена. Разумеется, эти грамотные мероприятия советского руководства дали свои плоды – массовый героизм и альтруизм, любовь и уважение к жизни, гуманное отношение к пленным и раненым, все это, в конечном счете, привело к Великой Победе.

В рамках нашего исследования очень уместно упомянуть Директиву Ставки ВГК № 11072 командующим войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов о необходимости гуманного отношения к немецкому населению и военнопленным от 20 апреля 1945 г., в которой И.В. Сталин требует следующее:

1. Потребуйте изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жестокое отношение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.

2. В районах Германии к западу от линии устье реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров – немцев. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и панибратству с немцами[2].

Мы видим, что гуманное отношение к противнику, который совершил столько злодеяний в отношении советского народа, диктуется вовсе не моралью, а политическими целями.

После Великой Отечественной войны, Советский Союз активно принимал военное участие во многих конфликтах на нашей планете с целью оказания помощи народам в их освободительной войне. Оказание военной помощи странам Азии, Африки, Ближнего Востока, военное участие в

[1]Журнал Московской патриархии. 1943. № 1. С. 7-8.

[2]Директива Ставки ВГК № 11072 командующим войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов о необходимости гуманного отношения к немецкому населению и военнопленным. 20 апреля 1945 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов – Режим доступа: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/199777-direktiva-stavki-vgk-11072-komanduyuschim-voyskami-1-go-i-2-go-belorusskih-i-1-go-ukrainskogo-frontov-o-neobhodimosti-gumannogo-otnosheniya-k-nemetskomu-naseleniyu-i-voennoplennym-20-aprelya-1945-g (дата обращения: 02.08.2022).

событиях на Кубе, в Венгрии, Чехословакии, в Афганистане. Задачи по геополитическому доминированию в СССР, как правило, решались руками военных. Моральное оправдание вмешательства во внутренние дела других государств происходило путем формирования у военнослужащих ответственности перед союзниками и братьями по классу. Так, появился термин «интернациональный долг», который прекрасно вписался в коммунистическую мораль.

Говоря об идеологической монополии, в том числе мы говорим о монополии философских взглядов и работ. Весь аппарат, задействованный в формировании и продвижении советской идеологии, подлежал строгому контролю. Именно поэтому мы наблюдаем в советский период довольно монотонные, но абсолютно справедливые и актуальные философские работы, посвященных вопросу соотношения политики и морали в войне.

Стоит отметить, что вклад В.И. Ленина в разработку идей марксизма, вылился в отдельное направление – марксизм-ленинизм, в рамках которого советские философы, разрабатывающие тему соотношения политики и морали в войне, оперировали идеей о том, что в зависимости от политико-экономического строя, обществу присущ один из видов морали, а именно – буржуазная мораль или коммунистическая (пролетарская) мораль.

Именно в советский период, через призму диалектического и исторического материализма, была выработана практически значимая методологическая база. Классики марксизма-ленинизма пишут, что в вопросе о происхождении морали как общественного явления, нужно подходить конкретно-исторически, рассматривая мораль в связи и во взаимодействии с условиями материальной жизни общества, в связи с классовым положением людей в системе общественного производства. Они установили тот факт, что материальная жизнь общества, его бытие являются первичным объективной реальностью, независимой от сознания и воли людей, а духовная жизнь общества: политика, право, религия, философия, мораль является отражением материальной жизни общества, его бытия.

Кроме того, представители марксистско-ленинской философии высказывают мнение о том, что в буржуазном обществе содержание морали зависит от установок политики господствующего класса. Так, в своем исследовании С.А. Клепиков высказывает мысль, что политика господствующего класса при капитализме пронизывает все формы идеологии, и мораль в том числе. Он напоминает, какую роль сыграла политика немецких фашистов до и в период Второй Мировой войны: «Их (фашистов) внутренняя и внешняя политика, являясь продуктом монополистического капитализма, выражала интересы наиболее хищнических и разбойничьих империалистов Германии. Эта политика культивировала ненависть к другим народам, провозглашала расовое превосходство немцев над всеми другими народами и

нациями, санкционировала ложь, предательство и убийство невинных людей. Когда требует политика, надо лгать, предавать и даже убивать»[1].

Советский период отличается прямой идейной конфронтацией отечественных философов с философами капиталистического блока. Приведем в пример работу М. Лифанова «Превосходство коммунистической морали над растленной моралью буржуазного общества»[2], в которой автор указывает, что основной содержательной чертой коммунистической морали выступает патриотизм, когда буржуазная мораль допускает захватническую, экспансионистскую политику, прикрытую маской добродетели, прогресса и свободы, но на деле являющейся политикой террора, ликвидации демократических свобод внутри своих стран, политикой направленной на вмешательство в суверенные дела других стран, с целью захвата благ и реализации геополитических планов.

Военно-политическая академия имени В.И. Ленина, правопреемником которой является Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, была ведущей научной организацией, где разрабатывалась тема соотношения политики и морали в войне. Примером тому служат такие работы как «Моральный дух Советской Армии» Г.Л. Фадеева (1948), «Партия Ленина-Сталина – организатор и воспитатель высокого морального духа Советской Армии в Отечественной войне» С.Л. Сукача (1948), «Значение морального потенциала в современной войне» В.А. Шпиндлера (1950), «Моральный дух армии – один из постоянно действующих факторов, решающих судьбу войны» Н. Прокопьева (1951), «Роль Коммунистической партии Советского Союза в формировании коммунистической морали в СССР» А.С. Бевза (1953), «Марксизм-ленинизм о соотношении войны и политики» Е.И. Рыбкина (1955), «Роль морального фактора в ракетно-ядерной войне» А.В. Шумного (1964), «Соотношение цели и средств в современной войне» Н.К. Свободы (1966), «Марксистско-ленинская оценка политического содержания войн современной эпохи» А.И. Родина (1972), «Критика современных военно-этических концепций милитаризма США» А.И. Анцышкина (1977), «Место и роль политики и морали в социальном развитии советского воина» А.С. Брычкова (1977) и др., разработанные согласно доминирующей в Советском Союзе парадигме.

Говоря о специфике соотношения политики и морали в войне, важно понимать, что в советский период данные явления рассматривались в плоскости коммунистической и капиталистической идеологий. Мотивы империалистических стран, по которым они развязывали войны – всегда аморальны, так как целью этих войн являются исключительно экономические выгоды, обеспечивающие максимальные капиталистические доходы. Вообще, в отечественной философской мысли советского периода, войны, в которых

[1] *Клепиков С.А.* Марксизм-ленинизм о возникновении и развитии коммунистической морали: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1955. С. 8.

[2] *Лифанов М.* Превосходство коммунистической морали над растленной моралью буржуазного общества. Ленинград: Лениздат, 1950. 93 с.

участвовали страны капиталистического блока, априори несправедливы, так как в ходе этих войн порабощаются целые народы, а страны, в которых эти войны идут, впоследствии становятся «филиалами» одной большой «фирмы». У захватнической войны всегда политические мотивы, морального оправдания здесь нет и не может быть. Мораль в регулировании насилия в ходе этих войн не учитывается.

Прекрасно дополнит картину сухая статистика. После Второй мировой войны и до развала Советского Союза, Соединенные Штаты Америки развязали 13 вооруженных конфликтов, в которых принимали непосредственное участие. Историческая хроника показывает нам, как американские солдаты вели эти войны. Необузданное кровопролитие в Корее (1950), нечеловеческая жестокость в отношении вьетнамцев (1964-1975), негуманные действия в Лаосе, территорию которого не могут разминировать уже более пятидесяти лет, вмешательство в Ливан (1982) и дозволение массовой резни беженцев в Сабре и Шатиле, безопасность которых гарантировали военные США и Израиля.

Каждый вооруженный конфликт второй половины XX века, в котором принимали участие американские войска, сопровождался несоизмеримым насилием в отношении комбатантов и мирного населения, пытками, уничтожением гражданской инфраструктуры, установлением контроля за политическими элитами. Все эти действия никак не вписываются в рамки общечеловеческих моральных норм, из чего мы делаем заключение, что взгляды советских философов на войны, развязанные капиталистическими странами, вполне объективны.

Как пишет в своем исследовании П.И. Трифоненков (1952), «монополистический капитализм порождает несправедливые войны со стороны империалистических государств за порабощение других народов и стран, за передел мира, за завоевание мирового господства. Об этом говорит вся история кровавого империализма»[1].

Изучение соотношения политики и морали в войне в советский период характерно и тем, что работы философов и этиков носили практический характер, и целью данных исследование выступало формирование личности гражданина и личности воина-защитника в духе марксистско-ленинского учения.

На первый взгляд, можно сделать вывод, что в советский период в ходе вооруженных конфликтов политика преобладала над моралью. Но такой вывод не совсем корректен по ряду причин. Во-первых, как мы писали выше, политика и мораль находятся в диалектическом соотношении, т.е. взаимно обуславливают друг друга. Во-вторых, частная мораль, носителями которой выступали советские граждане, оказывала сильное давление при принятии решений, связанных с насилием и убийством на войне. Кроме того, ряд исторических источников свидетельствуют о том, что советские воины, если

[1] *Трифоненков П.И.* Марксизм-ленинизм о моральном факторе в современных войнах: автореф. дис. … канд. философ. наук. Ленинград, 1952. С. 12.

дело касалось убийства или исполнения приговора, связанного с высшей мерой наказания, не проявляли зверств, пыток и запредельного насилия. Советское государство посредством внедрения гуманной идеологии прививало гражданам как коммунистическую, так и общечеловеческую мораль, хотя само политическое руководство опиралось на прагматизм при принятии решений, так как от них зависело существование государства и народа.

Новая волна интереса к вопросу соотношения политики и морали в войне начинается в 90-ые годы XX века, после развала СССР и ухода от марксистско-ленинской философии. Одним из современных русских философов, рассматривающих данную проблему, является Александр Дугин. Он выступает за приоритет политики над моралью в войне. По его мнению, война – это ситуация исключения, когда обычные правила и нормы не работают. В таких условиях необходимо принимать жесткие и решительные меры для достижения политических целей. Дугин подчеркивает, что политика во время войны требует рационального и стратегического подхода, который может противоречить моральным принципам. По его мнению, победа в войне – это главная задача, и все средства, даже самые жестокие, оправданы в этой борьбе[1].

Однако, не все современные русские ученые, разрабатывающие проблему соотношения политики и морали, разделяют точку зрения Дугина. Некоторые из них подчеркивают важность моральных принципов и их влияние на политику в войне. Например, С.Е. Руженцев аргументирует, что моральные нормы и ценности должны оставаться основой для принятия политических решений. Согласно его взгляда, политика и мораль не могут быть полностью отделены друг от друга. Он подчеркивает, что политика вынужденно, а то и целенаправленно, обращается к моральным аргументам, что превращает мораль в качестве основы ценностных трактовок действий власти[2].

Особое место проблема соотношения политики и морали в войне занимает в трудах отечественного философа В.Н. Ксенофонтова. Так, например, в работе «Философские взгляды А.С. Хомякова на войну, мир и справедливость» он пишет: «В условиях современных международных реалий в анализе взаимосвязи политики и войны все в большей степени возрастает аксиологическая, прежде всего нравственная, оценка данной взаимосвязи. Если войны доядерной эпохи способны были «укладываться» в такие ее категории, как долг, справедливость, честь и другие, за которыми стояли позиции определенных социальных групп, то возможная ядерная война по своим прогнозируемым последствиям отвергает такой подход. Трудно

[1]См.: *Дугин А.Г.* Основы геополитики: геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. 599 с.; *Дугин А.Г.* Теория многополярного Мира. Плюриверсум. М.: Академический проект, 2015. 358 с.

[2]См.: *Руженцев С.Е.* Проблема морали и политики в социокультурных процессах России: дис. … докт. филос. наук. Иваново, 2020. С. 339-340.

представить мораль и ее нормы, которые бы оправдывали трагедию всего человечества нашей планеты. С точки зрения общечеловеческих интересов и нравственности недопущение такой войны, ее предотвращение является подлинно гуманистическим императивом»[1].

Автор одним из первых среди философов современной России высказал мысль о том, что соотношение политики и морали в условиях угрозы ядерной войны существенно отличается от соотношения политики и морали в «классическом» вооруженном конфликте. В.Н. Ксенофонтов подчеркивает это и в другой своей работе: «В современных условиях развитие человеческой цивилизации характеризуется усилением взаимосвязи народов и государств в историческом процессе. А это ведет к тому, что роль моральных принципов и норм во внешней политике приобретает особую значимость. Такое положение обусловлено прежде всего тем, что моральные ценности являются одним из решающих факторов сохранения и безопасности жизни на Земле, самого человека в условиях обладания рядом государств ядерным и иным опасным для человечества оружием»[2].

Кроме того, В.Н. Ксенофонтов выделяет три подхода к соотношению политики и морали[3]:

1. Морализаторский подход – политика должна иметь не только высоконравственные цели (благо, справедливость, добро), но и при любых обстоятельствах не игнорировать принципы морали (правдивость, честность, долг), применяя в свою очередь исключительно нравственно допустимые средства;

2. Политизирующий подход – пренебрежение политикой нравственных ценностей;

3. Взвешенно аналитический подход – признание необходимости связи нравственных норм в политике, с учетом ее особенностей.

Особый вклад в разработку вопроса соотношения политики и морали в вооруженных конфликтах, через призму теории справедливой войны, внес А.Д. Куманьков. Данный исследователь провел глубокий историко-философский анализ по проблематике, выявил структурные особенности теории справедливой войны и провел категоризацию ее основных форм[4].

---

[1] *Ксенофонтов В.Н.* Философские взгляды А.С. Хомякова на войну, мир и современность // Научный вестник МГТУ ГА. 2005. № 95. С. 45.

[2] *Ксенофонтов В.Н.* Соотношение морали и политики: философское осмысление современных реалий // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 275.

[3] Там же. С. 274.

[4] См. *Куманьков А.Д.* Война в XXI веке. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020.; *Куманьков А.Д.* Война, или В плену насилия. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.; *Куманьков А.Д.* Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. МакМахан. СПб. : Алетейя, 2019.; *Куманьков А.Д.* Философия войны: краткий очерк истории // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 99-116.; *Куманьков А.Д.* Война как наказание: исторические основания и современное состояние // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 2. С. 137-151.

Одним из ключевых аспектов обсуждения соотношения политики и морали в войне также является вопрос об ответственности за совершенные действия. Современные русские философы акцентируют внимание на вопросе о реальной возможности судебного преследования и наказания военных преступлений. Они подчеркивают важность создания международных судебных инстанций, которые могли бы рассматривать дела о военных преступлениях и привлекать виновных к ответственности, но пока, в эпоху «двойных стандартов», когда достижение объективности в данных делах абстрактно, эта идея кажется утопической. Вместе с тем, такие попытки свидетельствует о стремлении философов сохранить и защитить моральные принципы и ценности даже в условиях военных действий.

Таким образом, в данном параграфе мы рассмотрели отечественные философские подходы к взаимосвязи политики и морали в вооруженных конфликтах.

Важным элементом отечественной философии стало понимание, что высшие ценности, вытекающие из религиозных убеждений и духовных традиций, должны быть в центре принятия политических решений, особенно в ситуациях вооруженных конфликтов. Российские мыслители считали, что моральные принципы и этические нормы должны служить основой политических действий, и что они предоставляют фундаментальные критерии для оценки правильности или неправильности политических поступков.

Одним из ключевых аспектов этого подхода было стремление к созданию общества, в котором политика была бы неотделима от высших духовных ценностей. Русские философы и религиозные мыслители акцентировали внимание на человеческом достоинстве, справедливости и мире как непременных целях, которые должны преследоваться в политике. В их взгляде, политика, лишенная морального компаса, теряет свою цель и становится аморальной, неспособной к построению справедливого и устойчивого общества.

Следует также отметить влияние коммунистических идей доминирующих в России в XX веке на моральное восприятие военных конфликтов. Идеология коммунизма подчеркивала коллективные интересы и стремление к общественной справедливости. В этом контексте русские философы, ориентированные на коммунистические принципы, придавали важность моральным аспектам в военных действиях, видя их в тесной связи с построением справедливого общества.

Таким образом, русская философская мысль о взаимосвязи политики и морали в вооруженных конфликтах выражается через признание преимущества моральных ценностей, привнесенных православием и коммунизмом. Эти два фактора совместно оказывали глубокое воздействие на формирование современного общественного мнения и выработали нормы морального поведения в условиях вооруженных конфликтов. Даже сегодня, когда Российская Федерация является светским государством, не имеющим доминирующей идеологии, мы можем наблюдать, что отношение граждан к

вооруженным конфликтам выражается через призму догмат православия и коммунистических идеалов. Так, например, в зоне проведения специальной военной операции на Украине, военнослужащие повсеместно используют в своей форме одежды православные и советские элементы, подчеркивая тем самым свою приверженность тем или иным убеждениям.

Таким образом, начиная от античных авторов Древней Греции и Римской империи до современных философов, соотношение политики и морали в войне трансформировалось в зависимости от конкретной исторической эпохи, политического строя, главенствующей идеологии и общего духовного и интеллектуального состояния субъектов общества. Гераклит, Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон, Квинт Тертуллиан, Амвросий Медиоланский, Августин Блаженный, Фома Аквинский, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Г. Гроций, Дж. Локк, А. Смит, Ж.-Ж. Руссо, Б. Спиноза, И. Кант, Г. Гегель, Ф. Ницше внесли значимый вклад в разработку темы соотношения политики и морали в войне. Мы видим прямое влияние этих ученых на социальную и политическую философию XX века и современности. Именно взгляды и работы этих авторов выступили базисом в таком сложном и неоднозначном вопросе, как соотношение политики и морали в вооруженных конфликтах. Каждый из трех подходов (морализаторский, ценностно-нейтральный и компромиссный) к взаимоотношению политики и морали испытывает на себе влияние указанных выше философов.

Мораль, политика и война, как общественные явления, претерпели значительные изменения с момента начала их исследования до наших дней. Рассмотрев их через призму язычества, атеизма, христианства, прагматизма, пацифизма и милитаризма, мы установили, что у всех трех явлений остается общее – они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Как показывает проведенный анализ, несмотря на все попытки исключить войну из жизни человечества, она возникает во все новой форме и с новыми последствиями, но в то же время данный анализ показал, что политические и моральные ограничения войны дают надежду на то, что войны современности и будущего не будут носить масштабы, какие мы наблюдали в Первую и Вторую мировые войны.

Что касается отечественной философской мысли в рамках соотношения политики и морали в войне, то мы видим глубокое религиозное начало во всех исследуемых явлениях. Под тысячелетним воздействием православия на русский народ, выработалось особое мировоззрение и особый духовно-этический вид мышления, который мы прослеживаем в идеях и работах Илариона Киевского, Феодосия Печерского, Владимира Мономаха, Иосифа Волоцкого, Максима Грека, Н. Данилевского, К. Леонтьева, В. Соловьева, Ф. Достоевского, Н. Бердяева, И. Ильина, С. Франка и др.

Особый период развития идеи соотношения политики и морали в вооруженных конфликтах мы наблюдаем в Советском Союзе, где доминирующую роль носили социально-философские идеи марксизма-ленинизма. Особый вид морали – коммунистическая мораль, которая стала в

СССР общепринятой нормой, повлияла на сформировавшуюся за тысячелетие картину мира русского народа и укрепила в отечественном мировоззрении общечеловеческие моральные нормы. Советский период привнес свои немаловажные элементы в отечественную мораль и ментальность, элементы которых проявляются в современном патриотизме. Мы видим, что в советский период доминирующую роль в масштабах государства в ходе войн носило политическое начало, мораль же адаптировалась и формировалась под воздействием политики, но вместе с тем имела влияние на действия субъектов войны и принятие политических решений.

Глава 2. Политико-моральные аспекты современных вооруженных конфликтов

В современном мире наблюдается рост и эскалация вооруженных конфликтов, которые затрагивают различные регионы и нации. Политико-моральные аспекты этих конфликтов становятся все более важными, поскольку они отражают ценности и нормы, которые влияют на решения политических лидеров, военных командиров и общества в целом. В нынешних реалиях возникают сложные вопросы относительно пропорциональности и необходимости применения силы в контексте конкретных конфликтов. Например, современные технологии позволяют проводить военные операции с минимальными потерями среди своих войск, но при этом возникает риск гражданских жертв. Политики и военные лидеры сталкиваются с вызовом балансирования между достижением военных целей и соблюдением норм международного гуманитарного права. Вооруженные конфликты также вызывают моральные дилеммы и нравственные проблемы. К примеру, возникают вопросы о справедливости войны, легитимности использования насилия и этичности определенных тактик и стратегий. Кроме того, современные вооруженные конфликты часто сопровождаются политической риторикой и пропагандой, которые могут искажать факты и формировать общественное мнение. Политики и военные лидеры используют различные методы манипуляции и воздействия на общественное сознание для достижения своих целей. Это поднимает вопросы о этичности таких практик и их влиянии на формирование публичного мнения и легитимность действий правительств.

В данной главе мы исследуем ключевые политико-моральные аспекты, связанные с современными вооруженными конфликтами, и рассмотрим их влияние на принятие политических решений, международные отношения и моральное состояние общества.

§ 1. Политика и мораль как детерминанты возникновения вооруженных конфликтов XXI века

В настоящее время мировое сообщество проходит ряд испытаний, связанных с растущим числом вооруженных конфликтов, протекающих в XXI веке. Основными причинами современных вооруженных конфликтов являются территориальные, межэтнические, политические, идеологические и религиозные разногласия.

Каждый новый вооруженный конфликт порождает проблемы в экономике, вызывает политический кризис и противоречия в международном праве.

Н.Н. Ядуванкин и С.Н. Васильева пишут в своей работе: «Объявление войны, кроме случаев самообороны, следует признавать актом агрессии (Устав ООН, ст. 51), и при развертывании дальнейших боевых действий считать отягчающим обстоятельством, непосредственно влияющим на ответственность виновной стороны»[1]. Но даже требования Устава ООН не могут предотвратить возникновение вооруженных конфликтов.

Нормы международного права, которые регламентируют вооруженные конфликты, не всегда вписываются в политические и моральные цели, преследуемые государствами.

В настоящее время большой популярностью в научном сообществе, которое занимается исследованием войны, пользуются такие теории, как теория справедливой войны, теория права на войну, гуманитарная интервенция. Важно заметить, что все эти теории рассматриваются как в отдельности, так и в рамках теории справедливой войны.

Некоторые источники указывают, что «право на войну – это исторически сложившееся право государства на ведение военных действий, являющееся одним из признаков суверенитета. Данное право не существует в абсолютном виде – международное право и Устав ООН прямо запрещают применение военной силы, однако есть несколько исключений»[2].

Например, Устав ООН напрямую не запрещает гражданские войны и вооруженные восстания против действующих режимов. Требования Устава распространяются только на международные вооруженные конфликты. Пользуясь именно этой лазейкой, ряд стран финансирует свержения политических режимов с целью эскалации конфликтов, с целью установления марионеточных режимов. Если же вооруженный переворот не удается реализовать в полной мере, его инициаторы используют так называемые гуманитарные интервенции и вводят свои войска на территории суверенных государств.

В международном праве существуют только два исключения, когда вооруженное насилие считается легитимным – самооборона и получение мандата от Совета Безопасности ООН, который уполномочивает вооруженные силы третьих стран вмешиваться в дела суверенного государства.

Использование гуманитарных интервенций в современных вооруженных конфликтах – вопрос дискуссионный и проблемный. Мало кто не согласится с тем, что и принцип гуманности, и принцип суверенитета – это принципы, которым необходимо неукоснительно следовать. Но иногда

[1] *Ядуванкин Н.Н., Васильева С.Н.* Релевантность как основной принцип урегулирования и предотвращения вооруженных конфликтов // Вооруженные конфликты: предпосылки, последствия, правовые основы предупреждения, противодействия и урегулирования: Материалы IV межвузовской научно-практической конференции на английском языке (20 марта 2019 г.) / Отв. ред. С.В. Шермазанова. М.: Международный юридический институт, 2019. С. 194.

[2] Право на войну [Электронный ресурс] // Центр Международного права на Чистых прудах. – Режим доступа: https://european-court-help.ru/pravo-na-vojnu-s-tochki-zreniya-sovremennogo-mezhdunarodnogo-prava/ (дата обращения: 25.10.2022).

возникают такие ситуации, когда эти два принципа вступают в противоречие друг с другом.

Совбез ООН, давая мандат на гуманитарную интервенцию, официально придерживается линии, что принятие такого непростого решения, как нарушение суверенитета государства, диктуется моральным долгом, так как гуманитарная интервенция должна предотвратить преступления против человечности, восстановить функционирование международного права. Вместе с тем, вооруженное вмешательство в дела суверенного государства всегда должно оставаться последней санкцией, но в то же время от нее никогда не следует отказываться полностью.

Как пишет Е.А. Лапанович, «дилемма гуманитарной интервенции возникла из столкновения двух позиций: принципа незыблемости государственного суверенитета и принципа приоритета человеческой жизни над суверенитетом государства. Само понятие «гуманитарная интервенция» отражает внутреннее противоречие; ее, как указал Лоуренс Фридман, можно рассматривать с двух точек зрения: как акцию, направленную на поддержание мира, и как акцию, влекущую нарушение суверенитета»[1].

Гуманитарная интервенция подразумевает под собой вооруженное вмешательство третьих стран во внутренние дела другого государства. Разумеется, это вмешательство, как правило, порождает вооруженный конфликт. Таких примеров в современной истории более, чем достаточно: Косово, Афганистан, Ирак, Сомали, Гаити, Кот-д`Ивуар, Сьерра-Леоне. Все признаки гуманитарной интервенции мы наблюдаем и у специальной военной операции на Украине, проводимой Российской Федерацией, так как одной из причин, по которым она началась, является защита жителей Донецкой и Луганской народных республик, против которых проводился полномасштабный геноцид.

Несмотря на попытки ограничить планету от такого явления, как война, по данным Уппсальского университета, только в 2021 году в мире произошло 54 вооруженных конфликта. Суммарно в них были вовлечены 33 страны, в боевых действиях погибли более 84 тыс. человек[2].

С одной стороны, хотя мы живем в мире, где должна главенствовать парадигма международного права, а политика и мораль не могут возвышаться над ней, мы наблюдаем, что частные политические мотивы и моральные побуждения некоторых стран идут вразрез с нормами международного права. Кроме того, уже с самого начала XXI века, мы видим, что международное право работает не для всех одинаково. Например, такие действия США и

---

[1]*Лапанович Е.А.* Гуманитарная интервенция: между моралью и правом // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 20.

[2]Сколько людей гибнут в вооруженных конфликтах по всему миру. [Электронный ресурс] // +1 – Проект об устойчивом развитии – Режим доступа: https://plus-one.ru/society/2022/09/22/skolko-lyudey-gibnut-v-vooruzhennyh-konfliktah-po-vsemu-miru?utm_s ource=web&utm_medium=manual&utm_content=link&utm_term=scroll. (Дата обращения: 24.09.2022).

союзников по блоку НАТО, как произошедшая на стыке веков почти трехмесячная бомбардировка Союзной Республики Югославия, вторжение в Ирак с бездоказательной базой о наличии у режима Хусейна оружия массового поражения, открытая поддержка и накачка оружием антиправительственного Переходного национального совета Ливии с последующей интервенцией сил НАТО в эту суверенную страну, не поддаются никакому моральному оправданию; тем не менее, ООН игнорирует подобные мероприятия и не применяет к инициаторам «геополитического беспредела» карательных механизмов. Кроме того, агрессоры оправдывают свои действия перед мировым сообществом моральным долгом. В этом вопросе – вопросе оправдания своих действий, страны, развязывающие конфликты, прибегают к упомянутым выше концепциям гуманитарных интервенций и теории справедливой войны.

В свете происходящих ныне событий ООН практически каждый день показывает свою несостоятельность. Из органа, регулирующего взаимоотношения государств, Организация Объединенных Наций превратилась в рудимент международного права, в необъективный международный институт, действующий в интересах определенных стран. Внутренние коалиции, образовавшиеся внутри Организации, продвигают свою повестку и достигают целей любыми способами, получая одобрение и мандаты: так было в Афганистане (2001) и в Ливии (2011). И опять же, никаких санкций или всемирного осуждения к «мировому жандарму» за его действия не было применимо.

Такая тенденция не способствует исключению вооруженных конфликтов из общественной жизни, а напротив, создает условия для их возникновения.

Так или иначе, в любом современном вооруженном конфликте, на каком бы континенте он не происходил, затрагиваются геополитические интересы крупнейших стран и экономик. Вооруженные конфликты – поле, где каждая заинтересованная страна придерживается присущей ей модели. Наибольшие противоречия во взглядах и действиях в вооруженных конфликтах мы наблюдаем между коллективным Западом и Российской Федерацией.

Особый интерес для нашего исследования представляет Наставление 600-4 «Голубая книга военнослужащего: руководство начальной подготовки военнослужащих»[1], в котором четко прописаны цели по боевой подготовке и морально-нравственному воспитанию военнослужащих США.

А.П. Ромахин в своем исследовании обращает внимание, что «вступая в ряды американской армии, солдаты клянутся поддерживать и защищать Конституцию Соединенных Штатов Америки, а не командира, народ, правительство и государственную целостность. Такие привычные российскому воину ценности, как семья, Родина, честь, отвага отодвигаются

[1]Наставление 600-4. Голубая книга военнослужащего. Курс начальной подготовки. Министерство Сухопутных войск США. Командование строительства и подготовки Сухопутных войск США, форт Эустис, Вирджиния 23604-5701, 18 июля 2016.

американцами на задний план. Их первичная задача – сохранить Конституцию, славящую великую демократию»[1].

В той же работе А.П. Ромахин пишет: «В одной из глав наставления 600-4 сказано: «Я – американец, сражающийся в Вооруженных Силах, защищающих мою страну и мой образ жизни». Однако, если посмотреть на театр боевых действий американской армии, то мы не найдем ни одной войны, в которой Вооруженные Силы США вели бы боевые действия на своей территории. Едва ли боевые действия в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии или Сирии угрожали суверенитету США или «американскому образу жизни». Следовательно, можно сделать вывод о том, что участие ВС США в подобных боевых действиях обусловлено исключительно их личными политическими целями и выгодами»[2].

Рассмотрим более подробно политико-моральные детерминанты возникновения вооруженных конфликтов XXI века, а также роль США и их союзников в них.

Операция США под пафосным названием «Infinite Justice» («Бесконечное правосудие»), в последующем известная как «Operation Enduring Freedom» («Несокрушимая свобода»), начатая в ответ на террористические атаки 11 сентября 2001 года, декларировала самые высокоморальные побуждения, которые на деле оказались не чем иным как реализацией геополитической стратегии.

Изначальные цели, которые преследовало руководства США в Афганистане под эгидой борьбы с международным терроризмом, звучали следующим образом: свержение режима Талибан, зачистка Афганистана от талибов и арест с последующим судом лидеров Аль-Каиды.

В результате, последствия присутствия США и коалиции в Афганистане вылились в стремительный рост производства наркотиков (героин, марихуана и гашиш), дестабилизацию обстановки в регионе, гибель местного населения.

Что касается потерь в ходе вторжения США в Афганистан, то по оценкам проекта «Издержки войны», эта цифра переваливает за 243 тысячи человек, без учета смертей от болезней, потери доступа к пище, воде, инфраструктуре и/или других косвенных последствий войны[3].

Другим актом международного произвола является вторжение в Ирак военного контингента США и их союзников в марте 2003 года.

---

[1] *Ромахин А.П.* Ценности двойных стандартов американской армии // Вооруженные конфликты: предпосылки, последствия, правовые основы предупреждения, противодействия и урегулирования. Материалы IV межвузовской научно-практической конференции на английском языке (20 марта 2019 г.) / Отв. ред. С.В. Шермазанова. М.: Международный юридический институт, 2019. С. 272.

[2] Там же. С. 272.

[3] Human and budgetary costs to date of the U.S. war in Afghanistan, 2001-2022 [Электронный ресурс] // Watson Institute for international and public affairs – Режим доступа: https://watson.brown.edu/costsofwar/figures/2021/human-and-budgetary-costs-date-us-war-afghanistan-2001-2022. (Дата обращения: 12.09.2022).

Предпосылкой к возникновению данного вооруженного конфликта послужили ничем не обоснованные домыслы Соединенных Штатов о производстве оружия массового поражения в Ираке. Несмотря на то, что возобновившая работу комиссия ООН по наблюдению, контролю и инспекциям, не нашла никаких следов производства и хранения оружия массового поражения, США продолжали настаивать на своем.

В результате вторжения в Ирак, Соединенные Штаты и их союзники свергли режим Саддама Хусейна, повесили его самого, разгромили иракскую армию и поставили во главе страны лояльную администрацию, которая не препятствовала выкачке природных и иных ресурсов из Ирака.

Все это имело глубокие последствия для всего региона. В Ираке моментально возрос радикальный исламизм, отдельными группировками продолжилось сопротивление силам коалиции, возглавляемой США, участились акты терроризма. Ирак погрузился в состояние непрерывающейся войны и насилия. В конечном счете, вторжение в Ирак послужило причиной появления такой радикальной организации (по сути, квазигосударства) ИГИЛ, борьба с которой затянулась на долгие годы и перенеслась на территорию других государств.

Ярким примером того, как за «ширмой» морали, реализовываются политические и экономические интересы США и их союзников, является конфликт в Ливии в 2011 году.

После «Арабской весны», которая затронула практически все страны Ближнего Востока и Северной Африки (20 стран), ее наибольшие последствия проявились в Ливии и Сирии.

По этому поводу С.М. Иванов пишет: «Вашингтон и его западные партнеры инициировали в Совете Безопасности ООН принятие резолюции по созданию над Ливией бесполетной зоны. Резолюцией № 1973 от 17 марта 2011 года Совета Безопасности ООН был представлен мандат на обеспечение режима бесполетной зоны над Ливией «в целях защиты гражданского населения». Россия и Китай не применили право вето, поскольку не усмотрели в этой резолюции какой-либо угрозы нарушения прав и свобод ливийцев. Практически сразу после принятия резолюции вооруженные силы НАТО превысили свои полномочия, определенные мандатом ООН. Не ограничиваясь контролем за воздушным пространством Ливии, т.е. не допуская взлета самолетов ВВС Ливии, силы НАТО приступили к планомерным ракетно-бомбовым ударам по военным и гражданским объектам страны. Бомбардировкам подверглись резиденции Муаммара Каддафи, правительственные учреждения, командные пункты, система ПВО, аэродромы, военные городки, склады, колонны правительственных войск и т.п. В результате этих налетов погибли тысячи ливийских военнослужащих и гражданских лиц, включая женщин, детей и стариков, десятки тысяч получили ранения. Инфраструктура страны оказалась разрушенной, разрозненные силы оппозиции втянулись в затяжную гражданскую войну с правительственными войсками. В конце концов, при попытке Муаммара Каддафи покинуть город

Сирт ВВС НАТО разбомбили его колонну автомашин и способствовали захвату мятежниками ливийского лидера с последующей жестокой и унизительной физической расправой над ним без суда и следствия»[1].

О мотивах такой агрессии пишет И. Воробьева: «Вне всяких сомнений, действия войск НАТО с самого начала были нацелены на то, чтобы сменить существующий режим. Эту цель удалось достичь, однако гуманитарную ситуацию в Ливии, так же, как в Ираке и Афганистане, в результате гуманитарной интервенции улучшить не удалось»[2].

Несмотря на диктуемые моралью причины вмешательства НАТО во внутренний конфликт в Ливии, а именно, защиту гражданского населения и остановку вооруженного конфликта, мы можем сделать вывод, что истинные причины кроются в другом.

Ливия, до событий 2011 года, была богатейшей страной Африки, со значительными запасами нефти, газа и пресной воды. С момента прихода к власти Муаммара Каддафи в 1969 году, Ливия начала открытую конфронтацию с Западом в идеологической, политической, экономической и военной сфере. Страну причисляли к «Оси зла» и государству-спонсору терроризма. Недовольство Ливией приобрело затяжной, исторический характер. Вторжение вооруженных сил Ливии в Чад вызвало недовольство во Франции, противоречия с Великобританией тянулись со времен конфликта в Северной Ирландии, так как ливийское правительство оказывало финансовую поддержку ирландским националистам. Были недовольны проводимой политикой Каддафи и арабские монархии, которых Муаммар обвинял в пособничестве США и Великобритании. Так, например, в ходе саммита ЛАГ (Лига арабских государств) в 2009 году, ливийский лидер заявил, что король Саудовской Аравии Абдулла – «продукт Британии и союзник американцев», после чего демонстративно покинул зал заседания. Кроме того, в ходе этого же саммита, Каддафи назвал себя «международным лидером, главой арабских правителей, королем королей Африки и имамом мусульман», чем вызвал недовольство присутствующих лидеров арабских стран[3].

Таким образом, мы видим, что на самом деле политика, проводимая руководством Ливии и ее лидером, послужила основной причиной вооруженной интервенции. Моральные причины, хотя они и являлись формальным поводом, не стоят в приоритете в начале этого вооруженного конфликта. Кроме того, события 2011 года фактически вызвали раскол страны на несколько лагерей, что, в конечном счете, привело к затяжной гражданской войне, которая перекинулась и на соседние государства, примером чего стало,

---

[1]*Иванов С.М.* «Арабская весна» продолжается // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2012. Т. 266. № 3. С. 56-66.

[2]*Воробьева И.* Война в Ливии: очередная нефтяная // Прямые инвестиции. 2011. № 4. С. 8.

[3]Каддафи оскорбил саудовского короля на саммите ЛАГ [Электронный ресурс] // Газета.ru – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/ news/lenta/2009/03/30/n_1346814.shtml. (Дата обращения: 24.10.2022).

в частности, «Туарегское восстание» в Мали (2012-2013). Помимо этого, Ливия и некоторые районы граничащих с ней стран, наполнились радикальными исламистами, которые при помощи вооруженного насилия добивались политической власти и установления своих порядков.

Военное вторжение в Афганистан, Ирак и Ливию наглядно показывает, что вмешательство в дела суверенных государств под гуманитарными лозунгами, как правило, преследует не восстановление справедливости, диктуемое моралью, а достижение собственных геополитических целей, кроме того, подобные вооруженные вторжения используются для отработки сценариев вмешательства в другие стратегически важные районы планеты.

Наиболее серьезные последствия «Арабской весны» и вооруженного вмешательства третьих стран в дела суверенного государства мы наблюдаем в Сирийской Арабской Республике.

Ярким примером современного вооруженного конфликта является Гражданская война в Сирии – многосторонний, многоступенчатый вооруженный конфликт на сирийской территории, который начался как локальное гражданское противостояние весной 2011 года и постепенно превратился в восстание против режима Башара Асада.

Сирийский конфликт берет начало с массовых протестов в провинции Дераа 15 марта 2011 года, направленных против действующей власти. Стихийное выступление протестующих вылилось в ряд новых выступлений и стремительно переросло в массовое восстание.

Главными причинами возникновения конфликта являются несогласие с политическим курсом, массовая коррупция во властных структурах и этнические и религиозные разногласия внутри страны. Толчком к восстанию стало создание в Facebook группы «Сирийская революция-2011», в которой активно распространялись активные призывы к государственному перевороту. Данные призывы нашли отклик у сотен недовольных проводимой политикой граждан Сирии. Башара Асада называли коррумпированным и кровавым диктатором. От него требовали отставки, ликвидации партии Баас и установления в стране демократического режима.

Властям Сирии пришлось пойти на некоторые уступки. Во-первых, уже 29 марта 2011 года правительство ушло в отставку, следом за этим Башар Асад сменил премьер-министра и подписал указ об отмене режима чрезвычайного положения в стране, действовавшего 48 лет (режим чрезвычайного положения в Сирии ограничивал права и свободы граждан, допускал задержание и допрос любого лица, наблюдение за личными связями, устанавливал цензуру СМИ). Во-вторых, был упразднен Высший суд государственной безопасности, проводивший процессы над политзаключенными, и принят закон, разрешающий мирные акции[1].

[1]Президент Сирии подписал указ об отмене режима чрезвычайного положения [Электронный ресурс] // РИА Новости – Режим доступа: https://ria.ru/20110421/366893215.html. (дата обращения: 24.10.2022).

Несмотря на последовательные действия правительства Сирии по урегулированию конфликта, протестующие не были удовлетворены и стали активно прибегать к террористическим актам. Например, теракт в Дамаске в декабре 2011 года, после которого Асад был вынужден активно использовать армию для подавления протестов.

Чрезмерную жестокость по отношению друг к другу проявляли как протестующие, так и правительственные войска.

В диссертационном исследовании А.В. Стебнева пишет следующее: «31 марта 2012 года Дамаск заявил, что гражданская война и революция в Сирии закончилась, а оппозиция оставила идею свержения правительства. Сам Б. Асад заявил, что принимает план мирного урегулирования, предложенный международным посланником Кофи Аннаном. План включал в себя прекращение насилия всеми участниками конфликта и выведение войск из городов. Кроме того, он включал оказание гуманитарной помощи пострадавшим, активизацию политического диалога с исключением вмешательства извне в ситуацию в Сирию. Помимо этого, предполагалось создание эффективного механизма мониторинга выполнения данных требований»[1].

В мае 2012 года по Сирии прошла волна терактов, организованных оппозицией, ответ на которые вылился в карательные операции, проведенными правительственными войсками. План мирного урегулирования конфликта, предложенный Кофи Аннаном, потерпел крах.

Выше мы обозначили внутренние политические и моральные причины возникновения вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике. Вместе с тем на эскалацию конфликта непосредственно влияли внешние силы, заинтересованные в развале Сирии и свержении действующей власти.

На раскачивание ситуации в САР огромное влияние оказали США и их союзники. Еще до открытого военного вмешательства во внутренние дела Сирийской Арабской Республики, коллективный Запад во главе с США принимал следующие меры:

– политическое давление;

– дипломатическое давление (ряд антисирийских резолюций в Совете Безопасности ООН, создание коалиции, изолирующей Сирию от мирового сообщества и т.п.);

– оказание военной помощи оппозиционным силам, являющихся по своей сути террористами (причем, что немаловажно, подобные «Исламскому фронту» организации, из политических соображений не признавались Соединенными Штатами террористическими организациями);

– предоставление оппозиции полных разведданных и подготовка боевых групп в Иордании и Катаре под руководством инструкторов западных стран;

[1] *Стебнева А.В.* Конфликт интересов Российской Федерации и США в Сирии: политологический анализ: дис. … канд. полит. наук. М., 2021. С. 63.

– информационно-психологические операции против вооруженных сил и правительства Сирии.

Кроме того, один из основных союзников США в регионе – Саудовская Аравия, также сыграла значительную роль в разжигании сирийского конфликта. Уже в 2012 году между Сирией и Саудовской Аравией были разорваны дипломатические отношения. Именно с этого момента Королевство Саудовская Аравия активно финансировало и поставляло оружие оппозиции, а также совместно с Катаром выплачивала боевикам Свободной Сирийской Армии денежное вознаграждение. Как отмечают некоторые исследователи, с началом Арабской весны у Саудовской Аравии сформировались ясные цели в отношении Сирии. Среди них:

– отстранение от власти Б. Асада и всего алавитского клана;

– привод к власти в Сирии суннитских фундаменталистов;

– стратегическое ослабление позиций Ирана (союзника Сирии) в ближневосточном регионе и лишение его возможности оказывать всемерную поддержку ливанской шиитской организации «Хезболла»[1].

О действиях США в начале конфликта очень точно пишет А.И. Горячев: «Вашингтон на первых порах оказывал всемерное политическое давление не только на Дамаск, но и на его союзников (в том числе, и посредством введения санкций) и вынуждал их «не вмешиваться» в творящийся в стране кошмар. Наряду с этим США использовали свои финансовые возможности для спонсирования деятельности боевиков и снабжения «умеренной» оппозиции вооружением. Их задачей было окончательно дестабилизировать ситуацию на Ближнем Востоке и уничтожить правящий режим Башара Асада. Более того, американцы сознательно совершали атаки на войска САР и вопреки всем международным правилам присутствовали и продолжают присутствовать без разрешения на территории суверенного государства»[2].

Ряд приведенных выше последовательных мероприятий США и их союзников вылились в гуманитарную катастрофу в Сирии. Причины возникновения данного вооруженного конфликта кроются исключительно в политических мотивах, и не продиктованы моралью.

Действия США и их союзников на Ближнем Востоке прекрасно охарактеризованы в монографии «Основы и уроки боевого опыта современной Российской армии на Ближнем Востоке», где по данному вопросу говориться следующее: «Стратегия завоевания Ближнего Востока Западом в интересах своих транснациональных компаний оформилась в американскую концепцию «Большой Ближний Восток» – один из американских геополитических проектов «демократизации» Евразии после распада Советского Союза. Включает пространство исламского мира (за исключением Израиля) от

[1]См.: *Стебнева А.В.* Конфликт интересов Российской Федерации и США в Сирии: политологический анализ: дис. … канд. полит. наук. М., 2021. С. 78.

[2]*Горячев А.И.* Феномен «гибридной войны» в сирийском контексте // Военный академический журнал. 2018. № 2(18). С. 36.

Северной Африки до Центральной Азии, Персидского залива и Афганистана»[1].

Кроме того, анализирую ситуацию конфликта в Сирии, мы можем сделать вывод, что марксистско-ленинская философия с ее подходами к вопросу войны, остается актуальной и по сей день. Как указано в упомянутой выше монографии: «На языке формационного (марксистско-ленинского) подхода в Сирии столкнулись субъекты мирового/глобализированного финансового капитала и региональных элит, восставших против стратегии Запада по демонтажу национальных государств. Одновременно финансиализированная буржуазия Запада с помощью стратегии управляемого хаоса на Ближнем Востоке запустила миграционные потоки как социальное оружие в классовой борьбе против собственного рабочего класса»[2].

Картина, подобная происходящей на Ближнем Востоке, наблюдается и в вооруженных конфликтах в небольших странах, которые становятся полем столкновения интересов крупных мировых держав и/или транснациональных корпораций. Не всегда такие державы принимают прямое участие в этих вооруженных конфликтах, но в них отчетливо проявляется деформированное соотношение политики и морали. Наглядным примером тому служит агрессия М. Саакашвили против Южной Осетии в августе 2008 года, когда Российской Федерации пришлось проводить операцию по принуждении Грузии к миру.

Политико-моральные детерминанты возникновения данного вооруженного конфликта практически идентичны с политико-моральными детерминантами других вооруженных конфликтов, где наблюдается прямое или косвенное вмешательство США и стран НАТО.

В 2004 году президентом Грузии становится М. Саакашвили, который берет курс на решение абхазского и южноосетинского вопроса вооруженным путем.

Вот что по этому поводу пишет Г.П. Мельников: «Не в последнюю очередь такой подход определялся стремлением режима Саакашвили войти в состав НАТО и Европейского союза. Однако решение этой проблемы затруднялось неурегулированностью территориальных вопросов. Грузинское руководство сделало ставку на силовое решение проблемы. В своей политике М. Саакашвили нашел полную поддержку со стороны администрации США и НАТО, предоставивших Грузии значительную военную помощь. По некоторым оценкам, эта помощь составила порядка 2 млрд долларов»[3].

Накачивая вооружениями политический режим президента М. Саакашвили, США стремились достичь свои геополитические цели. Закавказье рассматривалось западными политиками как территория,

---

[1]Основы и уроки боевого опыта современной Российской армии на Ближнем Востоке: монография / А.И. Горячев, М.М. Курочко, П.В. Петрий, В.М. Шевцов. М.: ВУ, 2018. С. 62.

[2]Основы и уроки боевого опыта современной Российской армии на Ближнем Востоке: монография / А.И. Горячев, М.М. Курочко, П.В. Петрий, В.М. Шевцов. М.: ВУ, 2018. С. 91.

[3]*Мельников Г.П.* Конфликт в Южной Осетии и внешняя политика России // Вестник РГГУ. 2010. № 14. С. 63.

позволявшая контролировать логистические цепочки углеводородов. Закрепление в Грузии сил НАТО создавало прямую военную угрозу и позволяло оказывать давление на Российскую Федерацию и Иран. Президент М. Саакашвили прямо заявлял о готовности разместить на территории Грузии военные базы США. Одними военными базами грузинский президент не ограничивался, курс был взят на вступление страны в блок НАТО, но, чтобы стать частью Альянса, Грузия должна было решить свои территориальные конфликты.

Южная Осетия и Абхазия не собирались становиться частью Грузии, что послужило толчком для М. Саакашвили решить затянувшийся вопрос вооруженным путем. Кроме того, именно к военной конфронтации Грузию подталкивал коллективный Запад.

Заручившись поддержкой стран Запада, подготовив армию и информационное поле, режим Саакашвили не побоялся и того факта, что в зоне конфликта находился российский миротворческий контингент, нападение на который обязывало Российскую Федерацию принять соответствующие меры.

Для достижения своих политических целей, марионеточный режим М. Саакашвили[1] попрал нормы морали и поставил на кон жизни мирных осетин и абхазов, который де-факто считал гражданами своей же страны.

Как только планы относительно Южной Осетии и Абхазии были сверстаны, правительство США взялось за широкомасштабные поставки Грузии вооружения; кроме того, западные инструкторы обучали грузинские вооруженные силы пользоваться оружием и вести боевые действия согласно натовским стандартам. Оружие для Грузии поставлялось различными каналами и странами, в том числе и Украиной.

Перед началом вооруженного конфликта, грузинская сторона неоднократно обстреливала населенные пункты в Южной Осетии при помощи артиллерии и минометов, грузинский спецназ заходит на территорию непризнанных республик и устраивал рейды.

Руководство Российской Федерации неоднократно предупреждала о том, что провокации грузинской стороной и стягивание военного контингента к границам Южной Осетии неизбежно приведет к войне. Но США и Грузию эти предупреждения не остановили.

Кроме того, к возникновению данного вооруженного конфликта причастны многие мировые державы, которые в государственных СМИ

[1]Михаил Саакашвили учился в Международном институте прав человека в Страсбурге. Как стипендиат Госдепартамента США, обучался в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Также учился в Университете Джорджа Вашингтона в Вашингтоне, стажировался в Академии европейского права во Флоренции и в Академии международного права в Гааге. Работал в норвежском институте прав человека в Осло, затем в нью-йоркской юридической фирме Patterson, Belknap, Webb&Tyler, которая занималась правовым обеспечением американских нефтегазовых проектов в СНГ. Пришел к власти в Грузии после «Революции роз».

создали необъективную подачу информации о ситуации на грузино-южноосетинской границе, тем самым заочно оправдывали действия Грузии.

Характеризует конечные цели агрессии Грузии против народа Южной Осетии и само название операции «Чистое поле», за которым скрывалось уничтожение и вытеснение осетинского населения с территории.

Еще одним примером современного вооруженного конфликта, произошедшего в Закавказье, является конфликт в Нагорном Карабахе. Его причины обусловлены этническими, религиозными и территориальными разногласиями между армянским и азербайджанским населением Нагорного Карабаха. Не будем вдаваться в подробности начала так называемой Первой карабахской войны, активная фаза которой происходила с 1992 по 1994 год, для нашего исследования интерес представляет конфликт, произошедший осенью 2020 года.

Основной причиной Второй карабахской войны являлось стремление Азербайджана реваншировать свое поражение и вернуть контроль над территорией Нагорного Карабаха, который на международном уровне признается частью Азербайджанской Республики. К слову, независимость Нагорного Карабаха не оспаривают только другие частично признанные государства – Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье. Даже Армения никогда не признавала Нагорный Карабах как суверенное государственное образование.

Более того, весной 2022 года премьер-министр Армении Н. Пашинян на переговорах с азербайджанским лидером Ильхамом Алиевым фактически признал Нагорный Карабах частью Азербайджана при условии обеспечения безопасности армянского населения.

С точки зрения азербайджанского народа, Вторая карабахская война является полностью моральной. В 90-ые годы XX века практически все азербайджанское население региона было вынуждено бежать в другие районы Азербайджана, опасаясь этнических чисток. Люди покинули свои дома, могилы своих предков и стали вынужденными переселенцами. Обоюдные провокационные действия на границе, как со стороны азербайджанцев, так и со стороны армян, тянувшиеся вплоть до осени 2020 года, лишь усугубляли ситуацию в регионе, что в конечном счете вылилось в открытое вооруженное столкновение.

С другой стороны, армянское население тоже оправдывало свои действия моралью, так как в «перестроечные времена» в Азербайджанской ССР армянское население региона подвергалось притеснению. Кроме того, после событий в Сумгаите в 1988 году, многие армяне бежали именно в Карабах, где культивировали чувство ненависти к азербайджанцам среди своей этнической группы и призывали к независимости Нагорно-Карабахской автономной области от Азербайджанской ССР.

Вместе с тем, этнические, территориальные и религиозные причины данного конфликта лежат лишь на поверхности. Мы видим, что причины Второй карабахской войны лежали в основе других политических процессов в

регионе, связанных в первую очередь с Турцией и Ираном – сильнейшими геополитическими игроками Закавказья и Ближнего Востока.

Во-первых, реализация проекта «Зангезурского коридора»[1] после победы Азербайджана во Второй карабахской войне стала как никогда реалистичной. Согласно этому проекту, Азербайджан получает связь с Нахичеванской Автономной Республикой, а следовательно, и с самой Турцией. При посредничестве США этот проект уже полным ходом реализуется.

Во-вторых, Иран долгое время находится под санкциями и его логистические цепочки оставляют желать лучшего. До осени 2020 года Иран через территорию Нагорного Карабаха поставлял свои товары и ресурсы третьим странам. После взятия границы под контроль азербайджанских военных, данная схема перестала работать.

Несмотря на моральные причины, имеющиеся как у азербайджанской, так и у армянской сторон, политические причины данного вооруженного конфликта выглядят более весомыми.

В результате скоротечного военного конфликта в сентябре 2023 года, Нагорный Карабах был вынужден капитулировать перед Азербайджаном. Армения официально отказалась от претензий на территорию Нагорного Карабаха и участия в процессе мирного урегулирования. Тем самым конфликт в Нагорном Карабахе, длившийся более 30 лет, уже можно считать завершенным. Вопрос остался лишь в том, как будет проходить интеграция карабахских армян в общество Азербайджана или Армении.

Итак, мы установили, что в преобладающем количестве региональных конфликтов, возникающих в XXI веке, прослеживается четкая закономерность – они следуют сразу же после политического кризиса внутри страны, вызванного воздействием внешних сил. Происходящий ныне конфликт на Украине не стал исключением. Кроме того, события на Украине с 2013 года по настоящее время прекрасно иллюстрируют политико-моральные детерминанты возникновения вооруженных конфликтов XXI века.

На примере Афганистана, Ирака, Ливии и Сирии мы видим, что для начала вооруженного конфликта достаточно формальных причин, которые, как правило, заключаются в выполнении морального долга по защите угнетенных и восстановлению справедливости. Но фактически, данные

[1]Проект транспортного коридора длиной около 40 км через территорию Сюникской области Армении (Зангезура), рассматривающийся в качестве возможного средства для обеспечения транспортного сообщения между восточными районами Азербайджана и его эксклавом Нахичеванской Автономной Республикой. Эта концепция продвигается Азербайджаном и Турцией после окончания Второй Карабахской войны. Армения постоянно возражает против данного проекта, утверждая, что «логика коридора» отклоняется от подписанного в трехстороннем порядке заявления о прекращении огня. Различные наблюдатели комментировали «Зангезурский коридор», анализируя политические последствия использования этого термина и его последствия в случае его реализации, характеризуя эту концепцию как пантюркистскую повестку дня, основанную на ирредентизме.

причины скорее озвучиваются как предлог для запуска механизма по реализации достижения политических целей.

Для понимания природы конфликта на Украине, необходимо обратиться к таким философским категориям как материя и сознание, причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность, содержание и форма, сущность и явление.

События на Украине, начиная с развала СССР и до настоящего времени, это в первую очередь аксиологическая война между Западом и Россией. Именно в данном виде войны проявляются морально-ценностные качества не только отдельных личностей, но и целых государств.

Среди формальных причин, в силу которых возникли события на Украине в конце 2013 года, можно назвать высокий уровень социальной несправедливости, существенную поляризацию доходов и уровня жизни населения, а также коррупцию во всех ветвях власти. Кроме того, среди протестующих преобладали настроения по смене политического курса Украины (уход от контактов с Россией в пользу Европы).

На протяжении многих лет на Украине происходит, как и в случае Ближнего Востока и Северной Африки (упомянутая «Арабская весна»), реализация США и их союзниками «стратегии управляемого хаоса».

Для США классическим средством влияния на события в мире с целью установления своей монополии является технология государственного переворота с последующим установлением марионеточного правительства.

При осуществлении государственных переворотов США делают ставку на радикальные группы-меньшинства (конфессиональные, национальные, территориальные, гендерные и т.п.). На Украине такой группой выступили неонацисты.

Важно заметить, что неонацисты на Украине появились не спонтанно. Активное навязывание радикальных националистических взглядов украинцам проводилось на протяжении более 30 лет, с самого момента развала Советского Союза. И эта работа дала свои разрушительные плоды. Западный проект «Украинство», который фактически был настроен на отрыв Украины от России с целью ценностного раскола и подмены понятий у ментально близкого нам народа, блестяще воплотился в жизнь.

К причинам начала конфликта на Украине можно также отнести нежелание США пустить Украину в Европейский Союз, так как это могло усилить роль Германии и укрепить взаимовыгодные связи между ней и постсоветским пространством во главе с Россией.

Кроме того, отдельного внимания заслуживает финансирование кризиса на Украине. Основными спонсорами переворота выступили США (траты составили более 5 млрд долларов)[1] и украинские олигархи. Помимо подкупа политиков, обеспечения провокаторов и оппозиции, деньги выделялись и на

[1]США потратили 5 миллиардов долларов на «украинскую демократию» [Электронный ресурс] // Российская газета – Режим доступа: https://rg.ru/2014/04/22/demokratia-site-anons.html (дата обращения: 24.10.2022).

боевые радикальные группировки, которые можно назвать частными армиями.

Ускорение событий на Украине (США не стали дожидаться очередных выборов в 2015 г.) непосредственно связано с усилением роли РФ на мировой арене. Видя усиление РФ и возможность вхождения Украины в состав Таможенного Союза, США перешли к решительным действиям.

В этих условиях РФ, реализуя свои интересы и учитывая интересы русского народа на Украине (Крым и юго-восточные области), переходит к восстановлению своего цивилизационного пространства, однако делает это исключительно с соблюдением норм международного права. В данном случае своими действиями Россия наносит ущерб имиджу США (дискредитируют их), которые, наоборот, неоднократно нарушали и продолжают нарушать международное право (об этом мы говорили выше).

Воссоединение Крыма с Россией в 2014 году показало странам Запада и марионеточному правительству Украины, что русские люди, проживающие в юго-восточных областях, не хотят мириться с нелегитимным правительством и отказываются принимать националистическую повестку. Юго-восточные области проявили желание быть частью русской цивилизации, говорить и думать на русском языке, чтить свою историю и помнить, как в 40-ые годы их предки победили нацизм, который после майдана захватил умы украинского населения.

Начало конфликта на востоке Украины обусловлено рядом факторов, но, бесспорно, для жителей ДНР и ЛНР на первый план вышел именно моральный фактор, сформированный веками и ставший частью русского менталитета. О феномене русской морали, берущей начало в христианском мировоззрении и глубоком патриотизме советского периода, мы подробно говорили во втором параграфе главы 1 нашего исследования. Именно конфликт на востоке Украины проявил моральную основу русского мира.

В свою очередь, власти Украины, живущие в привитой Западом парадигме, в кровопролитии мирного населения ДНР и ЛНР преследовали исключительно политические и экономические цели. Прикрываясь событиями в так называемой зоне проведения АТО, киевские и западноукраинские демагоги делали себе рейтинги и занимали (удерживали) политические должности, параллельно обогащаясь за счет собственного народа и транснациональных компаний, заинтересованных в продолжении конфликта.

Большой вклад в дестабилизацию ситуации на Украине, осуществлении государственного переворота и в эскалацию конфликта в восточных областях внесла финансируемая олигархами и странами Запада организация «Правый сектор»[1]. Именно националистические батальоны активно проявили себя в

[1]«Правый сектор» – украинская радикальная националистическая организация. Движение не является иерархической структурой с вертикалью управления. Это горизонтальные структуры, объединенные единым названием и формально подчиненные единому штабу. Движение объединяет: «Тризуб», «Патриот Украины», «Белый молот», УНА-УНСО, «Комитет освобождения политзаключенных» и Черный комитет.

карательных операциях на востоке Украины, и именно действия нацистов подтолкнули мирных жителей взять в руки оружие и защищать свои ценности и жизни.

Вооруженная конфронтация с жителями восточной части Украины, начавшаяся в апреле 2014 г., принесла тысячи убитых, включая стариков, женщин и детей, разрушенные дома и объекты гражданской инфраструктуры, превратила тысячи мирных людей в беженцев, которые стремились спасти свои жизни от бомбардировок ВСУ и нацбатальонов.

Позицию жителей восточных областей Украины прекрасно передают слова народного мэра г. Славянска Вячеслава Понамарева: «Одновременно мы занимались решением задач идеологического направления. Мы начали искать выходы на соседние города, такие как Донецк, Краматорск, Дружковка, Константиновка, Красный Лиман, Святогорск, чтобы координировать с ними свои действия. Когда я понял, что мы уже более-менее организованы, мы запустили патрули, чтобы наши ребята патрулировали город – по пять человек. Все данные, поступавшие от них, мы систематизировали и отрабатывали. Потом я поехал в Святогорскую лавру, где у меня состоялся продолжительный разговор с владыкой. Я объяснил ему, что мы абсолютно аполитичные люди, что мы хотим лишь мирного неба над головой, что мы будем отстаивать свои культурные, семейные ценности и свою землю, чтобы не пустить сюда эту сволочь, и, естественно, будем пытаться сменить власть олигархов, продающих вместе с землей будущее наших детей»[1].

Одним из ключевых моментов, который показал, что официальный Киев готов к кровопролитию мирных граждан, стали события в Мариуполе в мае 2014 года, когда по протестующим применили оружие и военную технику. Именно после этих событий, те, кто не определились, на чьей они стороне, сделали свой выбор.

На протяжении 8 лет жители ДНР и ЛНР подвергались физическому насилию, постоянным обстрелам со стороны нацбатальонов и ВСУ. В восточных областях Украины проходил настоящий геноцид русского населения. Эти долгие 8 лет, а также готовность ВСУ к наступлению на ДНР и ЛНР послужили причиной к объявлению Президентом России В.В. Путиным начала специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г.

После начала Российской Федерацией специальной военной операции на Украине мировое сообщество пыталось истолковать действия России как ничем не обоснованную прямую агрессию против суверенного государства. Как правило, все аргументы западных политиков, политологов и журналистов носили эмоциональный характер, а громкие заявления не подкреплялись достоверными фактами. В своем обращении от 24 февраля 2022 года Президент Российской Федерации Владимир Путин четко обозначил причины

[1]Народный мэр Славянска: «Мы не думали, что дойдет до войны» [Электронный ресурс] // ИА Regnum – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/1858546.html (дата обращения: 24.10.2022).

начала специальной военной операции на Украине: «Для США и их союзников – это так называемая политика сдерживания России, очевидные геополитические дивиденды. А для нашей страны – это в итоге вопрос жизни и смерти, вопрос нашего исторического будущего как народа. И это не преувеличение – это так и есть. Это реальная угроза не просто нашим интересам, а самому существованию нашего государства, его суверенитету. Это и есть та самая красная черта, о которой неоднократно говорили. Они ее перешли»[1].

Бескомпромиссное расширение военной инфраструктуры НАТО на восток к границам России несет и продолжает нести открытую угрозу безопасности Российской Федерации. Остановить расширение НАТО дипломатическим путем стало абсолютно невозможным. На многочисленных переговорах, посвященных этому вопросу, позиция Российской Федерации игнорировалась. Об этом тоже говорилось 24 февраля 2022 г. в обращении Президента России: «В этом ряду и обещания нашей стране не расширять ни на один дюйм НАТО на восток. Повторю – обманули, а выражаясь народным языком, просто кинули. Да, часто можно слышать, что политика – грязное дело. Возможно, но не настолько же, не до такой же степени. Ведь такое шулерское поведение противоречит не только принципам международных отношений, но прежде всего общепризнанным нормам морали и нравственности. Где же здесь справедливость и правда? Одна лишь сплошная ложь и лицемерие»[2].

Затронутые в этом фрагменте обращения нормы морали и нравственности свидетельствуют о том, что решение о проведении специальной военной операции принималось не только из политических или военных соображений. Так, например, все в том же обращении Президент России напомнил о судьбе жителей Донбасса, которые на протяжении восьми лет подвергались издевательствам и геноциду со стороны киевского режима. Их защита – одна из основных целей проведения специальной военной операции.

В своей работе «Война, или В плену насилия» А.Д. Куманьков пишет, что «теория справедливой войны говорит о возможности выстраивать политическое взаимодействие на основе базовых моральных принципов, которые запрещают применение насилия и ограничивают вмешательство одного субъекта в дела другого. В то же время теоретики справедливой войны предполагают, что в ряде исключительных случаев законом ненасилия можно поступиться. Убийство признается неприемлемым, а война понимается как

[1]См.: Владимир Путин. Обращение Президента Российской Федерации (24 февраля 2022) [Электронный ресурс] // Kremlin.ru – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/67843 (дата обращения: 25.10.2022).

[2]См.: Владимир Путин. Обращение Президента Российской Федерации (24 февраля 2022) [Электронный ресурс] // Kremlin.ru – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/67843 (дата обращения: 25.10.2022).

несчастье, но в некоторых ситуациях мы обязаны взяться за оружие не только из благоразумия или личного интереса, но именно по соображениям морали»[1].

Расширение НАТО к границам России, геноцид жителей Донбасса, проводимая киевским режимом политика реваншизма в отношении Крыма – все это и является «рядом исключительных случаев». По этим причинам, обращение к военной силе в формате специальной военной операции со стороны Российской Федерации можно считать справедливым и морально необходимым.

В рамках теории справедливой войны существуют категории «jus ad bellum» (право на войну) и «jus in bello» (право во время войны), которые определяют условия, при которых войну можно считать справедливой.

Рассмотрим категорию «jus ad bellum» в контексте проведения Российской Федерацией специальной военной операции на Украине.

Принципы «jus ad bellum»[2]:

– *Принцип правого дела (справедливой причины)*: войну можно объявить только при наличии веской причины.

Такими весомыми причинами начала проведения специальной военной операции правомерно считать расширение НАТО к границам России, геноцид жителей Донбасса, проводимая киевским режимом политика реваншизма в отношении Крыма.

– Принцип *крайнего средства*: до начала войны необходимо испробовать все невоенные средства.

Вопрос о нерасширении НАТО на восток обговаривался на протяжении тридцати лет. Требования и предложенные Российской Федерации компромиссы игнорировались[3]. Результаты минских договоренностей по урегулированию ситуации на востоке Украины киевским режимом не соблюдались на протяжении восьми лет. Провокации на Крымском полуострове не прекращались с момента вхождения Крыма в состав Российской Федерации (перекрытие водоканала, работа украинских провокаторов на территории полуострова, полная блокада Крыма с материковой частью украинскими властями по сухопутной границе).

– Принцип *соразмерности:* военные действия России являются ответом на военные действия Украины.

На протяжении конца 2021 – начала 2022 гг. украинские войска сосредотачивались вдоль всей границы Луганской и Донецкой народных республик. Артиллерийские и минометные обстрелы со стороны украинских вооруженных формирований по мирным городам республик усилились, что в результате повлекло к гибели мирных жителей и разрушению гражданской

[1]*Куманьков А. Д.* Война, или В плену насилия. СПБ.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 16.

[2]Fotion N. Two Theories of Just War // Philosophia, 2006. Vol. 34. P. 53-64.

[3]Лавров: «Если Запад продолжит агрессивный курс, Москва предпримет необходимые ответные меры» [Электронный ресурс] // Фонтанка.ру. – Режим доступа: https://www.fontanka.ru/2022/01/26/70402556/ (дата обращения: 26.01.2022).

инфраструктуры[1]. Увеличенные поставки вооружения странами Запада на Украину лишь свидетельствовали о том, что киевский режим намерен решить вопрос на востоке силовым путем[2].

– *Принцип вероятности успеха*: До начала войны нужно оценить возможность успешно закончить эту войну.

Вот что по этому поводу писал «ИНТЕРФАКС» в апреле 2022 г., спустя полтора месяца после начала проведения специальной военной операции: «Предложенный Генеральным штабом план проведения специальной военной операции на Украине был тщательно продуман, он выполнялся и продолжает выполняться, что в конечном итоге приведет к выполнению всех поставленных задач. Об этом неоднократно заявлял Президент России Владимир Путин»[3].

– *Принцип добрых намерений:* Целью участия в войне должно быть восстановление справедливости и мира.

Обозначая цели специальной военной операции в своем обращении от 24 февраля 2022 г., Президент России сказал следующее: «Ее цель – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации»[4].

– *Принцип легитимной власти:* Использование военной силы – прерогатива лица, наделенного соответствующими полномочиями.

В соответствии со статьей 87 Конституции Российской Федерации, Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации является Президент Российской Федерации. Именно Президент Российской Федерации в своем обращении объявил о начале специальной военной операции на Украине.

Таков обзор принципов «jus ad bellum» теории справедливой войны в контексте специальной военной операции на Украине.

Соответствие действий Российской Федерации при проведении специальной военной операции на Украине всем критериям справедливой войны подчеркивает, что вопросы морали и нравственности для военно-

---

[1]Украинские силовики возобновили обстрелы [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. – Режим доступа: https://ria.ru/20220109/donbass-1767042323.html (дата обращения: 09.01.2022).

[2]Поставки американского оружия Украине [Электронный ресурс] // ИНТЕРФАКС. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/photo/5697/58828 (дата обращения: 27.01.2022).

[3]Путин заявляет о плановом ходе специальной военной операции на Украине [Электронный ресурс] // ИНТЕРФАКС. – Режим доступа: https://www.interfax-russia.ru/main/putin-zayavlyaet-o-planovom-hode-specialnoy-voennoy-operacii-na-ukraine (дата обращения: 12.04.2022).

[4]Владимир Путин. Обращение Президента Российской Федерации (24 февраля 2022) [Электронный ресурс] // Kremlin.ru – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/67843 (дата обращения: 25.10.2022).

политического руководства Российской Федерации стоят над политическими, экономическими и стратегическими мотивами. Вместе с тем важно подчеркнуть, что теории справедливой войны не носят юридического характера и в чистом виде не закреплены в Уставе ООН.

Кроме того, проводимая Российской Федерацией специальная военная операция на Украине имеет все признаки гуманитарной интервенции.

С.Н. Бабурин пишет по этому поводу следующее: «Применение Россией военной силы против Украины и неонацистских военных формирований на ее территории, взявших, к сожалению, под свой контроль Вооруженные силы Украины, осуществляется, как того и требует международное право, в целях предотвращения гуманитарной катастрофы или геноцида местного населения. Международное право осуждает любые действия по нарушению территориальной целостности и политического единства лишь тех суверенных и независимых государств, которые сами действуют с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов, которые имеют правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы и вероисповедания. Украина в 2022 г. после государственного переворота 2014 г. в Киеве и начала агрессии против ДНР и ЛНР, исходя из имеющихся международно-правовых критериев, таким государством уже не являлась»[1].

Проведя анализ политико-моральных аспектов современных вооруженных конфликтов, мы можем сделать вывод, что на инициирование вооруженных конфликтов странами Запада в XXI веке большее влияние оказывает именно политика, а не мораль. В современных вооруженных конфликтах, развязанных западными государствами, политические интересы и стратегии часто преобладают над моральными принципами. Это свидетельствует о том, что политика на Западе играет решающую роль в инициировании, протекании и окончании вооруженных конфликтов. Моральные аспекты, такие как справедливость, этика и соблюдение правил ведения войны, как правило, уступают место политическим интересам.

Иное дело Россия. Для нее в вооруженных конфликтах прошлого и настоящего оба эти фактора войны являются, как правило, равнозначимыми, при этом в особых обстоятельствах ведущей детерминантой может выступить мораль. Так, первоочередным мотивом вступления России в грузино-южноосетинскую войну (2008) и сирийский конфликт (2014), проведение специальной войной операции на Украине (2022) стал именно моральный долг по защите слабых и угнетенных, политические же мотивы в них вторичны.

Также важно отметить, что международное право, которое ранее считалось основополагающим инструментом в регулировании вооруженных конфликтов, стало носить формальный характер. Вместо эффективного применения и соблюдения международного права, мы наблюдаем нарушения его норм и недостаточное привлечение ответственных сторон к

[1] *Бабурин С.Н.* Гуманитарная интервенция: теория и практика международного права // Вестник Омского университета. 2022. № 2. С. 16.

ответственности. Это создает проблемы в обеспечении человечности и справедливости, прекращении конфликтов и защите прав и жизни граждан стран, подвергшихся агрессии.

§ 2. Влияние политики и морали на динамику и урегулирование современных вооруженных конфликтов

Сложность выявления влияния политики и морали на динамику и урегулирование современных вооруженных конфликтов заключается в том, что в этих процессах происходит столкновение не только вооруженных сил субъектов конфликта, но и столкновение культур и моральных ценностей, носителями которых они являются. Как мы выяснили ранее в нашем исследовании, нет универсальной модели взаимоотношения политики и морали, а общепризнанные моральные нормы не всегда соблюдаются, и руководство ими у большинства государств в ходе вооруженного конфликта скорее носит ситуативный характер.

Кроме того, в разных обществах главенствуют различные политические и моральные парадигмы, острое проявление которых наблюдается как раз в ходе вооруженных конфликтов. Вместе с тем, анализируя конкретные действия и решения, происходящие в современных вооруженных конфликтах, представляется возможным определить степень влияния политики и морали на динамику и урегулирование современных вооруженных конфликтов, при этом учитывая особенности различных сторон, прямо или косвенно участвующих в них.

Для полноты понимания, важно проиллюстрировать данный параграф конкретными примерами проявления частной и общественной морали в ходе вооруженных конфликтов, а также принятия военно-политическим руководством политических решений в ходе них.

Ради достижения этих целей вновь обратимся к теории справедливой войны и ее принципам, дополнив принципы jus in bello (право во время войны) принципами jus post bellum (право после войны). Именно через призму этих принципов можно наиболее отчетливо увидеть закономерности влияния политики и морали на процессы протекания и урегулирования современных вооруженных конфликтов.

Первый принципы jus in bello – *соразмерности*[1]. Он заключается в том, что в ходе войны (вооруженного конфликта) допустимо использовать только необходимый и достаточный уровень насилия.

[1] *Коппитерс Б.* Легитимная власть // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002. С. 65-86.

Второй принцип – *различия*[1]. Данный принцип заключается в том, что целью атак могут выступать исключительно комбатанты, вооруженные формирования и объекты военной инфраструктуры, кроме того, допустимо нанесение ударов по аэропортам и аэродромам, автомобильным и железным дорогам, заводам, работающим в интересах военных. Такие цели, как школы, больницы, жилые дома, гражданские, религиозные объекты не могут выступать в качестве целей.

Если придерживаться этих принципов, то, разумеется, динамика ведения современного вооруженного конфликта не может быть интенсивной. Вместе с тем, российские войска еще в ходе операции по принуждению Грузии к миру продемонстрировали, что, придерживаясь принципа соразмерности, можно достичь нужного результата. Без лишнего насилия в отношении комбатантов и гражданского населения, все поставленные цели операции были выполнены. Прекрасно проиллюстрирует выполнение данного принципа произошедший в августе 2008 года случай, когда группа российских разведчиков должна была скрытно и внезапно атаковать одну из грузинских воинских частей, но по пути следования к ней наткнулась на грузинских пастухов, которые могли проинформировать своих военных о приближении российского подразделения. Не применяя насилия, разведчики связали пастухов и неподалеку от них оставили нож, примерно рассчитав, что на освобождение от веревок потребуется не менее часа. Эффект внезапности атаки на воинскую часть застал грузинских военных врасплох, и они, растерявшись, сложили оружие, не оказав сопротивления.

В ходе операции по принуждению Грузии к миру, по официальным данным, потери вооруженных сил грузинской стороны, составили 170 человек убитыми, 1964 – ранеными (включая резервистов и полицейских). Пропали без вести десять военнослужащих и 14 полицейских[2]. Для межгосударственного вооруженного конфликта, данные потери являются крайне малыми. К сравнению, в ходе попытки государственного переворота в Турции в ночь с 15 на 16 июля 2016 года, общие потери сторонников действующей власти и путчистов составили 240 человек убитыми и 2200 получившими ранения различной степени тяжести[3].

Вместе с тем, мы наблюдаем, как в ходе вооруженных конфликтов XXI века как отдельные участники конфликта, так и целые страны пренебрегают принципами соразмерности и различия. Упомянутые в данном исследовании военные интервенции США и их союзников в Афганистан, Ирак, Ливию и

[1] *Дамм Г. ван, Фоушин Н.* Соразмерность // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / Под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М.: Гардарики, 2002. С. 174-187.

[2] «Пятидневная война в цифрах» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3702090/ (дата обращения: 02.11.2022).

[3] Эрдоган: В российско-турецких отношениях будет открыта новая страница [Электронный ресурс] // Российская газета – Режим доступа: https://rg.ru/2016/08/08/erdogan-v-rossijsko-tureckih-otnosheniiah-budet-otkryta-novaia-stranica.html (дата обращения: 02.11.2022).

Сирию наглядно показывают, что для оперативного достижения поставленных целей, военно-политическое руководство не считается с жизнями как комбатантов, так и мирных жителей.

Согласно данным МООНСА (Миссия ООН по содействию Афганистану), которая ведет мониторинг жертв среди мирного населения с 2009 года, количество убитых гражданских лиц с начала наблюдения по 30 июня 2021 года составило более 55 тысяч[1]. Учитывая, что самые беспорядочные бомбардировки Афганистана велись в период с 2001 по 2008 год, можно предположить, что количество жертв только среди мирного населения составляет более 100 тысяч человек.

Из приведенной выше статистики, мы можем сделать вывод, что несоблюдения принципа соразмерности влияет на затягивание вооруженного конфликта и не способствует его урегулированию. Кроме того, говоря о результатах двадцатилетнего военного пребывания коалиции во главе с США, то мы видим, что изначально поставленные цели не были достигнуты. После исхода американцев из Афганистана, к власти пришло движение Талибан, борьба с которым являлась приоритетом и формальной причиной военной интервенции.

Подобная картина происходила и в Ираке, где мы наблюдаем несоблюдение принципов соразмерности и различия. Статистические данные о потерях среди комбатантов и мирных жителей Ирака в период с 2003 по 2011 год очень сильно разнятся. Некоторые источники указывают, что жертвами среди гражданского населения в ходе «прямых военных действий» стали от 182 272 до 204 575 человек[2].

Согласно монографии Карла Конетта «Плата войны. Иракские комбатанты и мирные жители, погибшие в конфликте 2003 г.», только с начала вторжения американской армии в Ирак и по 20 апреля 2003 года, силами коалиции были убиты 9200 (плюс/минус 1600) иракских военнослужащих и полицейских[3], что невероятно много, учитывая тот факт, что большинство представителей силовых структур не оказывало сопротивления и добровольно сложило оружие, либо сбежало.

Заметным отличием ведения военных действий в Ираке от действий в Югославии и Афганистане является относительно бережное отношение к объектам критической и гражданской инфраструктуры.

---

[1]Афганистан: число жертв среди мирного населения достигло рекордных показателей [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций – Режим доступа: https://news.un.org/ru/ (дата обращения: 02.11.2022).

[2]В США подсчитали потери в Ираке и Афганистане [Электронный ресурс] // Российская газета – Режим доступа: https://rg.ru/2018/11/12/v-ssha-podschitali-poteri-v-irake-i-afganistane.html (дата обращения: 10.11.2022).

[3]Плата за войну: потери иракских комбатантов и мирных жителей в конфликте 2003 г. [Электронный ресурс] // Research Gate – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/337902083_The_Wages_of_War_Iraqi_Combatant_and_Noncombatant_Fatalities_in_the_2003_Conflict (дата обращения: 02.11.2022).

Впервые в новом веке США начали вторжение не с массированного и беспорядочного авиационного и ракетного удара, а с ввода сухопутных подразделений. Но вместе с тем, формальное соблюдение принципа различия здесь продиктовано отнюдь не моральными нормами, а экономической заинтересованностью.

В отличие от Югославии, в которой нет нефтяных скважин, и от Афганистана, в котором уровень жизни и состояние экономического сектора, мягко говоря, оставляли желать лучшего, Ирак 2003 года – страна с развитой нефтяной промышленностью и уровнем добычи «черного золота» в 3,5-4 миллиона баррелей в день. Кроме того, силы коалиции были заинтересованы в сохранении логистической инфраструктуры, а массированные авиационные удары могли повредить важные мосты и дороги.

Такое политическое решение, как ввод сухопутных сил с целью сохранения нефтяной и транспортной инфраструктуры, повлияло на динамику протекания вооруженного конфликта в Ираке, относительно ускорив ее, но лишь на ближайшую перспективу.

Но вместе с тем, несоблюдение принципа соразмерности во время военных действий коалиции во главе США на территории Ирака в период с 2003 по 2011 год, негативно сказалось на общей динамике и последующем урегулировании вооруженного конфликта, который затянулся на долгих 8 лет.

Обильные авиаудары по территории Ливии в ходе вмешательства в гражданскую войну сил НАТО, демонстрирует, что и здесь западные страны попрали принцип соразмерности ради достижения своих целей. Военно-политическая воля руководства США и их союзников возобладала над моралью, что вылилось в более чем 50 тысяч жертв среди ливийцев.

Как и в случае с Ираком, в Ливии силы НАТО старались не повредить объекты нефтяной промышленности, но вместе с тем, зафиксирован ряд случаев, когда удары приходились по социальным и религиозным объектам, объектам гражданской инфраструктуры, жилым кварталам гражданского населения.

Первые авиаудары по правительственным войскам Ливии в поддержку повстанцев из Бенгази нанесли ВВС Франции и Великобритании 19 марта 2011 года, 31 марта боевые действия были переданы под контроль НАТО. Операция, получившая название «Объединенный защитник», была рассчитана на 90 дней, но в итоге растянулась на семь месяцев. По официальным данным альянса, в ходе операции было проведено свыше 26 тыс. вылетов авиации, из них около 10 тыс. для нанесения ударов, в результате которых самолеты НАТО уничтожили 5,9 тыс. «военных целей»[1].

[1]Генсек альянса возложил ответственность за хаос в Ливии на режим Муаммара Каддафи, правившего страной в течение 42 лет [Электронный ресурс] // ТАСС – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4279894 (дата обращения: 10.11.2022).

Неограниченное насилие против ливийских военных формирований и мирного население послужило оперативному свержению легитимной власти в стране, но не стало фактором, повлиявшим на урегулирование конфликта.

Наиболее противоречивы военные действия коалиции, состоявшей из 60 стран и возглавляемой США, в Сирийской Арабской Республике, где принципы соразмерности и различия практически не соблюдались.

Под эгидой борьбы с международным терроризмом в лице таких организаций, как «Исламское государство» и «Фронт ан-Нусра», США и их союзники фактически оказывали военную помощь сирийской оппозиции с целью эскалации конфликта в стране, обострения обстановки в регионе, борьбы с Ираном и достижения экономических выгод за счет контроля целых районов Сирии, богатых нефтяными месторождениями. Кроме того, Сирия стала большим полигоном, где США апробировали новые виды вооружения и военной техники, а также тактику подразделений с учетом новейших разработок в военном секторе.

Вместе с тем, сравнивая действия США и их союзников в Афганистане, Ираке и Ливии, за счет присутствия в Сирийской Арабской Республики военного контингента Российской Федерации, им приходилось действовать в этой стране в рамках указанных принципов. Разумеется, в ходе военной операции Соединенные Штаты были замешены в ряде инцидентов, связанных с атакой на гражданские объекты и правительственные войска, но они носили скорее случайный, а не закономерный характер.

О реализации своих сугубо политических целей и попрании моральных ограничений Соединенными Штатами и их союзниками, прекрасно, на наш взгляд, сказал В.В. Путин: «Вообще складывается впечатление, что практически везде, во многих регионах мира, куда Запад приходит устанавливать свой порядок, по итогам остаются кровавые, незаживающие раны, язвы международного терроризма и экстремизма»[1].

Участие Российской Федерации в конфликте в Сирии фактически спасло суверенитет страны и существование режима Башара Асада. Несмотря на многочисленные обвинения в военных преступлениях в адрес России со стороны западных стран, доказательной базы таковым раз за разом не находилось.

Так, например, представители организации «Amnesty International» в декабре 2015 года обвиняли российские Вооруженные Силы и правительственные войска Сирии в шести атаках медицинских учреждений на севере провинции Алеппо. При этом Фархан Хак, на тот момент будучи официальным представителем генерального секретаря Организации Объединенных Наций, выступил с заявлением, что у случаев, которые перечислены в докладе «Amnesty International», нет никакой доказательной базы. Попытки обвинить Россию в атаках на объекты здравоохранения

[1]Владимир Путин. Обращение Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Kremlin. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/67843/ (Дата обращения: 25.10.2022).

предпринимались и такой организацией с сомнительной репутацией, как «Physicians for Human Rights»[1].

Соблюдение российской стороной моральных аспектов вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике, непривлечение к выполнению специальных задач большого сухопутного контингента, несмотря на эффективность своих действий, точечную работу российских средств ВКС, потребовали довольно продолжительного времени на радикальный перелом в борьбе с «Исламским государством» и другими террористическими организациями. Даже сейчас, вопрос в урегулировании конфликта в Сирии хоть и стоит на повестке, говорить о полной победе еще рано. Именно поэтому российские военнослужащие продолжают свое присутствие в стране как гарант военной безопасности.

Еще одним примером выполнения морального долга руководством Российской Федерации и российским солдатом является миротворческая миссия в Нагорный Карабах.

Ранее мы указывали совокупность причин, повлекшие начало Второй карабахской войны, но остановить кровопролитие и сохранить на тот момент часть хоть и не признанной, но все же республики Арцах, помогло личное вмешательство президента России В.В. Путина. Именно по его инициативе совместно с лидерами Азербайджана и Армении было подписано трехстороннее заявление, положившее конец вооруженному конфликту.

Важно отметить, что для Азербайджана вопрос реванша в Нагорном Карабахе был делом чести и в их понимании давал моральное право на эффективные и иногда радикальные действия. Не без поддержки Турции, азербайджанские войска захватывали район за районом, вытесняя армянские подразделения и выгоняя мирное население.

В итоге, на 10 ноября 2020 года, правительство Нагорного Карабаха потеряло контроль над Физулинским, Джебраильским, Кубатлинским, Зангеланским, Гадрутским районами, а также некоторыми территориями Мартунинского и Аскеранского районов, что составило большую часть всей территории Нагорного Карабаха.

После взятия азербайджанцами, пожалуй, самого знакового города – Шуши, не составляло никакого труда захватить столицу – Степанакерт (в Азербайджане имеет название Ханкенди), и здесь именно моральный долг и политическая воля В.В. Путина создали все условия, чтобы враждующие стороны сели за стол переговоров.

Как сообщал президент непризнанной республики Араик Арутюнян, «мы потеряли контроль над городом Шуши 5 ноября частично, а с 7 ноября – полностью. Мы были вынуждены пойти на решение о прекращении карабахской войны. За этот период мы потеряли Физулинский,

[1]Международная некоммерческая организация «Врачи за права человека» основанная в Соединенных Штатах Америки в 1986 году. Занимается освещением ситуаций связанных с нарушением прав и человека и оказанием медицинской помощи пострадавшим.

Джебраильский, Кубатлинский, Зангеланский, Гадрутский районы, части Мартунинского, Аскеранского районов»[1].

Автор данного исследования находился в Нагорном Карабахе в качестве корреспондента сразу же после трехстороннего заявления лидеров России, Азербайджана и Армении, и результаты реализации этого заявления для мирного населения смог оценить лично.

Благодаря вводу российского миротворческого контингента на территорию Нагорного Карабаха, удалось избежать гуманитарной катастрофы. Под гарантиями безопасности со стороны Российской Федерации в свои дома в считанные недели вернулись тысячи беженцев. Кроме того, помимо оказания услуг по защите, Россией была оказана помощь по восстановлению региона после боевых действий. Помощь заключалась в первую очередь в разминировании (примечательно, что многие мины и неразорвавшиеся снаряды не были убраны еще с начала 90-ых годов XX века), в восстановлении дорог, линий электропередач, водо- и газопроводов, ремонте социальных объектов, раздаче гуманитарной помощи со всеми необходимыми для жизни предметами (начиная от продуктов питания и заканчивая кроватями и приборами для обогрева).

Действия Российской Федерации в Нагорном Карабахе показали, что мораль и политика существенным образом влияют на протекание и урегулирование вооруженных конфликтов. Если бы не моральные мотивы и политическая воля В.В. Путина, то разрушений и жертв (в том числе среди мирного населения) было бы гораздо больше. Такие мнения неоднократно высказывались руководством непризнанной Нагорно-Карабахской республики, а также ее жителями[2].

Разумеется, наибольший интерес для данного исследования представляет проводимая Российской Федерацией специальная военная операция на Украине, после начала которой мировое сообщество пыталось истолковать действия России как ничем не обоснованную прямую агрессию против суверенного государства. Как правило, все аргументы западных политиков, политологов и журналистов носили эмоциональный характер, а громкие заявления не подкреплялись достоверными фактами.

Как мы отмечали выше, специальная военная операция на Украине по своим базовым признакам вполне подпадает под гуманитарную интервенцию, а также вписывается в принципы теории справедливой войны.

Стоит оговориться, что рассмотрение в данном исследовании действий России через призму западных теорий может вызвать обоснованную критику со стороны патриотически настроенных ученых. Но, разделяя их

---

[1]Президент Карабаха заявил, что контроль над Шуши был утрачен 7 ноября [Электронный ресурс] // Интерфакс. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/world/736365/ (дата обращения: 25.10.2022).

[2]Глава Карабаха поблагодарил Россию и Путина за прекращение войны [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. – Режим доступа: https://ria.ru/20201122/karabakh-1585826160.html (дата обращения: 25.10.2022).

патриотические чувства, мы все же считаем немаловажным тот факт, что Российская Федерация успешно играет по правилам, придуманным западными странами для морального оправдания своих действий, и делает это успешно. Принцип «Quo dlicet Iovi, non licet bovi»[1], который навязывали США и их союзники, разрушается действиями Российской Федерации.

Мы уже приводили конкретные примеры боевых действий на Украине, отвечающие принципам jus ad bellum. Вместе с тем, специальная военная операция на Украине отвечает и принципам jus ad bello.

Так, например, принцип соразмерности, который, как мы определились, допускает использовать лишь необходимый уровень насилия, Российской Федерацией соблюдается более чем, что вызывает критику у ряда радикально настроенных граждан и политиков.

Но, несмотря на эту критику, военно-политическое руководство страны продолжает придерживаться данного принципа. Особое его проявление стоит отметить в первые недели проведения специальной военной операции, когда военнослужащие России старались не проявлять насилия, даже необходимого в ряде случаев, в отношении военнослужащих Вооруженных Сил Украины. Практически каждому подразделению Украины было предложено сложить оружие и сдаться в плен, сначала велись переговоры, и если на них отвечали насилием, только тогда российские подразделения открывали огонь. Также, соблюдение данного принципа отчетливо проявляется в отношении к мирному населению, пленным и раненым (даже участникам неонацистских военизированных формирований).

Несмотря на попытки украинских властей, под режиссурой западных стран, очернить действия российских военнослужащих такими постановками, какую мы наблюдали в Буче, объективные факты говорят о том, что российские военные ведут себя гуманно в отношении к противнику. Об этом свидетельствуют пленные украинские военнослужащие, а также наемники националистических батальонов. К примеру, один из командиров украинского националистического батальона «Азов» Денис Прокопенко в ходе телефонного разговора с женой сообщил об условиях содержания в плену, назвав их удовлетворительными. Украинские пленные получают питание и питье, они не подвергаются насилию, напротив, при необходимости им оказывают всю необходимую медицинскую помощь[2].

Повсеместные акты милосердия со стороны военнослужащих Российской Федерации в отношении военнослужащих ВСУ и даже бойцов националистических батальонов, говорят о том, что российский военный – носитель высоких моральных качеств.

---

[1]«Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку» – крылатое латинское выражение, смысл которого заключается в том, что если нечто разрешено человеку или группе людей, то оно совершенно не обязательно разрешено всем остальным.

[2]Командир «Азова» Прокопенко оценил условия содержания в российском плену [Электронный ресурс] // NEWS.RU. – Режим доступа: https://news.ru/world/komandir-azova-prokopenko-ocenil-usloviya-soderzhaniya-v-rossijskom-plenu/ (дата обращения: 25.05.2022).

Объяснение этому можно найти в следующем. Ряд отечественных философов указывает, что «именно моральные нормы оказывают воздействие на современную ситуацию в нашем обществе, определяя положительные гуманные поступки людей, позволяющие человеку оставаться человеком даже в трудные моменты жизни. Проблема ценностей в обществе обостряется в переломные моменты эпохи, требующие от личности определенного отношения к целям жизнедеятельности и средствам их достижения»[1].

Кроме того, воспитание в России целых поколений в духе патриотизма дает свои плоды в формировании высокоморальной личности и в отношении населения ко многим явлениям общественной жизни, в том числе к войне. Как пишет А.И. Горячев, «патриотизм как явление общественной жизни имеет множество аспектов: духовных, психологических, нравственных, исторических, политических, национальных. В принципе, этих оттенков и разновидностей столько, сколько людей, и если вспомнить о богатстве человеческого материала и психотипов в России, то можно сказать: да, мы богаты патриотическим разнообразием, и пусть расцветают сотни цветов патриотизма»[2].

Как известно, любой вооруженный конфликт – двусторонний процесс. Это означает, что одной из составляющих этого интерсубъективного явления является коммуникация между его субъектами. Именно в этой коммуникации огромную роль играют содержательные характеристики субъектов. Так как мораль представляет собой единство трех компонентов – сознания, поведения и отношений, то ее роль для субъектов вооруженных конфликтах более чем значительна. Поскольку моральная культура раскрывается через деятельность и реализацию моральных норм и принципов в поведении человека, постольку от уровня нравственной воспитанности зависит характер поступков индивида на войне.

От того, носителем каких моральных ценностей является солдат, во многом зависит его поведение в ходе боевых действий. В данном случае под поведением мы понимаем не только отношение к противнику, пленным, мирным жителям, но и действия, связанные с выполнением приказов, взаимоотношениями с сослуживцами и командованием.

В ходе вооруженных конфликтов их субъектам постоянно приходится сталкиваться с диалектикой субъективного (личные побуждения, интересы и желания) и объективного (нормы, правила, требования). Именно действия, диктуемые моралью, позволяют личности делать выбор не в пользу своего собственного блага (зачастую и жизни), а в пользу того, что он считает моральным. Но вместе с тем, ситуация может измениться под давлением политических акторов и проводимой ими политикой.

---

[1] *Горячев А.И., Курочко М.М., Петрий П.В.* Духовные основы милосердия. М.: ВУ, 2020. С. 24.

[2] *Горячев А.И.* Патриотизм как феномен современного российского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 32.

Еще 27 июля 2013 года в Киеве в ходе конференции «Православно-славянские ценности – основа цивилизационного выбора Украины», В.В. Путин говорил, что «… на том месте, где мы находимся, как я уже сегодня говорил, на днепровской купели, на киевской купели был сделан выбор для всей Святой Руси. Здесь был сделан выбор для всех нас. Наши с вами предки, которые жили на этих территориях, сделали этот выбор для всего нашего народа. «Для всего нашего народа» – я говорю так, имея в виду, что, безусловно, мы понимаем сегодняшние реалии, есть и украинский народ, и белорусский, и другие есть народы, и мы с уважением ко всему этому наследию относимся, но в основе лежат, безусловно, наши общие духовные ценности, которые делают нас единым народом… Мы не вправе забывать это братство, обязаны хранить традиции наших предков. Они вместе выстроили уникальную систему православных ценностей, укрепились в своей вере»[1].

Уже тогда было ясно, что цивилизационный выбор Украины вызывает опасения и представляет угрозу для национальной безопасности России. Но этот цивилизационный выбор под воздействием западного воздействия был сделан задолго до 2013 года. Та система православных духовных ценностей, о которой говорил В.В. Путин, стала неактуальной для большого количества украинцев и их правителей. Подтверждение этому мы видим в ходе СВО на Украине, а также в том, к чему стремятся украинцы – либеральные деструктивные ценности, свобода радикальных националистических взглядов, приверженность к ЛГБТ-движению, свобода передвижения по Европе с целью трудовой миграции, финансовое благополучие в ущерб семейных и моральных ценностей.

К сожалению, говорить о том, что украинская сторона придерживается принципа соразмерности в ходе проведения Россией специальной военной операции, не приходится. Мы наблюдаем в открытом доступе видеоролики пыток украинскими военными раненых и пленных российских военнослужащих. Резонансные «добивания» раненых националистическими батальонами, выкалывание ножом глаза связанному солдату, расстрел пленных по ногам с дальнейшими пытками и другие случаи проявления излишней, порою нечеловеческой жестокости, говорят о том, что в рядах ВСУ и в нацбатах данные проявления являются моральной нормой.

Такое отношение связано, в первую очередь, с моральными ценностями, носителями которых стали несколько поколений жителей Украины, воспитанные в духе русофобии, а также с политической волей руководителей Украины и их западных кураторов.

Говоря о соотношении политики и морали в контексте российско-украинского вооруженного конфликта, нельзя не упомянуть украинских политиков, которые «благословляют» своих военных на данные поступки. Сам Зеленский, неоднократно в своих обращениях и интервью призывал убивать

[1]Владимир Путин принял участие в конференции «Православно-славянские ценности – основа цивилизационного выбора Украины». [Электронный ресурс] // Kremlin. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/18961/ (дата обращения: 25.10.2022).

русских, используя такие эпитеты по отношению к российским военным, как «шашлык», «мясо», «удобрение» и т.п. Не уступают Зеленскому в своих человеконенавистнических призывах и другие украинские политики. Так, например, посол Украины в Казахстане Петр Врублевский во всеуслышание заявил, что «нужно убивать как можно больше русских». Ему вторит мэр Днепропетровска Борис Филатов: «У нас есть полное моральное право спокойно и с совершенно незамутненным разумом убивать этих нелюдей уже по всему миру, неограниченное количество времени и в максимально больших количествах. Методично и без лишнего героизма»[1].

Особое внимание по данному вопросу стоит уделить цинизму украинских журналистов. Например, высказывание ведущего украинских новостей Фахрудина Шарафмала, которое у человека, обладающего хотя бы простыми нормами нравственности, вызовет негодование: «Я позволю себе процитировать слова Адольфа Эйхмана, который сказал, что для того, чтобы уничтожить нацию, необходимо уничтожать, в первую очередь, детей. Потому что, если убивать их родителей – дети вырастут и обязательно отомстят. Убивать детей – они никогда не вырастут, и нация исчезнет. Вооруженные силы Украины не могут уничтожать русских детей, потому что это запрещено правилами войны, и это запрещено различными конвенциями, в том числе Женевской. Но я не из Вооруженных сил Украины. И когда мне выпадет случай расправиться с русскими детьми, я обязательно это сделаю»[2].

Начиная с 2014 года, украинская сторона активно пренебрегает и принципом различия. Об этом неоднократно заявляли жертвы агрессии, журналисты, ряд представителей международных организаций и публичных политиков.

Вновь обратимся к словам Президента России В.В. Путина, сказанные им об агрессии в отношении гражданского населения Донбасса в ходе обращения 21 февраля 2022 года, посвященного признанию независимости Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики: «Сейчас практически ни одного дня не обходится без обстрелов населенных пунктов Донбасса. Сформированная крупная войсковая группировка постоянно использует ударные беспилотники, тяжелую технику, ракеты, артиллерию и системы залпового огня. Убийство мирных жителей, блокада, издевательство над людьми, включая детей, женщин, стариков, не прекращается. Как у нас говорят, конца и края этому не видно.

А так называемый цивилизованный мир, единственными представителями которого самозванно объявили себя наши западные коллеги, предпочитает этого не замечать, как будто и нет всего этого ужаса, геноцида, которому подвергаются почти 4 миллиона человек, и только потому, что эти

[1]Украинский патриотизм: призывы убивать русских и угрозы мирным жителям [Электронный ресурс] // ВЕСТИ – Режим доступа: https://www.vesti.ru/article/2698837/ (дата обращения: 25.05.2022).

[2]Как нацист Адольф Эйхман «воскрес» на Украине [Электронный ресурс] // ВЕСТИ – Режим доступа: https://www.vesti.ru/article/2691902/ (дата обращения: 25.05.2022).

люди не согласились с поддержанным Западом переворотом на Украине в 2014 году, выступили против возведенного в ранг государственного движения в сторону пещерного и агрессивного национализма и неонацизма. И борются за свои элементарные права – жить на своей земле, говорить на своем языке, за сохранение своей культуры и традиций»[1].

Примеров атак Украиной невоенных объектов более чем достаточно. Это и сбитый Boing 777 рейса 17 Malaysia Airlines (в чем западные страны до сих пор обвиняют Россию), и авиаудар по зданию Луганской областной администрации (2014), и систематические минометные и артиллерийские обстрелы мирных населенных пунктов, атаки по социальным объектам и т. д[2].

Особым цинизмом отличается украинская сторона в плане размещения своих воинских подразделений и средств поражения в спальных районах, гражданских и даже религиозных объектах[3].

Кроме того, достигнутые результаты переговоров с украинской стороной постоянно ею саботируются. Так, по итогам переговоров в Стамбуле Россия объявила о сокращении военной активности на киевском и черниговском направлениях, а Украина передала свои предложения по мирному договору. Пресс-секретарь президента России Д. Песков, комментируя отвод российских войск, заявил, что данные действия являются жестом доброй воли, направленные на улучшение атмосферы и ситуации на переговорах с украинской стороной. Кроме того, Д. Песков подчеркнул, что данное политическое решение принял лично В.В. Путин.

Но добрая воля российского руководства натолкнулась на вероломство украинской стороны. В результате, после отвода российских войск из-под Чернигова и Киева, официальный Киев заморозил процесс переговоров (по сути, вышел из него из-за прямых указаний США и их партнеров).

Мы видим, как, действуя с позиций высокой морали, военно-политическое руководство Российской Федерации стремится конструктивно влиять на динамику и урегулирование вооруженного конфликта, но это не приносит необходимых результатов, так как процесс деэскалации должен осуществляться всеми сторонами. Тем не менее, из действий и высказываний украинских руководителей (говоря «руководителей», мы подразумеваем не только украинского президента и правительство, но и их западных покровителей) становится очевидным, что они не заинтересованы в прекращении кровопролития, так как на кону стоят огромные денежные

---

[1]Владимир Путин. Обращение Президента Российской Федерации. 21 февраля 2022 года. [Электронный ресурс] // Kremlin. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/67828/ (дата обращения: 25.10.2022).

[2]Украинские силовики возобновили обстрелы [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. Режим доступа: https://ria.ru/20220109/donbass-1767042323.html (Дата обращения: 09.01.2022).

[3]Украинские националисты разместили тяжелое вооружение между жилыми домами [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: https://rg.ru/2022/03/02/ukrainskie-nacionalisty-razmestili-tiazheloe-vooruzhenie-mezhdu-zhilymi-domami.html/ (дата обращения: 02.03.2022).

потоки, вливаемые в Украину, которые «отмываются» и «осваиваются» политическими элитами.

Одним из ярких вооруженных конфликтов современности, где отчетливо видно соотношение политики и морали, является вновь разгоревшийся в октябре 2023 г. конфликт на Ближнем Востоке.

Конфликт между Палестиной и Израилем является долгосрочным и сложным конфликтом, в котором политика и мораль тесно переплетаются, и оценка этого соотношения может зависеть от точки зрения и ценностей каждого отдельного наблюдателя. Но вместе с тем, невзирая на прикрытые моралью громкие высказывания политического и военного руководства обеих враждующих сторон, мы наблюдаем, что политика в данном конфликте преобладает над моралью. Уровень насилия не соотносится с выполнением политических и военных задач.

С политической точки зрения, конфликт между Израилем и Палестиной связан с территориальными спорами, национальной безопасностью, правами человека и другими аспектами международной политики. Здесь важную роль играют геополитические интересы, исторические обстоятельства и национальные стратегии.

С моральной точки зрения, многие стороны и международные организации выражают беспокойство по поводу обоюдных нарушений прав человека, страданий гражданского населения (особенно стариков, женщин и детей), в рамках этого конфликта и массовое уничтожение гражданской инфраструктуры, что несомненно ведет к гуманитарной катастрофе в регионе. Многие официальные лица, и рядовые граждане по всему миру считают, что эти нарушения являются морально неприемлемыми.

Вместе с тем, высшие должностные лица каждой из сторон конфликта не ограничивают себя в провокационных высказываниях и реализации этих высказываний на деле. Так, министр обороны Израиля Йоав Галант объявил: «Я приказал полностью осадить сектор Газа. Там не будет ни электричества, ни еды, ни топлива, все закрыто. Мы боремся с человеческими животными и действуем соответственно»[1].

Только за октябрь 2023 г. уже совершены аморальные действия (по сути военные преступления) обеих сторон. К их числу мы можем отнести нападение ХАМАС на фестиваль электронной музыки Nature Party, удар по больнице Аль-Ахли, обоюдные удары по гражданским жилым кварталам, атаки на лагерь беженцев Джебалия и др.

События октября 2023 года стали лишь началом новой, еще более ожесточенной фазы затяжного палестино-израильского конфликта. То, что первоначально характеризовалось как ответная военная операция Израиля, к середине 2024 года переросло в полномасштабную войну с беспрецедентным уровнем разрушений и человеческих жертв. С точки зрения соотношения

[1] «Боремся с человеческими животными». Израилю грозит война на два фронта [Электронный ресурс] // Регнум. – Режим доступа: https://regnum.ru/article/3838164 (Дата обращения: 15.10.2023).

политики и морали, этот конфликт обнажил не только глубокие противоречия между воюющими сторонами, но и вопиющее лицемерие международного сообщества, особенно западных стран, которые, провозглашая приверженность правам человека, на деле продолжали оказывать безоговорочную военную и политическую поддержку одной из сторон, несмотря на очевидные нарушения ею законов войны.

Последствия израильской военной кампании в секторе Газа, развернутой после 7 октября 2023 года, к середине 2024 года приобрели катастрофические масштабы. Десятки тысяч палестинцев, преимущественно женщины и дети, стали жертвами массированных бомбардировок жилых кварталов, лагерей беженцев, школ и больниц. Согласно отчетам Управления ООН по правам человека, около 70% убитых в Газе составили именно гражданские лица[1]. В июне 2024 года независимая международная комиссия, созданная Советом ООН по правам человека, представила доклад, в котором пришла к выводу, что действия как Израиля, так и палестинских вооруженных группировок содержат признаки военных преступлений и преступлений против человечности[2]. В документе, основанном на опросах пострадавших, спутниковых снимках и судебно-медицинских заключениях, утверждается, что израильские власти, в частности, несут ответственность за «военные преступления, связанные с голодом как методом ведения войны», умышленные нападения на гражданских лиц, насильственное перемещение населения, пытки и сексуальное насилие. Эксперты ООН также обнаружили многочисленные свидетельства «систематических и широкомасштабных нападений на мирных жителей сектора Газа». Израиль, со своей стороны, категорически отверг эти обвинения, заявив, что прилагает беспрецедентные усилия для минимизации жертв среди гражданского населения, и возложил ответственность за их гибель на ХАМАС, который, по его утверждениям, использует мирных жителей в качестве «живого щита».

Подобная ситуация – когда одна сторона конфликта, оправдывая свои действия необходимостью борьбы с терроризмом и правом на самооборону, систематически нарушает принципы соразмерности и различия, а другая – изначально совершает террористические акты против гражданского населения – представляет собой классический пример политики, подчинившей себе мораль. Здесь политическая цель – уничтожение ХАМАС как военной и политической силы, а также обеспечение безопасности собственных граждан – ставится выше любых нравственных ограничений, включая сохранение жизни невинных людей. Складывается впечатление, что для израильского

[1] Управление ООН по правам человека: Около 70% убитых в секторе Газа – женщины и дети [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. – Режим доступа: https://www.aa.com.tr/ru/мир/управление-оон-по-правам-человека-около-70-убитых-в-секторе-газа-женщины-и-дети/3388664 (Дата обращения: 15.10.2025).

[2] В ООН считают, что Израиль и палестинские группировки совершили военные преступления [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21076719 (Дата обращения: 15.10.2025).

руководства и его западных союзников страдания палестинцев стали допустимой ценой за достижение политических целей. Примечательно, что доклады ООН, где констатируется гуманитарная катастрофа и возможные военные преступления, не привели к каким-либо реальным санкциям против Израиля со стороны США и их европейских партнеров, которые продолжали поставлять ему вооружение и оказывать дипломатическую поддержку, в очередной раз продемонстрировав пресловутую политику двойных стандартов.

Спустя более полутора лет после начала эскалации, к концу 2025 года, в Газе все же был достигнут хрупкий режим прекращения огня. Однако этот мир оказался крайне нестабильным. Согласно данным Министерства здравоохранения Газы, с момента вступления перемирия в силу в октябре 2025 года Израиль продолжал наносить почти ежедневные удары по территории анклава, в результате которых погибло не менее 715 палестинцев. Общее число жертв израильских атак в Газе с октября 2023 года, по оценкам, превысило 72 тысячи человек. Генеральный секретарь ООН назвал это перемирие «хрупкой надеждой» после месяцев разрушений, а специальный координатор ООН по ближневосточному мирному процессу охарактеризовал ситуацию как «моментальный, но шаткий поворотный момент». В отчетах ООН отмечается, что северная часть сектора Газа находилась в условиях почти полной блокады на протяжении 75 дней, что фактически лишило возможности доставлять гуманитарную помощь детям[1]. Это затянувшееся состояние «ни войны, ни мира», с продолжающимися нарушениями перемирия, блокадой и гуманитарным кризисом, показывает, что даже формальное прекращение военных действий не означает торжества морали. Политические интересы Израиля, по-прежнему направленные на полное подавление ХАМАС и обеспечение своей гегемонии, продолжали доминировать, делая подлинное урегулирование конфликта и восстановление справедливости для палестинского народа недостижимыми.

Параллельно с этим, вооруженное противостояние на Ближнем Востоке приобрело совершенно новое, региональное измерение, перейдя из прокси-войн в фазу прямых столкновений между двумя мощными государствами. Конфликт между Израилем и Ираном, десятилетиями тлевший в форме теневых операций и противостояния через союзников, в 2024 году перерос в открытую военную конфронтацию. Эта новая эскалация также представляет собой яркий пример того, как политический прагматизм может взаимодействовать с моральной риторикой, приводя к непредсказуемым последствиям. Ключевым событием, ознаменовавшим переход к прямому противостоянию, стала массированная ракетная атака Ирана на Израиль в ночь на 14 апреля 2024 года. В ответ на авиаудар по иранскому консульству в

[1] Газа остается одним из самых опасных мест для мирных жителей и гуманитарных работников [Электронный ресурс] // Информационный центр ООН в Москве. – Режим доступа: https://unic.ru/events/gaza-ostaetsya-odnim-iz-samykh-opasnykh-mest-dlya-mirnykh-zhiteley-i-guma nitarnykh-rabotnikov/ (Дата обращения: 15.10.2025).

Дамаске, в результате которого погибли высокопоставленные командиры Корпуса стражей исламской революции (КСИР), Тегеран впервые в своей истории нанес прямой удар по израильской территории, выпустив более 300 дронов и ракет. Это стало окончанием десятилетий «скрытой тени войны» и переходом в новую фазу, когда стороны перестали скрывать свою вражду за спинами региональных союзников. Израиль ответил ограниченным ударом 19 апреля, атаковав систему ПВО С-300, защищавшую ядерный объект в Исфахане.

Второй раунд прямого обмена ударами произошел в начале октября 2024 года, когда Иран, по разным данным, выпустил от 200 до 500 ракет в сторону Израиля. Этому предшествовало резкое обострение ситуации в Ливане: взрывы пейджеров и раций у членов «Хезболлы», убийство генерального секретаря этой организации Хасана Насраллы, а также начало израильской наземной операции на юге Ливана. Иран официально заявил, что эта ракетная атака стала ответом на убийство лидеров союзных группировок и генерала КСИР, действуя под флагом защиты своих интересов и региональных союзников. В ответ на этот удар Израиль, после длительных консультаций с США, в ночь на 26 октября 2024 года нанес новый массированный удар по военным объектам на территории Ирана. Примечательно, что, по данным западных СМИ, израильское правительство под давлением Вашингтона приняло решение исключить из списка целей ядерные и нефтяные объекты Ирана, чтобы предотвратить неконтролируемую эскалацию и тотальную региональную войну.

Таким образом, в конфликте между Израилем и Ираном мы наблюдаем иную модель взаимодействия политики и морали. Несмотря на крайне агрессивную риторику и взаимные обвинения, действия сторон были строго выверены и просчитаны. Обеими сторонами, равно как и их «куратором» в лице США, были предприняты шаги для того, чтобы обмен ударами не вышел из-под контроля и не привел к полномасштабной войне. Складывается впечатление, что Тегеран и Тель-Авив, а также их покровители, вели своего рода «военно-политический балет», где военная сила используется не столько для достижения военной победы, сколько для демонстрации решимости, «сохранения лица», внутриполитической консолидации и торга. По сути, мы стали свидетелями появления своеобразного «ритуала» обмена ударами – нового явления в международных отношениях, когда предельно жесткие меры применяются символически, с заранее оговоренными ограничениями. Это проявление крайнего цинизма: жизни людей и дестабилизация целого региона становятся инструментом политического торга. Моральные же принципы здесь полностью отсутствуют как таковые, уступая место голому прагматизму, где главной ценностью является сохранение существующего статус-кво и недопущение неподконтрольного хаоса.

Более того, к середине 2025 года эскалация между Израилем и Ираном достигла еще более опасного уровня. В июне 2025 года Израиль, в рамках так называемой «операции "Восходящий лев"», нанес серию сокрушительных

ударов по иранской территории. Сообщалось, что в атаке участвовало до 200 израильских истребителей, которые поразили более 100 целей, включая объекты ядерной программы Ирана, заводы по производству баллистических ракет и командные центры КСИР. По данным израильских военных, в результате этих ударов были уничтожены начальник штаба Вооруженных сил Ирана, командующий КСИР и несколько ведущих ядерных ученых. Иран, в свою очередь, нанес ответные удары, и стороны вплотную приблизились к грани полномасштабной войны. Этот виток эскалации показывает, насколько хрупким был предыдущий «ритуал» и как легко политический просчет или внутреннее давление могут привести к слому сдерживающих механизмов.

Если в палестино-израильском конфликте мы видим классическую асимметричную войну, где грубая военная сила одной стороны полностью подавляет все моральные ограничения, а другая сторона изначально действует террористическими методами, то в противостоянии Израиля с Ираном мы сталкиваемся с более сложным явлением. Здесь мы наблюдаем своеобразный «прагматичный имморализм»: действия сторон, будучи крайне жестокими и дестабилизирующими, при этом жестко контролируются политической целесообразностью. Это не мораль, а именно политический расчет, который определяет, где и когда можно ударить, чтобы не переступить «красную линию», за которой начнется тотальная война. Такой подход, с одной стороны, предотвращает еще более масштабную катастрофу, но с другой – демонстрирует полное обесценивание человеческой жизни, которая становится лишь разменной монетой в большой геополитической игре.

Обобщая анализ этих двух взаимосвязанных конфликтов – в Газе и между Израилем и Ираном, – можно сделать неутешительный вывод о глубоком кризисе морали в современной мировой политике. Международное право, призванное быть гарантом справедливости, демонстрирует свою недееспособность и выборочность. «Правила», которые западные страны пытаются навязать остальному миру, работают лишь тогда, когда это выгодно им самим. Мы видим, что, когда дело доходит до защиты интересов Израиля – ключевого стратегического союзника США на Ближнем Востоке, – принципы гуманизма, соблюдение прав человека и международное право отходят на второй план. Это и есть то самое пресловутое «право силы», которое подменяет собой «силу права». В этих условиях государства, которые пытаются руководствоваться моральными принципами или хотя бы неким подобием справедливости, оказываются в заведомо проигрышном положении, если только они не готовы применять силу для защиты своих интересов, как это делает Россия в украинском конфликте. Ближневосточный кризис наглядно продемонстрировал, что в современном мире, где царит политический цинизм, мораль окончательно утратила свой универсальный и обязательный характер, превратившись в разменную монету в руках сильных мира сего.

Столь же показательным примером того, как политическая целесообразность и моральная риторика переплетаются в современном

вооруженном конфликте, является американо-израильско-иранское противостояние, перешедшее в 2026 году в стадию открытого военного столкновения. 28 февраля 2026 года США и Израиль начали совместную военную операцию против Ирана, получившую названия «Эпическая ярость» и «Рычащий лев». Официальным поводом послужила ядерная программа Тегерана, однако, как показывает анализ, реальные цели были куда более амбициозными – от смены политического режима до восстановления региональной гегемонии США и Израиля.

Начальный этап кампании включал в себя массированные авиаудары по военным, ядерным и промышленным объектам Ирана. Сообщалось о поражении штаба КСИР в Тегеране, а также ударах по заводам по обогащению урана в Ардакане и тяжеловодному реактору в Хондабе. Ответ Ирана не заставил себя ждать. В рамках операции «Правдивое обещание 4» Тегеран нанес мощные ракетные и беспилотные удары по военным базам США в Катаре, ОАЭ, Бахрейне, Иордании, Ираке и Саудовской Аравии. Более того, Корпус стражей исламской революции (КСИР) поразил авианосную ударную группу США CVN 72 в глубине Индийского океана, а также нанес удары по целям в ОАЭ и Кувейте, где дислоцируются американские силы. Конфликт стремительно расширялся: йеменские хуситы возобновили ракетные атаки на юг Израиля, а ливанская «Хезболла» активизировала обстрелы северных территорий Израиля. Уже к апрелю 2026 года военные действия привели к гибели более 1 340 человек в одном Иране, включая верховного лидера аятоллу Али Хаменеи. В Израиле пострадали более 7 000 человек, а потери США превысили 370 военнослужащих ранеными и не менее семи самолетов.

С точки зрения соотношения политики и морали, этот конфликт представляет собой классический случай приоритета сиюминутных политических интересов над долгосрочной стабильностью и гуманитарными соображениями. Расчет США и Израиля на быстрый стратегический перелом, «мгновенный шок» от ликвидации высшего руководства и последующий крах иранской системы власти оказался ошибочным. Иранская система не рухнула; управленческая вертикаль была институционально восстановлена, а режим стал лишь более жестким и непримиримым. Ответные удары Тегерана, наносившиеся с беспрецедентной точностью по военным объектам союзников США, продемонстрировали способность Ирана наносить чувствительный ущерб далеко за своими пределами.

Наиболее тревожным аспектом с точки зрения морали стали действия США и Израиля вблизи иранских ядерных объектов. Глава МИД Ирана Аббас Арагчи заявил, что атомная электростанция в Бушере подвергалась ударам четыре раза. Генеральный директор ВОЗ Тедрос Гебрейесус выразил серьезную обеспокоенность тем, что подобные атаки могут спровоцировать ядерную аварию с катастрофическими последствиями для здоровья целых поколений. Генеральный директор МАГАТЭ Рафаэль Гросси подтвердил, что один из снарядов разорвался всего в 75 метрах от периметра станции. Россия также предупреждала, что удары по ядерным объектам могут привести к

необратимым последствиям. Однако эти предупреждения были проигнорированы, что ставит под вопрос само существование международных норм и правил ведения войны. Как справедливо заметил министр иностранных дел Ирана, западное возмущение по поводу ударов вблизи Запорожской АЭС в Украине оказалось неприменимо к Бушеру – вопиющий пример политики двойных стандартов.

Важнейшим геополитическим последствием конфликта стала блокада Ираном Ормузского пролива, через который проходит около 20% мировых морских поставок нефти. Это привело к резкому скачку цен: нефть марки Urals достигла 116 долларов за баррель – максимума за 13 лет. Парадоксальным образом главным экономическим бенефициаром войны стала Россия, чьи экспортные доходы резко выросли. Этот факт наглядно демонстрирует, что в современном мире вооруженный конфликт в одной точке планеты мгновенно перераспределяет выгоды и издержки в глобальном масштабе, и моральные соображения при этом почти никогда не играют решающей роли.

К 8 апреля 2026 года сторонам удалось заключить двухнедельное перемирие, во многом благодаря посредническим усилиям Пакистана, Китая и России. Однако это перемирие было шатким: Израиль заявил, что оно не распространяется на Ливан, а Тегеран отверг перемирие как таковое, настаивая на полном прекращении конфликта. Показательно, что даже в условиях перемирия эскалационные намерения сторон оставались максимальными: Белый дом грозился «вбомбить Иран в каменный век» и «уничтожить целую цивилизацию», а Иран, в свою очередь, угрожал «карающими ударами» по США и их союзникам.

Данный конфликт становится еще одним подтверждением того, что в современном мире политика полностью подчинила себе мораль. Военные действия ведутся без учета гуманитарных последствий, ядерные объекты становятся легитимными целями, а международное право применяется выборочно в зависимости от того, кто является его нарушителем. Этот конфликт также иллюстрирует пределы военной силы: даже коалиция, обладающая колоссальным военным превосходством, не смогла достичь своих политических целей, столкнувшись с устойчивостью иранской системы и ее способностью наносить асимметричные ответные удары. Война перешла в затяжную фазу истощения, где исход определяется не столько полем боя, сколько способностью сторон выдерживать экономическое и политическое давление. И в этой новой реальности мораль окончательно утратила свой универсальный и обязательный характер, превратившись в инструмент политической риторики – используемый, когда это выгодно, и игнорируемый, когда это неудобно. Впрочем, данный конфликт еще не окончен, но одна перспектива прослеживается предельно четко – Ближний Восток останется ареной геополитических интересов еще долгое время, а понятия «Мягкая сила» надолго потеряет актуальность в регионе.

Из приведенных выше примеров правомерно сделать вывод, что мораль и политика активно влияют на динамику и урегулирование современных

вооруженных конфликтов; вместе с тем, важно заметить, что, руководствуясь обеими этими факторами, можно достичь положительного результата более эффективным способом. Кроме того, соблюдение моральных и политических норм и принципов требуется от всех участников конфликта, иначе морально мотивированные шаги одной из сторон не будут иметь результата.

Действия политических лидеров стран, участвующих в событиях на Украине, можно рассмотреть через призму сложившихся подходов к взаимоотношению политики и морали, а именно через:

1) *Морализаторский подход* – цели политики являются высоконравственными, кроме того, никакие обстоятельства не могут служить причиной для нарушения моральных норм.

2) *Ценностно-нейтральный подход* – политика игнорирует нравственные нормы.

3) *Компромиссный подход* – признание необходимости учета нравственных норм при принятии политических решений, вместе с тем, не игнорируя специфику политики.

Из приведенных ранее примеров, видно, что действия военно-политического руководства Российской Федерации подпадают под компромиссный подход. Несмотря на то, что в обращения В.В. Путина фигурируют моральные мотивы начала специальной военной операции на Украине, мы видим, что и политическим вопросам придается принципиальное значение, так как они напрямую связаны с национальной безопасностью Российской Федерации. Украинское правительство, в свою очередь, придерживается ценностно-нейтрального подхода, при котором моральная сторона попросту игнорируется, причем игнорируется она не только в отношении Российской Федерации и ее военнослужащих, но и в отношении своих собственных граждан.

Важно заметить, что современные вооруженные конфликты протекают с использованием широкого спектра вооружений с огромными возможностями, что еще раз говорит о том, что мораль важна, так как при определенных обстоятельствах именно она выступает регулятором и ограничителем применения некоторых видов оружия.

Особое влияние на протекание и урегулирование конфликта на Украине оказывает ядерная риторика. В.Н. Ксенофонтов высказывает следующее по вопросу применения ядерного оружия: «…об опасности отрыва политики государств от морали в свое время говорил русский философ Н.А. Бердяев. Он глубоко осознавал, что для человека в понимании перспектив мира важно не только научно-техническое, но и нравственное преобразование. Н.А. Бердяев, взвешенно уяснив значение атомной энергии для преобразования мира, предостерегал представителей властных структур Европы от неверного нравственного выбора. По существу, Н.А. Бердяев в дилемме «мир или война» остро поставил вопрос об ответственности государственной власти и политических лидеров за сохранение человеческой цивилизации и обеспечении мира между народами. Он обратил внимание на значимость

профессиональных качеств государственных деятелей, их моральной ответственности в деле проведения политики по недопущению ядерной войны на планете. Отечественный философ, высказывая свою точку зрения по этому вопросу, подчеркивал: «И от его духовного состояния будет зависеть, направит ли он эту власть на созидание или разрушение»[1].

Несмотря на то, что Россия время от времени напоминает коллективному Западу о том, что она является ядерной державой, какого-либо шантажа с использованием оружия массового поражения с ее стороны нет. Напротив, Украина, США и ряд европейских стран сами развязали истерию вокруг вопроса о возможном применении ядерного оружия в российско-украинском конфликте. Вместе с тем, критерии применения ядерного оружия указаны в «Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания», и в случае возникновения определенного рода угроз, Россия имеет полное моральное и юридическое право на применение всех сил и средств, ради защиты своего суверенитета.

Упоминание Российской Федерацией ядерного оружия в контексте конфликта на Украине скорее обусловлено тем, что В.В. Путин таким путем пытается оградить коллективный Запад от вмешательства в проведения специальной военной операции и лишний раз напоминает, что действия Запада, направленные на эскалацию российско-украинского вооруженного конфликта, могут привести к тяжелым последствиям.

Анализ соотношения политики и морали в ходе проведения специальной военной операции на Украине дает основания утверждать, что руководство России своими действиями и решениями показывает, что эти два явления взаимообусловлены и имеют исключительную значимость. Политика может быть моральной и аморальной, но безморальной она быть не может. В силу своей значимости для общества политика всегда была, есть и будет сферой особо значимой моральности и особо опасной социальной безнравственности[2].

Судя по всему, российское руководство это отчетливо осознает. Так, например, В.В. Путин своим Указом № 809 от 9 ноября 2022 года утвердил «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[3]. Появление подобного рода документа неспроста появилось именно в разгар специальной военной операции. Основными институтами общества, где происходило привитие моральных ценностей гражданам России, выступали прежде семья, школа и религиозные объединения. Теперь работу по формированию, защите

---

[1] *Ксенофонтов В.Н.* Соотношение морали и политики: философское осмысление современных реалий // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 275.

[2] См.: Чуб Д.Ф. Политика и мораль в современном мире // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. №.6.

[3] Далее по тексту под Основами мы будем понимать «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

и укреплению духовно-нравственных ценностей взяло на себя непосредственно государство.

На наш взгляд, это очень верный шаг. Рассматривая в первой главе нашего исследования феномен русской морали, мы выяснили, что она формировалась под действием различных факторов и на протяжении веков обретала «самость». В самом названии «Основ», мы видим, что В.В. Путин разграничил общечеловеческие моральные принципы и «традиционные российские». Кроме того, в Основах подтверждается ранее высказанное нами предположение, что именно православие оказало значительное влияние на формирование русской морали: «Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию»[1].

Немаловажно почеркнуть, что руководство России видит, что традиционные российские духовно-нравственные ценности являются важным элементом в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Кроме того, как мы выяснили ранее, от того, носителем каких именно моральных норм являются субъекты современных вооруженных конфликтов, зависит динамика их протекания и возможность их дальнейшего урегулирования.

Сегодня стало совершенно очевидным, что международное право и такие организации, как ООН, своими инструментами не могут значительно влиять на динамику и урегулирование вооруженных конфликтов; доминирующими регуляторами все в большей степени выступают мораль и политическая воля их участников.

Если провести мониторинг выступлений и обращений генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша по ситуации на Украине, то все они сводятся к «призыву», «озабоченности» и «обеспокоенности». Никаких конкретных действий по разрешению кризисных ситуаций не происходит, что соответственно перекладывает их разрешение на участников конфликта.

Особого внимания в контексте рассматриваемого вопроса заслуживает моральная оценка авиационных и ракетных ударов Российской Федерации по военным объектам и объектам критической инфраструктуры.

Как уже отмечалось, принцип различия jus in bello позволяют наносить удары по комбатантам, вооруженным формированиям и объектам военной инфраструктуры; кроме того, допустимо нанесение ударов по аэропортам и

[1]Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Kremlin. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019/ (дата обращения: 14.11.2022).

аэродромам, автомобильным и железным дорогам, заводам, работающим в интересах военных.

Все цели, поражаемые Вооруженными Силами Российской Федерации, подпадают под эту категорию, поскольку работали в интересах военных. Заявления украинской стороны о причинении вреда гражданской инфраструктуре и гибели мирного населения, ничем, кроме слов, не подтверждены. Вместе с тем, действительно были зафиксированы случаи, когда в ходе работы российских дронов-камикадзе, были повреждены гражданские постройки. Вызвано это было тем, что украинские военные пытались сбивать их из стрелкового оружия, вследствие чего дроны отклонялись от курса и при падении задевали гражданские объекты.

Так, в Киеве российский дрон-камикадзе при падении задел жилой дом. Это связано с тем, что при попытке сбить «Герань» произошла смена траектории. Аппарат рухнул на территории жилого двора.

Один из стрелков, участвующий в инциденте с падением дрона в жилом квартале, в прямом эфире одного из украинских телеканалов сообщил: «Мы по нему стреляли, повредили и он немного изменил траекторию. И вот там, где хлопцы стреляли, и где мы стреляли с Желянской, он немного изменил траекторию. А если бы ничего не делалось из стрелкового оружия, то он бы точно прилетел бы в цель. И все пропали бы. И немного мы их отклонили. Да, жертвы. На моих глазах. И своими руками мы доставали людей»[1].

Вместе с тем, подобные случаи носят единичный характер и, безусловно, являются исключением из правила. Учитывая тот факт, что с сентября 2022 года по настоящее время по объектам военной и критической инфраструктуры было нанесено несколько волн массированных ударов высокоточным оружием большой дальности воздушного и морского базирования, а также ударными БПЛА и дронами-камикадзе, можно говорить о практически ювелирной работе Вооруженных Сил Российской Федерации.

Говоря о целесообразности таких ударов и их влиянии на протекание и урегулирование вооруженного конфликта на Украине, мы предполагаем, что Российская Федерация не стремится нанести наибольший вред украинцам. Напротив, такое ограниченное применение силы является сигналом для официального Киева сесть за стол переговоров, которые положат конец кровопролитию. Однако президент Зеленский продолжает саботировать переговоры, прибегая к таким действиям, как срыв предыдущих договоренностей, выдвижением нереалистичных условий, а также прямым игнорированием самого переговорного процесса.

Таким образом, изучение современных вооруженных конфликтов требует глубокого анализа влияния политических и моральных факторов. Политика, как основа принятия решений на государственном уровне, оказывает огромное влияние на динамику и разрешение конфликтов.

[1]Украинские боевики не смогли отразить удар российских беспилотников [Электронный ресурс] // ЛенТВ24 – Режим доступа: https://lentv24.ru/ukrainskie-boeviki-ne-smogli-otrazit-udar-rossiiskix-bespilotnikov.htm/ (дата обращения: 25.10.2022).

Вмешательство государств, мотивированных политическими целями, порой дестабилизирует обстановку, создавая новые факторы напряжения. Одновременно моральные принципы, взгляды общества и международное восприятие правильности ведения войны становятся ключевыми факторами, влияющими на ограничения и урегулирование конфликтов. Балансирование политических интересов и моральных устоев представляет вызов, требующий компромиссов для достижения устойчивого мира. Важно признать, что эти факторы взаимосвязаны и требуют сбалансированного подхода для эффективного урегулирования вооруженных конфликтов в современном мире.

Итак, рассмотрев политико-моральные детерминанты возникновения вооруженных конфликтов, а также степень влияния политики и морали на их динамику и урегулирование через призму принципов теории справедливой войны и гуманитарных интервенций, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в зависимости от конкретных обстоятельств времени и места, а также от позиции политического руководства политические и моральные мотивы вооруженных конфликтов способны вступать в диссонанс друг с другом, при этом главенствующую роль обретает политика, подчиняя себе мораль. Степень влияния политики и морали на возникновение современных вооруженных конфликтов в решающей степени зависит от парадигмы, главенствующей в государствах, участвующих в вооруженных конфликтах.

Во-вторых, зачастую, прикрываясь моральными мотивами, ряд государств начинает вооруженные конфликты, пренебрегая международным правом, с целью получения своих политических и экономических выгод (вторжение США и их союзников в Афганистан, Ирак, Ливию и Сирию).

В отдельных случаях моральные мотивы возвышаются над политическими, и именно моральный долг заставляет политических лидеров использовать вооруженные силы для защиты угнетенных и восстановления справедливости (вступление Российской Федерации в Грузино-южноосетинскую войну, участие в Сирийском конфликте, ввод российского миротворческого контингента в Нагорный Карабах).

В-третьих, в современных вооруженных конфликтах моральные и политические аспекты могут быть теснейшим образом взаимосвязаны, образуя тем самым единую их политико-моральную детерминанту. Возможна ситуация, когда моральные и политические цели в равномерной степени обуславливают начало и динамику военных действий (проведение специальной военной операции на Украине).

Мораль, безусловно, позитивно влияет на динамику вооруженных конфликтов, однако урегулирование вооруженных конфликтов становится невозможным, когда только одна из его сторон придерживается моральных норм и ограничений. Вместе с тем, это не исключает использование субъектами вооруженных конфликтов норм частной морали (милосердие, ограничение в насилии, гуманное отношение к раненым и пленным, мирному населению).

Кроме того, современные вооруженные конфликты наглядно свидетельствуют, что возможно придерживаться компромиссного подхода к взаимоотношению политики и морали, при котором принятие политических решений учитывает нравственные нормы и не игнорирует специфику самой политики.

Заключение

Война остается актуальным социальным явлением в современном мире по ряду сложных причин. Среди них выделяются борьба за ограниченные ресурсы, контроль над важными территориями, националистические стремления, геополитические амбиции и экономические интересы. Эти факторы оказывают влияние на возникновение и развитие вооруженных конфликтов в нашем мире. На протяжении всей истории человечества, ученые, политические и военные деятели стремились понять причины возникновения войн, а также минимизировать их масштаб, выработать нормы и правила, которыми бы руководствовались противоборствующие стороны.

Опираясь на результаты, полученные в проведенном исследовании, представляется необходимым сформулировать следующие теоретические рекомендации:

- в ходе вооруженных конфликтов необходимо стремиться к защите прав и достоинства всех людей, вне зависимости от их статуса или национальности. Следует избегать необоснованных насилия и жестокости, как в отношении комбатантов, так и в отношении мирного населения, стремиться не допускать гуманитарного кризиса;
- применение силы должно быть пропорциональным цели, которую необходимо достичь. Использование избыточной силы, которая может привести к необоснованным потерям жизней и разрушениям, следует избегать;
- во время вооруженных конфликтов необходимо соблюдать международные договоры, конвенции и правила, которые регулируют ведение военных действий;
- политические лидеры должны активно участвовать в дипломатических усилиях для поиска мирного решения конфликтов. Военные действия должны быть последним средством, применяемым только в случае крайней необходимости;
- война должна быть оправдана в том случае, если она имеет легитимные цели, такие как самооборона или защита основных прав и свобод. Политические решения, связанные с войной, должны быть основаны на осознанной оценке и учете моральных и этических норм;
- комбатанты должны быть обучены этическим принципам. Они обязаны соблюдать принципы неприкосновенности гражданского населения, избегать пыток и необоснованной жестокости, и следовать международным нормам ведения войны;
- после вооруженного конфликта необходимо стремиться к справедливости и примирению. Политические решения должны быть направлены на восстановление мира, прав и свобод. Кроме того, государство обязано предоставлять поддержку лицам пострадавшим в ходе вооруженных конфликтов.

В практическом отношении результаты настоящего исследования могут быть применимы:

а) профессорско-преподавательским составом вузов, научными сотрудниками научно-исследовательских учреждений и другими работниками в сфере образования:

- при разработке текстов лекций и учебных курсов и при организации занятий по социальной и политической философии, политологии, философии политики и права, этики, истории, военным наукам с курсантами (студентами), слушателями и адъюнктами (аспирантами);
- при разработке учебно-методических пособий и иных учебных изданий;
- при проведении научных дискуссий, семинаров, конференций (симпозиумов) по вопросам формирования морального облика военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации.

б) специалистами в области военно-политической работы:

- при подготовке кадров военно-политических органов;
- при проведении мероприятий по военно-политической пропаганде и агитации;
- при проведении военно-патриотической работы в мирное и военное время;
- в ходе мероприятий по духовно-просветительской работе и работе с верующими военнослужащими;
- в рамках военно-политической работы в зоне проведения специальной военной операции на Украине при работе с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, военнослужащими, призванными в ходе частичной мобилизации, а также с иностранными добровольцами и добровольцами спецконтингента.

Результаты нашего исследования указывают на необходимость баланса между политическими и моральными аспектами, чтобы достичь справедливости, эффективности и устойчивости в военных действиях. Только через постоянные анализ, размышление и обсуждение мы можем достичь гармонии между политикой и моралью в войне и создать более справедливый и безопасный мир.

Таким образом, наше исследование внесло определенный вклад в понимание соотношения политики и морали в современных вооруженных конфликтах. Научные результаты, полученные в ходе исследования, помогут лучше понять сложность и многогранность данной проблематики, а также могут быть использованы при разработке стратегий урегулирования вооруженных конфликтов.

Вместе с тем, рассмотренные в данном исследовании вопросы не могут охватить весь спектр проблем, связанных с соотношением политики и морали в современных вооруженных конфликтах. Однако автор надеется, что полученные в рамках данного исследования научные выводы и теоретические

данные, подвергнутые более глубокому анализу, могут лечь в основу для дальнейших исследований, позволяя более полно раскрывать сущность вопросов, связанных с взаимосвязью политических и моральных компонентов в современных вооруженных конфликтах. Данное исследование может стать фундаментом для изучения соотношения политики и морали в современных вооруженных конфликтах в африканской, индуистской, исламской, иудейской, китайской, латиноамериканской и японской цивилизациях.

Список литературы

Августин А. О граде Божием. Кн. XIV–XXII // Августин Аврелий. Творения. Т. 4. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. XIX. 7. 595 с.

Аквинский Ф. Онтология и теория познания (фрагменты сочинений) / Фома Аквинский; пер., вступ. ст., коммент. В.П. Гайденко; Рос. акад. наук. Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2001. 204 с.

Анцышкин А.И. Критика современных военно-этических концепций милитаризма США: автореф. дис. …канд. филос. наук. М., 1977. 23 с.

Апресян Р.Г. Смысл морали в этике Дэвида Юма // Этическая мысль. 2012. № 12. С. 72-103.

Апресян Р.Г. Этическая проблематика в «Опыте о человеческом разумении» Дж. Локка // Историко-философский ежегодник. 2006. С. 132-151.

Аристотель. Политика. М.: Издательство АСТ, 2018. 384 с.

Артемьева О.В. Универсальность и автономия в этике И. Канта // Философские науки. 2018. № 11. С. 86-102.

Архангельский Л.М. Курс лекций по марксистско-ленинской этике. М., Высшая школа, 1974. 318 с.

Архангельский Л.М. Труд и мораль / Л. М. Архангельский, В. Г. Нестеров. Свердловск : кн. изд-во, 1961. 128 с.

Афганистан: число жертв среди мирного населения достигло рекордных показателей [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций – Режим доступа: https://news.un.org/ru/ (Дата обращения: 02.11.2022).

Ахматнабиева Д.Ф. Гуго Гроций – «отец» международного права // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: сб. трудов науч. конференции. Уфа: Ин-т права БГУ, 2016. С. 38-41.

Бабурин С.Н. Гуманитарная интервенция: теория и практика международного права // Вестник Омского университета. 2022. № 2. С. 15-27.

Бевз А.С. Роль коммунистической партии Советского Союза в формировании коммунистической морали в СССР: автореф. дис. …канд. филос. наук. М., 1953. 22 с.

Бердяев Н.А. Мысли о природе войны // Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальностей. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. 240 с.

Бердяев Н.А. Философия неравенства / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.

Брычков А.С. Место и роль политики и морали в социальном развитии советского воина: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1978. 24 с.

В ООН считают, что Израиль и палестинские группировки совершили военные преступления [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21076719 (Дата обращения: 15.10.2025).

В США подсчитали потери в Ираке и Афганистане [Электронный ресурс] // Российская газета – Режим доступа: https://rg.ru/2018/11/12/v-ssha-podschitali-poteri-v-irake-i-afganistane.html (Дата обращения: 10.11.2022).

Великая Отечественная война 1941-1945: Словарь В 27 справочник / Н.Г. Андроников, А.С. Галицан, М.М. Кирьян и др.; Под общ. ред. М.М. Кирьяна. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1988. С. 371.

Владимир Мономах Поучение / Владимир Мономах. М.: Бизнеском, 2010. 273 с.

Владимир Путин принял участие в конференции «Православно-славянские ценности – основа цивилизационного выбора Украины». [Электронный ресурс] // Kremlin. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/18961/ (Дата обращения: 25.10.2022).

Владимир Путин. Обращение Президента Российской Федерации (24 февраля 2022) [Электронный ресурс] // Kremlin.ru – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/67843 (Дата обращения: 25.10.2022).

Владимир Путин. Обращение Президента Российской Федерации. 21 февраля 2022 года. [Электронный ресурс] // Kremlin. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/ president/news/67828/ (Дата обращения: 25.10.2022).

Воробьева И. Война в Ливии: очередная нефтяная // Прямые инвестиции. 2011. № 4. С. 8.

Газа остается одним из самых опасных мест для мирных жителей и гуманитарных работников [Электронный ресурс] // Информационный центр ООН в Москве. – Режим доступа: https://unic.ru/events/gaza-ostaetsya-odnim-iz-samykh-opasnykh-mest-dlya-mirnykh-zhiteley-i-gumanitarnykh-rabotnikov/ (Дата обращения: 15.10.2025).

Гегель Г. Конституция Германии. М.: Наука, 1978. 437 с.

Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

Генсек альянса возложил ответственность за хаос в Ливии на режим Муаммара Каддафи, правившего страной в течение 42 лет [Электронный ресурс] // ТАСС – Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4279894 (Дата обращения: 10.11.2022).

Гераклит О природе : с комментариями и иллюстрациями / Гераклит ; составление, перевод, предисловие и комментарии А. В. Маркова. М.: АСТ, 2022. 218 с.

Глава Карабаха поблагодарил Россию и Путина за прекращение войны [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. – Режим доступа: https://ria.ru/20201122/karabakh-15858 26160.html (Дата обращения: 25.10.2022).

Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 457 с.

Горкин А.П. Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2005. 1455 с.

Горячев А.И. Патриотизм как феномен современного российского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 31-38.

Горячев А.И. Феномен «гибридной войны» в сирийском контексте // Военный академический журнал. 2018. № 2(18). С. 124-127.

Горячев А.И., Курочко М.М., Петрий П.В. Духовные основы милосердия. М.: ВУ, 2020. 178 с.

Горячев А.И., Курочко М.М., Петрий П.В. Основы и уроки боевого опыта современной Российской армии на Ближнем Востоке. М.: ВУ, 2018. 255 с.

Горячев А.И., Лутцев М.В. Великая Отечественная война в контексте глобального противостояния России и Запада // Военный академический журнал. 2021. № 2. С. 5-13.

Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.

Дамм Г. ван, Фоушин Н. Соразмерность // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / Под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М.: Гардарики, 2002. С. 174-187.

Директива Ставки ВГК № 11072 командующим войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов о необходимости гуманного отношения к немецкому населению и военнопленным. 20 апреля 1945 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов – Режим доступа: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/199777-direktiva-stavki-vgk-11072-komanduyusc him-voyskami-1-go-i-2-go-belorusskih-i-1-go-ukrainskogo-frontov-o-neobhodimosti-g umannogo-otnosheniya-k-nemetskomu-naseleniyu-i-voennoplennym-20-aprelya-1945-g (Дата обращения: 02.08.2022).

Дмитриев Т. Справедливая война // Политический журнал. 2004. № 44 (47).

Достоевский Ф.М. Парадоксалист / Русские философы о войне. М., 2005. 496 с.

Достоевский Ф.М. Признание славянофила / Русские философы о войне. М., 2005. 496 с.

Дугин А.Г. Основы геополитики: геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. 599 с.

Дугин А.Г. Теория многополярного Мира. Плюриверсум. М.: Академический проект, 2015. 358 с.

Журавков М.Г. Социализм и мораль. М., Наука, 1974. 263 с.

Журнал Московской патриархии. 1943. № 1. 22 с.

Зомбарт В. Торгаши и герои. Раздумья патриота. // В. Зомбарт. Собрание сочинений в 3 тт. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2005. 656 с.

Иванов С.М. «Арабская весна» продолжается // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2012. Т. 266. № 3. С. 56-66.

Ильин И.А. Духовный смысл войны // И.А. Ильин. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 9-10. М., 1999. 512 с.

Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // И.А. Ильин. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 5. М., 1999. 608 с.

Ильин И.А. Путь к очевидности // Почему мы верим в Россию. М.: Эксмо, 2006. 912 с.

История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983-1994. Т. 1. 1983. 584 с.

Кант И. К вечному миру // И. Кант. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. 743 с.

Кант И. Критика чистого разума; Критика практического разума; Критика способности суждения : [перевод с немецкого] / Иммануил Кант. М.: Э, 2018. 463 с.

Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Его же. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4. М.: Мысль, 1965. 478 с.

Кафтан В.В., Петрий П.В. Аксиология воинского служения. М., 2017. 372 с.

Кашников Б.Н. Критика современного дискурса справедливой войны // Военно-юридический журнал. 2012. № 11. С. 22-29.

Клепиков С.А. Марксизм-ленинизм о возникновении и развитии коммунистической морали: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1955. 23 с.

Козельский Я.П. Философические предложения, сочиненные надворным советником / Я.П. Козельский. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 212 с.

Коппитерс Б. Легитимная власть // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002. С. 65-86.

Ксенофонтов В.Н. Политика: война и мир: монография. М.: АГЗ МЧС России, 2000. 170 с.

Ксенофонтов В.Н. Соотношение морали и политики: философское осмысление современных реалий // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 274-277.

Ксенофонтов В.Н. Философские взгляды А.С. Хомякова на войну, мир и современность // Научный вестник МГТУ ГА. 2005. № 95. С. 42-46.

Куманьков А.Д. Война в XXI веке. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020. 138 с.

Куманьков А.Д. Война как наказание: исторические основания и современное состояние // Этическая мысль. 2019. Т. 19. № 2. С. 137-151.

Куманьков А.Д. Война, или В плену насилия. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 164 с.

Куманьков А.Д. Кантианский проект вечного мира в контексте современных этико-политических концепций войны / А. Д. Куманьков // Философские науки. 2020. Т. 63, № 1. С. 85-100.

Куманьков А.Д. Моральное обоснование гуманитарной интервенции в современной теории справедливой войны / А. Д. Куманьков // Философские науки. 2020. Т. 63, № 11. С. 58-73.

Куманьков А.Д. С.Л. Франк в поисках духовного смысла Великой войны / А. Д. Куманьков // Философские науки. 2017. № 3. С. 38-52.

Куманьков А.Д. Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. МакМахан. СПб.: Алетейя, 2019. 310 с.

Куманьков А.Д. Теории справедливой войны в аналитической этике США: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.03 / Куманьков Арсений Дмитриевич. М., 2013. 22 с.

Куманьков А.Д. Философия войны: краткий очерк истории // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 99-116.

Лавров: «Если Запад продолжит агрессивный курс, Москва предпримет необходимые ответные меры» [Электронный ресурс] // Фонтанка.ру. Режим доступа: https://www.fontanka.ru/2022/01/26/70402556/ (Дата обращения: 26.01.2022).

Лапанович Е.А. Гуманитарная интервенция: между моралью и правом // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 20-23.

Ленин В.И. «Задачи союзов молодежи». Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи. 2 октября 1920 г. // В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. 30. С. 403-417.

Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). М.: Республика, 1996. 800 с.

Лифанов М. Превосходство коммунистической морали над растленной моралью буржуазного общества. – Ленинград: Лениздат, 1950. 93 с.

Локальные войны: История и современность. М.: Воениздат, 1980. 304 с.

Локк Дж. Два трактата о правлении. Москва; Челябинск: Социум, 2014. 144 с.

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении ; пер. с англ. К.И. Миронов // Дж. Локк. Соч. Т. 1; ред. К.Д. Кацюба. М.: Смысл, 2018. 345 с.

Лядов В.В. Мораль и право в политико-правовой мысли древней Руси XI-XII вв. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Новые тенденции в образовании и науке: опыт междисциплинарных исследований. Ростов-на-Дону: Развитие юридической науки в России: история и современность, 2014. С. 894-897.

Макиавелли Н. Государь. О военном искусстве. М.: Эксмо-Пресс, 2016. 160 с.

Малиновский В.Ф. Разсуждение о мире и войне. В Санкт-Петербурге: При Губернском правлении, 1803. 80 с.

Маркс К. Капитал / Карл Маркс ; [пер. с нем. С. Алексеева]. М.: Издательство АСТ, 2019. 544 с.

Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1960. Т. 23. 907 с.

Маркс К. Манифест Коммунистической партии / с предисл. К. Маркса и Ф. Энгельса ; полн. пер. с нем. В. А. Поссе. – [СПб. : Тип. Монтвида], 1906. 61 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. 669 с.

Медиоланский Амвросий О покаянии : О надежде воскресения / Святитель Амвросий Медиоланский. М.: Изд-во им. Святителя Игнатия Ставропольского, 1999. 303 с.

Мельников Г.П. Конфликт в Южной Осетии и внешняя политика России // Вестник РГГУ. 2010. № 14. С. 62-70.

Митрополит Иларион Слово о Законе и Благодати // Русская цивилизация. Москва: Институт Русской цивилизации, 2011. 38 с.

Момджян Х.Н., Харчев А.Г. Основные черты нравственной жизни развитого социализма. М., Мысль, 1976. 287 с.

Народный мэр Славянска: «Мы не думали, что дойдет до войны» [Электронный ресурс] // ИА Regnum – Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/1858546.html (Дата обращения: 24.10.2022).

Наставление 600-4. Голубая книга военнослужащего. Курс начальной подготовки. Министерство Сухопутных войск США. Командование строительства и подготовки Сухопутных войск США, форт Эустис, Вирджиния 23604-5701, 18 июля 2016.

Некрасов Д. В. Мораль, политика, война в философии Иммануила Канта // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9(172). С. 541-542.

Некрасов Д. В. Моральные дилеммы симулякров: влияние цифровизации на этику в вооруженных конфликтах / Д. В. Некрасов, К. С. Петряков, Д. В. Казаков // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12, № 12-1. С. 167-172.

Некрасов Д.В. Насилие и мораль в ходе гуманитарных интервенций: исследование этических аспектов // Advances is Science and Technology: Сборник статей LIII международной научно-практической конференции. М.: Актуальность.РФ. 2023. С. 186-187.

Некрасов Д. В. Особенности трактовки морали и политики в российской философской мысли допетровской эпохи // Миссия конфессий. 2022. Т. 11, № 7(64). С. 98-102.

Некрасов Д.В. Память о Великой Отечественной войне как фактор формирования моральных ценностей современного российского общества // Сборник материалов научно-практической конференции: Победа в Великой Отечественной войне и ее значение для обеспечения национальной безопасности России в новых исторических условиях. М.: ПЛАНЕТА. 2023. С. 56-62.

Некрасов Д.В. Политическая мобилизация: теоретические и практические аспекты // Сборник материалов закрытой межведомственной научно-практической конференции: Правовые аспекты предотвращения

внешнего вмешательства в суверенные дела Российской Федерации на современном этапе. М.: Военный университет. 2022. С. 222-232.

Некрасов Д.В. Пропаганда в виртуальном обществе, как средство политической мобилизации // Сборник материалов закрытой межведомственной научно-практической конференции: Актуальные вопросы правового обеспечения специальной военной операции. М.: Военный университет. 2022. С. 112-122.

Некрасов Д.В. Пропаганда как инструмент реализации геополитических интересов государства (на примере армяно-азербайджанского территориального конфликта) // Книжно-журнальное издательство «Граница» ФСБ России. 2021. С. 399-404.

Некрасов Д. В. Соотношение политики и морали в контексте войны в работах античных философов // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 6. С. 140-142.

Некрасов Д. В. Соотношение политики и морали в современных вооруженных конфликтах : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Некрасов Дмитрий Владимирович, 2024. 171 с.

Некрасов Д.В. Специальная военная операция на Украине в контексте теории справедливой войны // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 164-166.

Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная Революция, 2016. 824 с.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ф. Ницше. Соч.: в 2 т. М., 1996. Т. 2. 829 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. 944 с.

Першин А.А. Проблемы вооруженной защиты революционных завоеваний народов в современную эпоху : социально-политический анализ: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. М., 1982. 48 с.

Плата за войну: потери иракских комбатантов и мирных жителей в конфликте 2003 г. [Электронный ресурс] // Research Gate – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/337902083_The_Wages_of_War_Iraqi_Combatant_and_Noncombatant (Дата обращения: 02.11.2022).

Платон Политика : Наука об упр. государством / Платон, Аристотель. М.: ЭКСМО; СПб. : Terra Fantastica, 2003. 859 с.

Плигузов А.И. Полемика в Русской Церкви первой трети XVI столетия // Исторические исследования. М.: Квадрига, 2017. 420 с.

Поставки американского оружия Украине [Электронный ресурс] // ИНТЕРФАКС. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/photo/5697/58828 (Дата обращения: 27.01.2022).

Поучения Владимира Мономаха [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН Режим

доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4874/ (Дата обращения: 15.04.2022).

Право на войну [Электронный ресурс] // Центр Международного права на Чистых прудах. – Режим доступа: https://european-court-help.ru/pravo-na-vojnu-s- tochki-zreniya-sovremennogo-mezhdunarodnogo-prav (Дата обращения: 25.10.2022).

Президент Карабаха заявил, что контроль над Шуши был утрачен 7 ноября [Электронный ресурс] // Интерфакс. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/world/736365/ (Дата обращения: 25.10.2022).

Президент Сирии подписал указ об отмене режима чрезвычайного положения [Электронный ресурс] // РИА Новости – Режим доступа: https://ria.ru/20110421/366893215.html. (Дата обращения: 24.10.2022).

Преподобный Максим Грек (Триволис). Два слова против Магомета [Электронный ресурс] // Азбука веры – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Grek/magomet/ (Дата обращения: 19.04.2022).

Прокопьев Н. Моральный дух армии – один из постоянно действующих факторов, решающих судьбу войн: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1951. 27 с.

Просветитель и другие сочинения Иосифа Волоцкого, с дополнительными статьями [рукопись :] : писарской список. 1789. 190 с.

Путин заявляет о плановом ходе специальной военной операции на Украине [Электронный ресурс] // ИНТЕРФАКС. – Режим доступа: https://www.interfax-russia.ru/main/putin-zayavlyaet-o-planovom-hodespecialnoy-voennoy-operacii-na-ukra ine (Дата обращения: 12.04.2022).

Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962. Том 6. Критика и публицистика. 590 с.

«Пятидневная война в цифрах» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3702090/ (Дата обращения: 02.11.2022).

Речь В.И. Ленина «Задачи союзов молодежи». Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи. 2 октября 1920 г. // В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. 30, С. 403-417.

Родин А.И. Марксистско-ленинская оценка политического содержания войн современной эпохи: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1973. 24 с.

Ромахин А.П., Муравлева В.Р. Ценности двойных стандартов американской армии // Вооруженные конфликты: предпосылки, последствия, правовые основы предупреждения, противодействия и урегулирования. Материалы IV межвузовской научно-практической конференции на английском языке (20 марта 2019 г.) / Отв. ред. С.В. Шермазанова. М.: Международный юридический институт, 2019. С. 272-276.

Ромахин А.П. Ценностные ориентации курсантов военных вузов России в современных условиях: сущность, факторы влияния и формирование:

автореф. дис. … канд. философ. наук: 09.00.11 / Ромахин Алексей Петрович. М., 2020. 19 с.

Руженцев С.Е. Влияние ценностного конфликта на мораль / С. Е. Руженцев // XIV Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2022. К 100-летию «Философского парохода» : Материалы конференции, Санкт-Петербург, 17-19 ноября 2022 года / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб: ООО «Сборка», 2022. С. 89-90.

Руженцев С.Е. Проблема морали и политики в социокультурных процессах России: автореф. дис. … докт. филос. наук: 09.00.05 / Руженцев Сергей Евгеньевич. Иваново, 2020. 45 с.

Руженцев С.Е. Рациональное и этическое в политике: единство и противоречие / С. Е. Руженцев // Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2021. Этика как наука и профессия : Материалы конференции, Санкт-Петербург, 18-20 ноября 2021 года / Санкт-Петербургский государственный университет; Институт философии; Кафедра этики. – Санкт-Петербург: ООО «Сборка», 2021. С. 55-56.

Руссо Жан-Жак Избранное / Жан-Жак Руссо; [Перевод с фр. М. Розанова, Д. Горбова; Коммент. И. Верцман, Д. Горбова]. М.: Изд. центр «Терра», 1996. 656 с.;

Рыбкин Е.И. Марксизм-ленинизм о соотношении войны и политики: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1956. 25 с.

Свобода Н.К. Соотношение цели и средств в современной войне: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1967. 23 с.

Скворцов А.А. Концептуализация представлений о войне в западной моральной философии и русской этической мысли XVII-XIX вв. [Электронный ресурс] / А.А. Скворцов // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 8.Вып. 2. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr_e-ast8-2.2015.42.

Сколько людей гибнут в вооруженных конфликтах по всему миру. [Электронный ресурс] // +1 – Проект об устойчивом развитии – Режим доступа: https://plus-one.ru/society/2022/09/22/skolko-lyudey-gibnut-v-vooruzhennyh=link &utmterm=scroll. (Дата обращения: 24.09.2022).

Смит Адам Богатство наций : перевод с английского / Адам Смит. М.: Бизнеском, 2009. 286 с.

Смит Адам Теория нравственных чувств / Адам Смит ; перевод с английского П. Бибикова. М.: АСТ, cop. 2022. 506 с.

Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1988. 892 с.

Спиноза Б. Политический трактат. М.: Юрайт, 2018. 110 с.

Сталин И.В. Сочинения. М.: Издательство «Писатель», Т. 15. 1997. 123 с.

Стебнева А.В. Конфликт интересов Российской Федерации и США в Сирии: политологический анализ: автореф. дис. … канд. полит. наук: 23.00.06 / Стебнева Алина Викторовна. М., 2021. 31 с.

Сукач С.Л. Партия Ленина-Сталина – организатор и воспитатель высокого морального духа Советской Армии в Отечественной войне: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1948. 29 с.

США потратили 5 миллиардов долларов на «украинскую демократию» [Электронный ресурс] // Российская газета – Режим доступа: https://rg.ru/2014/04/22/demokratia-site-anons.html (Дата обращения: 24.10.2022).

Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс Избранные сочинения : [Пер. с латин.] / Квинт Септимий Флорент Тертуллиан; Сост., [вступ. ст.] и общ. ред. А. А. Столярова. М.: Прогресс : Культура, 1994. 443 с.

Толстая С.М. Язычество // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 5. 2012. 736 с.

Трифоненков П.И. Марксизм-ленинизм о моральном факторе в современных войнах: автореф. дис. … канд. философ. наук. Ленинград, 1952. 29 с.

Троцкий Л.Д. Их мораль и наша (Памяти Льва Седова) // Этическая мысль: Науч. публицист. чтения. 1991 / Общ. ред. А.А. Гусейнова. М., 1992. 446 с.

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Kremlin. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/ View/ 0001202211090019/ (Дата обращения: 14.11.2022).

Украинские боевики не смогли отразить удар российских беспилотников [Электронный ресурс] // ЛенТВ24 – Режим доступа: https://lentv24.ru/ukrainskie-boeviki-ne-smogli-otrazit-udar-rossiiskix-bespilotnikov.htm/ (Дата обращения: 25.10.2022).

Украинские националисты разместили тяжелое вооружение между жилыми домами [Электронный ресурс] // Российская газета – Режим доступа: https://rg.ru/2022/03/02/ukrainskie-nacionalisty-razmestili-tiazheloe-vooruzhenie-mezhdu-zhily mi-domami.html/ (Дата обращения: 02.03.2022).

Украинские силовики возобновили обстрелы [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. – Режим доступа: https://ria.ru/20220109/donbass-1767042323.html (Дата обращения: 09.01.2022).

Украинский патриотизм: призывы убивать русских и угрозы мирным жителям [Электронный ресурс] // ВЕСТИ – Режим доступа: https://www.vesti.ru/article/2698837/ (Дата обращения: 25.05.2022).

Управление ООН по правам человека: Около 70% убитых в секторе Газа женщины и дети [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. – Режим доступа:

https://www.aa.com.tr/ru/мир/управление-оон-по-правам-человека-около-70-убитых-в-секторе-газа-женщины-и-дети/3388664 (Дата обращения: 15.10.2025).

Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб.: Бережливость, 1904. 357 с.

Фадеев Г.Д. Моральный дух Советской Армии: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1948. 24 с.

Флейшакер С. Моральная и политическая философия Адама Смита. [Электронный ресурс // Стэндфордская энциклопедия философии. – Режим доступа: https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/smith-moral-political/ (Дата обращения: 25.07.2022).

Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1. 576 с.

Франк С.Л. Сила и право // Русская мысль. 1916. № 1. С. 12-17.

Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1991. 462 с.

Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1. 417 с.

Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 3. 504 с.

Хомяков А.С. К сербам. Послание из Москвы // Хомяков. О старом и новом. М.: Современник, 1988. 40 с.

Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. 247 с.

Шелер М. Гений войны и германская война. Лейпциг: Издательство дер. Белые книги, 1917. 464 с.

Шелер М. Мысли о политике и морали. М.: МСЛ, 2020. 131 с.

Шпиндлер В.А. Значение морального потенциала в современной войне: автореф. дис. …канд. филос. наук. М., 1951. 23 с.

Шугуров М.В. Взаимодействие международной морали и международного права: философско-правовой аспект // Взаимодействие права и морали: материалы международной научной конференции / отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. С. 22-29.

Шумный А.В. Роль морального фактора в ракетно-ядерной войне: автореф. дис. …канд. филос. наук. М., 1965. 19 с.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг: [перевод] / Ф. Энгельс. М.: Прогресс, 1988. 534 с.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М.: Книга, 1986. 268 с.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства : в связи с исследованиями Льюиса Моргана / Ф. Энгельс. – Изд. 5-е. М.: URSS. 2016. 238 с.

Ядуванкин Н.Н., Васильева С.Н. Релевантность как основной принцип урегулирования и предотвращения вооруженных конфликтов // Вооруженные конфликты: предпосылки, последствия, правовые основы предупреждения, противодействия и урегулирования: материалы IV межвузовской научно-

практической конференции на английском языке (20 марта 2019 г.) / отв. ред. С.В. Шермазанова. М.: Международный юридический институт, 2019. С. 192-200.

Fotion N. Two Theories of Just War // Philosophia, 2006.Vol. 34. P. 53-64.

Human and budgetary costs to date of the U.S. war in Afghanistan, 2001-2022 [Электронный ресурс] // Watson Institute for international and public affairs – Режим доступа: https://watson.brown.edu/costsofwar/figures/2021/human-and-budgetary-costs-date-us-war-afgh anistan-2001-2022. (Дата обращения: 12.09.2022 г.).

McMahan J. The Ethics of Killing in War // Philosophia. 2006. Vol. 34. P. 23-41.

Nagel T. War and Massacre. Philosophy and Public Affairs, Vol. 1, No. 2 (Winter, 1972), P. 123-144.

Orend B. The Morality of War. N.Y.: Broadview Press, 2013. 339 p.

Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration. N.Y.: Basic Books, 2000. 400 p.